ШТАБ Р. К. К. А.
УПРАВЛЕНИЕ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ОПЫТА ВОЙН

Обм. фонд

Е. БАРСУКОВ

ПОДГОТОВКА РОССИИ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ В АРТИЛЛЕРИЙСКОМ ОТНОШЕНИИ

ГЭЖ 351
Б 286

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГЭЖ 351
Б 286

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
1926

СССР Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ШТАБ ★ РККА
УПРАВЛЕНИЕ по ИССЛЕДОВАНИЮ и ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ОПЫТА ВОЙН

ГЖ351
Б 286

Е. БАРСУКОВ

ПОДГОТОВКА РОССИИ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В АРТИЛЛЕРИЙСКОМ ОТНОШЕНИИ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
В. А. МЕЛИКОВА

1 9 2 6

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

П
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008
84

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО № 1636.
Ленинградский Гублит № 8194.
Заказ № 175.
Тираж 3.000—14.
Воен. Типография Гл. Упр. Р.-К. К. А. (пл. Урицкого, 10).

ГЖ 351 Р
Б 286
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
1913
59689

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Анализ эволюции оперативных планов на суше и на море, которые имели место в работах бывшего русского генерального штаба, сделан в трудах А. Зайончковского „Подготовка России к мировой войне“ (планы войны) и М. Петрова „Подготовка России к войне на море“.

Предлагаемый читателю труд Е. Барсукова представляет собой довольно цельное и законченное исследование основных вопросов подготовки царской России к мировой войне 1914—18 г. г. в артиллерийском отношении (вооружение армии, организация и боевая подготовка артиллерии в связи с другими родами войск). Эта работа Е. З. Барсукова охватывает более 10 лет жизни старой армии, готовившейся по опыту русско-японской войны к новой мировой войне.

Останавливаясь на главнейших этапах жизни царской армии, как-то: русско-японская война, реформы 1910 и 1913 годов, состояние вооружения армии к 1914 году—автор с достаточной полнотой, в пределах имеющегося материала, рисует постепенное развитие русской артиллерии со времени перевооружения ее скорострельными орудиями, обнимая как техническую, так и тактическую часть с некоторым перевесом в сторону последней.

Одной из ценных сторон настоящей работы является то, что автор не только хронологически излагает мероприятия по артиллерийской части, но и стремится выявить внутренний смысл их, всесторонне исследовать и дать им критическую оценку.

Из предисловия автора мы видим, что им при описании ушедших событий руководила мысль дать работникам нашей Красной армии возможность почерпнуть из его труда полезные сведения для приложения к жизни с тем, чтобы не повторять „ошибок прошлого, искупаемых на войне слишком дорогой ценой“.

Исходя из этой основной мысли, автор откровенно выявляет ошибки, которые делали руководители старой армии и законодательные учреждения царского времени.

Красной нитью в его работе проходит: а) отсутствие твердого плана обороны России;

б) недостаточная продуманность военной подготовки „мозгом армии“ генеральным штабом;

в) несогласованность работы министерств царского правительства между собою и с Государственной Думой;

г) отсутствие объединяющего руководства в боевой подготовке войск, а отсюда предоставление артиллерийского ведомства самому себе без твердо поставленной ему задачи сверху;

д) разнобой в работе Главного Управления Генерального Штаба и Главного Артиллерийского Управления;

е) отсутствие взаимодействия и взаимопонимания в боевой подготовке артиллерии с другими родами войск.

Особое место уделяет автор тому обстоятельству, что руководящие верхушки царской армии, рассчитывая вести „молниеносную“ наступательную войну, забыли снабдить для этой цели армию необходимыми артиллерийскими средствами, которые бы обеспечили успех такого „наступления“ и не постарались соответственно подготовить высший командный состав в отношении уменья правильно использовать артиллерию.

Тов. Барсуков находит, что последнее обстоятельство получило право на существование, во-первых, в силу недостаточного учета руководящими кругами царской армии вопроса и значения техники на войне, во-вторых, предвзятого воспитания в армии „духа“, „морального элемента“ и пренебрежительного отношения к технике, и в третьих, недостатка отпускаемых кредитов на вооружение в силу урезывания последних контролирующими органами (ведомствами).

Во многих местах труда автор останавливается на обособленности артиллерийского дела от военного ведомства вообще и от генерального штаба в особенности; одной из главных причин данного явления автор считает отсутствие достаточной внутренней связи артиллерии с другими войсками и неподготовленность командного состава в артиллерийском отношении.

Далее автор подчеркивает существовавшую в царской армии ненормальность в отношениях между офицерами разных родов оружия и несколько пренебрежительное отношение к войскам со стороны генерального штаба и главных управлений военного министерства, объясняя это явление отчасти различием классового состава офицерства и почти полным отсутствием совместных занятий разных родов войск в мирное время.

Когда автор говорит об обособленности работы старого генерального штаба и объясняет этим многие недочеты подготовки царской России к войне 1914—18 г.г. в артиллерийском отношении, нельзя сказать, чтобы он был неправ. Последние

исследования и документы по этому вопросу вполне подтверждают, что генеральный штаб старой армии, работая преимущественно в канцеляриях и держась в стороне от войск, не особенно то любил привлекать специалистов-артиллеристов по вопросам техники военного дела к своим оперативным работам, делая из них тайну от тех, кому в будущем будет необходимо не только знать эти оперативные замыслы, но и приводить их в исполнение.

Казалось бы, простая истина, что при разработке вопросов оперативного характера необходимо считаться с новейшими достижениями военной техники, в которых, конечно, в первую очередь более осведомлены те, которые по роду своей специальности не могут не следить за ее развитием,—была не совсем ясна старому генеральному штабу.

И трудно не согласиться с мыслью тов. Барсукова, что при дружной работе генерального штаба с военными техниками вопросы обороны государства были бы обеспечены не так, как это было в царской армии.

Такая совместная работа в особенности нужна между генеральным штабом и артиллеристами, в виду той громадной роли, какую играет современная могущественная артиллерия.

Этого не было в старой армии, а потому и подготовка России к войне в оперативном отношении и подготовка в артиллерийском отношении велась в разнобой: первая в Главном Управлении Генерального Штаба, вторая в Главном Артиллерийском Управлении, т.-е. почти без всякой связи друг с другом, и в результате артиллерийская подготовка не отвечала оперативным заданиям.

Как я уже отмечал, в труде тов. Барсукова резко оттеняется отсутствие общего высшего объединяющего руководства в боевой подготовке артиллерии совместно с другими родами войск и некоторая изолированность артиллерии даже в отношении тактической подготовки. Где причина?

Почти до 1913 года, т.-е. „в продолжение более 7 лет после окончания русско-японской войны генеральный штаб не предпринял решительных шагов, чтобы рассеять туман тактических воззрений, сгустившийся в армии"—говорит автор И действительно, лишь в конце 1912 года, после издания официального устава полевой службы, артиллерия получила более или менее определенную задачу для своих тактических достижений и только здесь армия узнала, да и то не так, как следует, что она может требовать от артиллерии, и что занятнее всего, что до этого времени артиллерии приходилось руководствоваться, так сказать, своей тактикой, проводимой в жизнь не более не менее, как офицерской артиллерийской школой.

Конечно, все эти моменты Красная армия, внимательно изучив, взяв на заметку, хорошо учтет, ибо мы не желаем

повторять не только ошибок (между прочим любившего увлекаться всем французским) генерального штаба царской армии, но мы не будем уподобляться и французскому генеральному штабу, для которого, по словам проф. Гаскуэна, стратегия и тактика есть своего рода оккультные науки, составляющие „монополию нескольких замкнутых кружков, очень подверженных заблуждениям“ [1]).

Отсутствие подготовки и склонности командного состава царской армии к размышлению и самодеятельности, недостаточное знакомство его со свойствами современной артиллерии, ошибочность некоторых организационных мероприятий и мобилизационных расчетов ГУГШ и ГАУ, отрицательные стороны деятельности этих учреждений, нецелесообразность организации высшего управления и подчиненности артиллерии — все это в достаточной мере затронуто и проанализировано автором.

Между прочим, в приложении к труду имеются интересные данные о нецелесообразном использовании артиллерии в мировую войну.

Необходимо заметить, что, несмотря на многие положительные и полезные данные, все же многие исследуемые автором вопросы являются, я бы сказал, спорными, и до сего времени не утратившими своего жизненного значения.

Затрагивая попутно ряд других вопросов—о вмешательстве Государственной Думы в дело военного строительства, о так называемых „ведомственных трениях“ царского правительства, о зависимости царской России от Франции, о неподготовленности русской промышленности к войне и проч. — труд тов. Барсукова в этой части представляет интерес не только для военных специалистов.

Однако, с этой стороны работа тов. Барсукова имеет ряд недостатков, т. к., затрагивая вопросы, выходящие за пределы специального исследования об артиллерийской подготовке России к войне, автор отвечает на них не всегда удовлетворительно или вовсе оставляет их без ответа.

Из изложения тов. Барсукова можно вывести заключение, что Россия сама по себе к войне не готовилась, а лишь весьма неактивно тянулась за Францией и за своими соседями, как будто только для того, чтобы ее вооруженная сила соответствовала вооружениям западно-европейских государств.

Между тем, безусловно, царская Россия также готовилась к войне и имела свои политические цели, как-то: укрепление самодержавия, расширение границ и проч., в коих не могла не быть заинтересована русская буржуазия, всемерно поддерживавшая эти цели.

---

[1]) См. Гаскуэн „Эволюция артиллерии во время мировой войны“, стр. 4.

Но что царская Россия не умела так, как, например, Германия, готовиться к войне и шаталась в этом отношении, как и во всем—это безусловно верно.

Далее, правильно подчеркивая активную деятельность комиссии по обороне при Государственной Думе в сторону усиления вооружений, автор забывает оговорить, что главную роль здесь сыграло стремление промышленников к наживе на военных заказах.

В силу этого затушевывается важное обстоятельство о патриотизме и заинтересованности русской буржуазии в войне.

Далее, автор почти не касается вопросов артиллерийского снабжения и заготовления предметов этого снабжения, совершенно не связывая вооружение армии с состоянием военной промышленности России, и чрезвычайно коротко отмечает важный вопрос о зависимости царской России от иностранного капитала в отношении военных заказов. Правда, в своем предисловии автор говорит, что ему пришлось отложить на некоторое время исследование указанных вопросов за ненахождением необходимых материалов. Здесь мы имеем пока пробел, несмотря на то, что по вопросам артиллерийского снабжения мы имеем специальный труд А. Маниковского „Боевое снабжение русской армии в 1914—18 г.г.“ Но этот труд, как видно из самого заглавия, почти не затрагивает вопросов артиллерийского снабжения в период подготовки царской России к войне и почти вовсе не касается боевой подготовки старой армии в артиллерийском отношении.

Таким образом, задачу по составлению очерка подготовки России к войне 1914—18 годов в артиллерийском отношении нельзя считать, в полном объеме, законченной. Но мы надеемся, что этот пробел будет восполнен путем выполнения тов. Барсуковым порученной ему новой работы о подготовке к войне русской промышленности по изготовлению предметов вооружения царской России.

Что касается затронутых в труде вопросов тактического характера, то и здесь автор не дает окончательных выводов в то время, как углубление этих вопросов для пользы Красной армии весьма необходимо. Я бы сказал, что более детальное исследование этих вопросов в данном труде не совсем и уместно, так как это скорее можно отнести к другой теме, а именно к эволюции русской артиллерии в мировую и гражданскую войны.

Разработка такой темы перед Управлением по исследованию и использованию опыта войн стоит на очереди.

Читатель будет в праве упрекнуть тов. Барсукова за обильное количество справочных сведений довольно элементарного характера, которые, казалось бы, должны были бы

быть известны всякому образованному военному и потому могли бы быть выпущены. Но эти сведения оставлены, и я полагаю, что большинство из них безусловно будет полезно Красной армии. Здесь я хочу сказать, что такие сведения, как: а) основные данные об артиллерийских орудиях и снарядах, характеризующие боевые тактические свойства вооруженной ими артиллерии; б) сравнение свойств русских орудий с иностранными; в) значение горной артиллерии в смысле применения ее для сопровождения пехоты и др.—учитывая, что этот труд будут читать не только артиллеристы, могут быть оставлены и принести определенную пользу. Ибо, несмотря на то, что все сведения просты, но, как показал опыт мировой войны, они были мало известны командному составу старой царской армии, а как следствие отсюда — неумелое применение артиллерии в бою было довольно заурядным явлением.

Не может в этом отношении похвалиться и командный состав Красной армии во время участия в период гражданской войны, ибо его познания в области тактических свойств современной артиллерии были не так уж основательны.

Недостаточное наличие архивных материалов кладет на труд тов. Барсукова мемуарный оттенок, но от этого интерес к работе не пропадает; правда, заставляет читателя к некоторым выводам автора относиться несколько осторожнее.

В заключение могу сказать, что, несмотря на указанные недостатки, труд тов. Барсукова следует признать весьма полезным для практической жизни Красной армии, а в силу своего простого и вполне литературного изложения, он может быть рекомендован широкому кругу читателей.

В. Меликов.

29 сентября 1925 года.

ОТ АВТОРА.

Работа по составлению очерка подготовки России к войне в артиллерийском отношении обнимает собою весьма сложные вопросы: вооружения армии, организации и боевой подготовки артиллерии в связи с другими родами войск, артиллерийского снабжения, подготовки к войне промышленности по заготовлению предметов вооружения и проч.

По каждому из указанных вопросов возможно написать объемистую книгу, и это, пожалуй, было бы легче исполнить, чем исчерпать каждый вопрос в сжатой форме.

Исполнение труда в полном объеме потребовало бы много времени, в особенности, если еще принять во внимание крайнюю скудость материалов, трудность их розыска и кропотливость работы по научно-историческому исследованию.

Между тем, армия наша ждет военно-исторических работ, из которых возможно было бы почерпнуть полезные сведения для настоящего и будущего. Поэтому мне поставлена была задача исполнить работу в кратчайший срок с тем, чтобы издать ее в виде отдельной части серии намеченных трудов по подготовке России к мировой войне.

Как участнику событий—войны и революции, к тому же близко стоявшему к разрешению многих артиллерийских вопросов, мне не легко оставаться объективным при исследовании пережитого прошлого. Поэтому я предполагал основывать свою работу исключительно на архивных материалах. Но небольшой срок, бывший в моем распоряжении, не дал мне возможности это осуществить в полной мере.

Военно-ученый архив оказался весьма бедным в отношении материалов по артиллерийской части; почти все архивы бывшего главного артиллерийского управления и бывшего управления генерал-инспектора артилерии при верховном главнокомандующем находятся в разных местах—в Москве и Ленинграде в неразобранном виде, а частью погибли.

Ожидание приведения в порядок этих архивов равносильно было бы неисполнению принятого на себя задания.

При составлении настоящего труда использованы имеющиеся материалы военно-ученого архива, а также литература, весьма скудная по данному вопросу.

За ненахождением необходимых материалов, мне пришлось отложить на некоторое время исследование вопроса о подготовке к мировой войне промышленности по заготовлению предметов вооружения и недостаточно широко охватить вопросы артиллерийского снабжения.

При исполнении работы мною руководила та мысль, чтобы не только артиллеристы, но и все прочие работники нашей армии могли почерпнуть из настоящего труда полезные сведения для приложения к жизни и не повторяли ошибок прошлого, искупаемых на войне слишком дорогой ценой.

До выяснения по опыту войны многих исторических данных по артиллерийской части, что предполагается исполнить в последующей моей работе: „Очерк эволюции русской артиллерии в мировую и гражданскую войну", нельзя сделать достаточно обоснованные заключения по всем вопросам, затронутым в этом труде. Поэтому по тем вопросам, разрешение которых представляется мне бесспорным, сделаны окончательные выводы, по некоторым другим спорным вопросам выводы лишь намечены.

Я буду удовлетворен, если моя работа вызовет интерес среди широкого круга читателей и всестороннюю критику, хотя бы самую беспощадную.

Инспектор артиллерии РККА Шейдеман Ю. М. и некоторые другие авторитетные наши артиллеристы изъявили любезное согласие просмотреть настоящий труд в рукописи и дали весьма ценные указания, которые мною учтены.

Приношу им искреннюю признательность за оказанное мне содействие на пользу общему нашему делу.

Евгений Барсуков.

Май 1925 года.
г. Москва.

ГЛАВА I.

Краткий очерк состояния русской армии в артиллерийском отношени в русско-японскую войну 1904—1905 годов.

а) Организация. Еще со времен русско-турецкой войны 1877—1878 г.г. сознавались крупные недочеты организации русской полевой артиллерии, как-то: нецелесообразная подчиненность артиллерии в мирное время по особой линии артиллерийского начальства, минуя общевойсковых старших начальников; слабость артиллерии в отношении числа орудий, приходящихся на 1.000 штыков пехоты; отсутствие артиллерии навесного действия с мощным снарядом для разрушения прочных закрытий; сложность и разнообразие состава артиллерии, громоздкость 8-ми орудийных батарей, отягощение батарей хозяйством в ущерб боевой подготовки и проч.

Меры к устранению этих недочетов предпринимались, но чрезвычайно медленно, без определенного плана, не с достаточной продуманностью и последовательностью.

В 1888—1890 г.г. сформировано было лишь 5 мортирных артиллерийских полков по четыре 6-ти орудийных батареи в каждом, вооруженных 6 *дм.* полевыми мортирами системы ген. Энгельгардта, с довольно сильным фугасным снарядом, но в общем слабыми по баллистическим качествам.

В 1895 году приняли в полевой артиллерии дивизионную организацию, сводя в дивизионы по 2 и по 3 батареи. В 1892—1898 г.г. разновременно сформировали до 76 легких батарей и ввели их третьими дивизионами в разных 25 артиллерийских бригадах.

Перечисленными мероприятиями ограничились реформы в артиллерии, вызванные русско-турецкой войной.

Только в 1900 году, в связи с принятием на вооружение русской полевой артиллерии 3 *дм.* скорострельной пушки, возник вопрос о необходимости реорганизации 8-ми орудийных батарей, совершенно не отвечающих свойствам вновь вводимой пушки, в более гибкие, подвижные и удобоуправляемые 6-ти или 4-х орудийные батареи. Большинство стар-

ших войсковых начальников, представителей генерального штаба и артиллеристов высказалось за переход к 6-ти орудийным батареям. Осуществление этой меры, столь важной для поддержания артиллерии на высоте современных требований, вызывало новый ежегодный расход лишь около 3 милл. рублей. Тем не менее, бывший в то время военный министр ген. Куропаткин, находя, что такой постоянный большой расход может послужить препятствием к разрешению других назревших, по его мнению, более неотложных вопросов, признал необходимым предварительно выяснить путем опыта сравнительные преимущества батарей уменьшенного состава и осенью 1902 года испросил высочайшее повеление—остаться временно при 8-ми орудийных батареях.

Русской полевой и горной артиллерии (пешего или ездящего типа) суждено было временно остаться с 8-орудийными батареями не только в русско-японскую войну, но дожить с ними и до мировой войны.

Конная и мортирная артиллерия имела 6-ти орудийные батареи.

Батареи сводились по 2—3 в дивизионы, дивизионы по 2—3 в артиллерийские бригады; в бригадах было по 4, 5, 6, 7 и даже по 9 батарей; были и отдельные батареи, несведенные в дивизионы, были и отдельные дивизионы, а некоторые артиллерийские бригады не подразделялись на дивизионы; батареи резервного типа разворачивались при мобилизации в артиллерийские бригады из 4, 5 или 6 батарей.

В зависимости от такой пестрой организации, русские пехотные дивизии имели легких пушек: действующие 1-й очереди (полевые) большинство по 48 орудий, а некоторые до 72; второочередные (резервные) от 32 до 48 орудий. В корпусах же, весьма разнообразных по составу, имелось от 56 до 168 орудий, включая конные, горные и мортирные батареи, входившие в состав некоторых корпусов [1]).

В 1904—1905 г.г., в виду войны с Японией, произведены были новые формирования артиллерии на Дальнем Востоке. На каждую восточно-сибирскую стрелковую дивизию полевого типа сформировано было по одной стрелковой 4-х батарейной артиллерийской бригаде, на каждую восточно-сибирскую стрелковую дивизию крепостных районов по одному 3-х батарейному артиллерийскому дивизиону. Вновь сформированы были 26 восточно-сибирских горных батарей и кадровая резервная батарея, разворачивающаяся в резервную артиллерийскую бригаду из 4 батарей. Мортирные артиллерийские полки переформированы были в мортирные дивизионы по 2 батареи в каждом.

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.

К началу войны организация не была закончена, значительная часть артиллерии находилась в периоде развертывания и до нормы не хватало 25 батарей; всего было на Дальнем Востоке 168 пеших, 16 горных, 12 конных орудий и 24 конно-горных орудия Заамурской пограничной стражи, что, при находившихся в то время на Дальнем Востоке 91 батальонах пехоты, составляло лишь по 2 орудия на батальон (не включая конных и конно-горных орудий).

Постепенно, в течение всей войны, на Дальний Восток подходили подкрепления из Европейской России: X и XVII армейские корпуса, 6 резервных пехотных дивизий, 1 корпус, затем еще 7 корпусов, 1 резервная дивизия и 5 стрелковых бригад; с ними приходила и артиллерия, входившая в их состав; но отправлялась иногда и не своя артиллерия, а из других дивизий и корпусов—из числа батарей, перевооруженных скорострельными 3 *дм.* пушками обр. 1900 года. Кроме того, отправлялись на Дальний Восток формировавшиеся в Европейской России горные скорострельные батареи, осадные артиллерийские полки и другие артиллерийские части. К седьмому месяцу войны на Дальнем Востоке всего было сосредоточено около 160 батальонов, 100 сотен и 450 орудий.

В общем составе маньчжурской армии в русско-японскую войну имелось не более 3-х пушек (легких и горных) на баталион пехоты, и по относительному числу действующих орудий русская армия была слабее японской. Что же касается полевых 6 *дм.* мортир, то их было очень мало—всего около 48—60 на всю Манчжурскую армию.

Полевой тяжелой артиллерии, если не принимать во внимание 6 *дм.* полевых мортир, в русской армии во время русско-японской войны вовсе не было. Русская тяжелая осадная артиллерия тогда должна была состоять: из 4-х осадных артиллерийских полков в Европейской России, каждый по 200 орудий, одного осадного полка на Кавказе в 230 орудий и кушкинского осадного артиллерийского парка в 68 орудий; всего 1.098 орудий [1]).

В действительности, вследствие недостатка орудий, в Европейской России содержалось три осадных полка; в общем же ко времени русско-японской войны не доставало во всех частях осадной артиллерии 276 орудий (около 30%) установленных в то время образцов. И, как увидим ниже, образцов устаревших и совершенно не удовлетворявших требованиям, которые тогда предъявлялись к осадным орудиям.

На осадную артиллерию предполагалось возлагать три задачи: а) содействие полевой артиллерии в тех случаях, когда огонь полевых орудий, как для действия по войскам, так и по укреплениям и всякого рода закрытиям, оказы-

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.

вается недостаточным; б) служить запасом для вооружения укрепленных пунктов и временных позиций, возводимых в военное время и в) для осады неприятельских крепостей.

Для выполнения первой задачи из состава осадных артиллерийских полков, с объявлением мобилизации, должны были выделяться дивизионы тяжелой артиллерии. Во время русско-японской войны выделены были орудия из осадных полков Европейской России для сформирования восточно-сибирского осадного артиллерийского полка, развернутого впоследствии в два полка.

Под Ляояном в русской армии было около 30 осадных орудий, а ко времени Мукденского сражения число осадных орудий возросло до 130.

Боеспособность русской крепостной артиллерии—береговой и сухопутной—была довольно сомнительной как по неудовлетворительности организации, так и, в особенности, вследствие плохого вооружения, крайнего недостатка в хороших вспомогательных приборах для стрельбы, в обеспеченных командных и наблюдательных пунктах, а также вследствие отсутствия надежных средств связи, необходимых для управления огнем [1]).

б) Вооружение. В период русско-японской войны русская действующая пехота и конница вооружены были 3-*лин.* магазинными винтовками обр. 1891 года, в то время еще не приспособленными для стрельбы усиленным зарядом остроконечной пулей; в некоторых тыловых частях и в государственном ополчении оставались еще прежние 4,2-*лин.* винтовки Бердана. Кроме того, на вооружении состояли 3-*лин.* пулеметы системы Максима—ездящие тяжелые и переносные (системы Мадсена) вьючные; те и другие в крайне ограниченном числе—приблизительно не более одной роты (команды) из 8 пулеметов на дивизию, т.-е. примерно по одному пулемету на две тысячи штыков.

Русско-японская война застала пулеметы русской армии в стадии войсковых испытаний. Одна рота из 8 пулеметов Максима испытывалась в 3 восточно-сибирской стрелковой дивизии и четыре пулеметных роты испытывались в Варшавском военном округе, откуда они прибыли на войну летом 1904 года; в конце того же года прибыли на войну еще две вновь сформированные пулеметные роты и в начале 1905 г. еще шесть рот; кроме того, в декабре 1904 года из Владивостока взято было для полевых войск 12 крепостных пулеметов, из которых сформировали две пулеметные роты.

В баллистическом отношении русские 3-*лин.* винтовки и пулеметы были в общем удовлетворительными и лучше японских.

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.

По сложности и громоздкости своей материальной части и упряжек, ездящие пулеметы представляли слишком заметную цель для противника, вследствие чего, за редкими исключениями, не могли переменить позиции и, заслоненные в бою продвинувшейся вперед пехотой, в большинстве случаев, обречены были на полное бездействие.

Турецкая война 1877—1878 г.г. застала Россию с двумя типами полевых орудий (9 фунт. и 4 фунт. бронзовые орудия, замененные батарейной пушкой 4,2 *дм.* калибра и легкой 3,4 *дм.*) и с тремя к ним снарядами (граната, шрапнель и картечь). Опыт этой войны указал на необходимость иметь в полевой артиллерии орудие более крупного калибра, стреляющее навесно мощным снарядом сильного фугасного и разрушительного действия, вследствие чего и принята была, как упоминалось выше, 6-*дм.* полевая мортира.

Но предупреждающий голос войны 1877—1878 г.г. заглушен был стремлением к единству калибра орудия и к единству снаряда, господствующим перед войной 1904—1905 г.г. Стремление это всемерно поддерживалось и генеральным штабом. Причина понятна: „единство калибра“ и „единство снаряда“ приводит к удобству заготовления и снабжения, к простоте обучения и использования в бою.

Тактически воспитанные на принципе, что победа дается лишь тому, кто наступает, кто ищет встречи с противником грудь с грудью в маневренном открытом бою, русские в те времена, повидимому, не желали думать о технических средствах поражения укрывшегося противника, хотя и тогда уже много говорилось о пустынности будущих полей сражения.

В своем стремлении к достижению идеала—дать армии одно орудие, которое могло бы разрешать все задачи полевого боя при одном снаряде—русские артиллеристы остановились на 3-*дм.* скорострельной пушке. Система этой пушки разработана Путиловским заводом по заданию артиллерийского комитета главного артиллерийского управления (ГАУ) [1]), которая и была принята на вооружение русской армии в 1900 году, с одобрения генерального штаба и большинства старших строевых начальников.

Полевая скорострельная пушка обр. 1900 г., по баллистическим ее свойствам, ничем не отличается от пушки образца 1902 года, которая была на вооружении русской армии в мировую войну и живет до сих пор в нашей Красной армии. Поэтому не бесполезно будет несколько остановиться на рассмотрении свойств 3 *дм.* пушки.

Наибольшая дальность русской 3-*дм.* пушки до 8 *км* считалась достаточной для полевого маневренного боя, так

---

[1]) В последующем изложении главное артиллерийское управление будет сокращенно называться ГАУ.

как наблюдение шрапнельных выстрелов, дающих при разрыве незначительное облако дыма, являлось затруднительным на дистанциях свыше 8 *км*, даже при наличии хороших оптических приборов. Впрочем, во время русско-японской войны (и потом даже в начале мировой войны) русская армия не могла использовать в полной мере дальнобойность 3-*дм.* пушек, так как вышла на войну с 22 секундными дистанционными трубками, допускавшими стрельбу шрапнелью лишь на 2.600 саж., вместо возможной на 3.900 саж. при 34 сек. дистанционных трубках, и с прицельными приспособлениями, допускающими стрельбу на предельную дистанцию лишь около 6 *км* вместо 8 (впрочем, по уровню возможно было гранатой стрелять на дистанцию до 8 *км*).

Причиной этого странного, как бы добровольного отказа от дальнобойности собственных пушек служило то обстоятельство, что по свойствам 3-*дм.* пушки огонь ее на дистанциях свыше 5 *км*, вообще довольно слаб, а поражение, наносимое шрапнелью, неудовлетворительно.

Проектирование 34 сек. дистанционных трубок в артиллерийском комитете шло весьма медленно, а валовое изготовление, сложное и трудное в техническом отношении, сильно запоздало.

Медлительность в снабжении 34 сек. дистанционными трубками и в переделке прицельных приспособлений объяснялась, до некоторой степени, недоверием русской полевой артиллерии к действительности стрельбы на дальние дистанции—свыше 6 *км.*, недоверием, вкоренившимся со времен М. И. Драгомирова. „Мы считаем нашу артиллерию нашей хранительницей", говорил этот генерал,—„стыдно располагать ее дальше 2.500 метров. Отныне всякий батарейный командир, ставший на маневрах на большую дистанцию, должен быть отрешен от командования".

Кроме того, некоторые из русских, в то время весьма известных, артиллеристов, пользовавшихся авторитетом среди артиллерийского комитета, чрезвычайно увлекались французской артиллерией; по их инициативе, многое не только хорошее, но и дурное было заимствовано у французов. Французская артиллерия никогда не практиковалась в стрельбе на большие дистанции и такая стрельба, по словам Гаскуэна [1]), была у французов „осуждена, как ересь и уставом и начальством". Подражая французам, и русская артиллерия весьма редко практиковалась в стрельбе на дистанции свыше 5 *км*, считая такую стрельбу, при скудном отпуске снарядов на ежегодную практику, довольно излишней и бесцельной роскошью.

---

[1]) Гаскуэн. „Эволюция артиллерии во время мировой войны". Изд. 1921 г. Стр. 30 и 46.

В то время от артиллерии требовали хороший огонь на дистанциях решительного боя, которые считались до 4 *км*. Полевая 3 *дм.* пушка вполне отвечала поставленной задаче и большего от нее не требовали.

В результате русская артиллерия вышла на войну с Японией, не умея и даже не имея возможности стрелять на дальние дистанции; между тем, они оказались неизбежными в боевых столкновениях и хотя не в полной мере, но все же были достижимы для 3 *дм.* пушек.

Полевая 3 *дм.* пушка обр. 1900 г. при громадной начальной скорости ее снаряда—1930 *фт.* в секунду (у французов—1740 *фт.*, у немцев—1525—1640 *фт.* в сек.), является одной из лучших, обладающих чрезвычайно отлогой (настильной) траекторией. Настильность траектории способствует увеличению глубины площади поражения шрапнельными пулями, что дает возможность почти не считаться с точностью пристрелки при стрельбе по открыто расположенным живым целям, а это очень серьезное преимущество в маневренной войне.

С другой стороны, большая настильность траектории требует осторожности и искусства при занятии закрытых позиций для батарей с 3 *дм.* скорострельными пушками, во избежание значительных непоражаемых или так называемых „мертвых" пространств, получающихся непосредственно впереди гребня высоты или другого местного предмета, укрывающего батареи. Чем больше укрытие и чем настильнее траектория, тем, вообще говоря, и мертвое пространство больше.

Глубина всей площади разлета пуль группы шрапнелей, выпущенных из 3 *дм.* пушки в одном определенном направлении, при одной установке дистанционной трубки и на одну и ту же дистанцию около 2 *км*, достигает свыше 500 *м*, ширина полосы разлета пуль от 20 до 65 *м*. При этом площадь, осыпаемая шрапнельными пулями, будет иметь вид эллипсиса, вытянутого в направлении выстрелов, размерами в среднем около 5000 *кв. м* [1]). С увеличением дистанции глубина разлета шрапнельных пуль уменьшается и поэтому, например, при стрельбе на 4 *км* нужно израсходовать почти в 4 раза больше шрапнелей, нежели на 1 *км*, чтобы получить те же результаты. Однако, скорострельность пушки—до 10 выстрелов в минуту по официальным наставлениям, дает возможность получить один и тот же результат поражения почти в одинаково короткий срок как на больших, так и на малых дистанциях. Внезапность и кратковременность поражения, достигаемые при стрельбе из скорострельных орудий, оказывают несравненно более сильное моральное

58965

---

[1]) „Пособие по стрельбе полевой артиллерии". Изд. 1911 г. под редакцией М. М. Краевского. Стр. 34—45.

воздействие, чем такое же поражение, но наносимое при медленном огне, к которому человек привыкает, как и ко всему другому, протекающему более или менее продолжительное время.

В 3-*дм.* шрапнели помещается 260 круглых пуль; при разрыве пули ложатся далеко не равномерно по всей осыпаемой ими площади — в части, ближайшей к стреляющему—гуще, дальше—реже. На средних дистанциях для отдельного выстрела 3 *дм.* шрапнелью, глубина поражения, на которой не меньше половины пуль сохраняют убойность, от 270 до 350 *м*, но наиболее действительное кучное и равномерное поражение или, как говорят, „хорошее поражение" получается на пространстве, имеющем около 120 *м* в глубину и около 20 *м* по фронту [1]).

Вообще же при большом числе выпущенных шрапнелей, что имеет место во время боя, возможно считать, что для всех дистанций стрельбы из 3 *дм.* пушки 8-орудийная легкая полевая батарея могла образовать перед собою надежно поражаемую полосу смерти, глубиною около 125 *м* и шириною около 180 *м*, вся же площадь, осыпаемая шрапнельными пулями, достигала при 8-орудийной батарее, весьма внушительных размеров—около 550 *м* в глубину и около 220 *м* по фронту.

По силе шрапнельного огня одна русская 8-ми орудийная легкая батарея могла в несколько минут буквально уничтожить неосторожно открывшийся для нее целый батальон пехоты или даже целый полк кавалерии.

Но насколько могущественной является 3 *дм.* пушка при поражении шрапнелью открытых целей, настолько же она чрезвычайно слаба при поражении целей, сколько-нибудь укрывшихся. Та же громадная начальная скорость и исключительная настильность траектории, обусловливающие необычайную силу 3-*дм.* пушки при поражении шрапнелью открытых целей, являются источником крайней ее слабости—даже почти совершенной ее непригодности для фронтального поражения целей закрытых.

После разрыва шрапнели, пули, в виду большой скорости их полета, продолжают лететь почти в направлении прежней настильной траектории, при чем линии полета их составляют с горизонтом весьма малые углы падения. Если на пути их полета встретится какая-либо преграда, то часть пуль попадет в преграду, другая часть полетит выше преграды, при чем самые нижние из них, пролетевшие по касательной к гребню преграды, упадут за нею в расстоянии приблизительно равном высоте преграды, умноженной на 8, 6, 4, 3— соответственно дистанциям стрельбы в 1000, 2000, 3000, 4000 *м*.

---

[1]) С. Т. Беляев. „Артиллерия". Изд. 1910 г. Стр. 14—19.

Угол падения или наклон траектории крайней нижней пули составляет на указанные дистанции соответственно $^1/_8$, $^1/_6$, $^1/_4$, $^1/_3$.

Вес шрапнельной пули $2^1/_2$ золотника; в виду легкости и круглой формы пули, пробивная ее способность, несмотря на большую начальную скорость, относительно мала. Пули, попавшие в преграду даже незначительной сопротивляемости, в большинстве случаев совершенно безопасны для укрывшихся за нею людей. Например, даже при разрыве шрапнели лишь в 100 *м* не все пули пробивают дюймовую доску. Шрапнельная пуля бессильна против земляных насыпей даже самой малой толщины; незначительный валик, стенка, деревья, ранцы, скатанные шинели и другие закрытия, даже очень небольшой прочности, служат довольно надежным прикрытием.

За закрытием образуется полоса, той или иной глубины, безопасная от поражения фронтальным шрапнельным огнем и могущая служить надежным местом для укрытия и передвижения людей. Достаточно, например, людям цепи, попавшим под шрапнель нашей 3 *дм.* пушки, успеть лечь и набросать перед собою земляной валик в 2 фута высоты (головной окоп), чтобы избавиться от потерь при стрельбе на дистанциях менее 4 *км* (даже при стрельбе на 4 *км* шрапнельная пуля, пролетевшая над гребнем головного окопа высотою в 2 фута, ляжет за ним в 6 футах, т.-е. не поразит лежащего за окопом человека среднего роста в $5^1/_2$ фут.). Для разрушения даже самых ничтожных закрытий, шрапнель, поставленная „на удар", совершенно не годится, так как слабый разрывной заряд 3 *дм.* шрапнели, в 22 золотника пороха, предназначается лишь для отделения трубки с головною частью от остальной части корпуса шрапнели („стакана") и для выбрасывания из него пуль. Намерение раскрыть шрапнельным огнем преграду, укрывающую противника, было бы напрасной и даже преступной тратой снарядов.

Итак, фронтальный шрапнельный огонь русской 3 *дм.* пушки является бессильным для поражения сколько нибудь и чем нибудь закрытого противника. Напротив, фланговый огонь той же шрапнели, направленный вдоль закрытия, является не менее губительным для укрывшихся за преградой людей, чем если бы они были открыты и попали под шрапнель. Шрапнельный огонь 3-*дм.* пушки, направленный вкось закрытия, также наносит поражение и тем сильнейшее, чем более направление огня приближается к фланговому. Но маневрирование, с целью выигрыша фланга, в бою под неприятельским огнем совершенно невозможно для артиллерии, запряженной лошадьми, да еще перегруженными тяжестью пушки.

Вес системы 3 *дм.* пушки обр. 1900 г. в походном положении 123 пуда, а с посаженной прислугой около 150 пуд.; максимальный же вес при запряжке в 6 лошадей до 120 пуд.

*

Значительная дальнобойность 3 *дм.* пушки делает способной вооруженную ею артиллерию к сосредоточению огня даже при весьма разбросанном широком расположении батарей и к легкости переносов огня чуть не в любом направлении. Поэтому не только путем подвижного маневрирования, но путем даже одного умелого, так сказать, „огневого маневрирования“ (без перемены позиций) возможно выиграть фланг противника и в значительной мере парализовать отрицательное свойство 3 *дм.* пушки—бессилие фронтального огня ее шрапнели против укрытого противника.

Наконец, парализовать это свойство возможно также и согласованием тактических действий пехоты и артиллерии: наступающая пехота заставляет противника открыться, чтобы остановить наступление ружейным огнем; тогда артиллерия поражает его шрапнелью и т. д.

Так, приблизительно, думали, вводя на перевооружение одну 3 *дм.* пушку в 1900 г. с одним универсальным снарядом-шрапнелью.

Но не учли при этом „пустынности“ будущих полей сражений, ни того, что маневренные бои будут разыгрываться не на открытых полях типа тогдашних артиллерийских полигонов, а на действительной пересеченной местности; что „огневое маневрирование“ возможно при наличности сильной артиллерии не только в качественном, но и в количественном отношении, а не при 2—3 пушках на 1000 штыков, как имела русская армия; ни того, что „взять во фланг“, хотя бы только огнем, искусного противника не так просто; что желаемое „согласование“ тактических действий пехоты и артиллерии тоже не легко, а в то время, когда атакующая пехота подойдет на 100—200 саж. к противнику, и вовсе не возможно, так как во избежание поражения своих огонь артиллерии приходится прекращать, и проч.

Все сказанное относится, главным образом, к области тактики. Все это должны были учесть специалисты генерального штаба, а не специалисты артиллерийской техники. Между тем, генеральный штаб если и ставил иногда общую задачу для техников, то в дальнейшем обыкновенно не принимал никакого участия в выборе образцов вооружения. В этом кроется большая ошибка прошлого.

Перевооружение 3-*дм.* скорострельными пушками образца 1900 г., начатое в 1902—1903 году, ко времени русско-японской войны далеко еще не было закончено.

Русская полевая артиллерия оказалась на этой войне не только с новыми скорострельными пушками, но и со старыми поршневыми пушками калибра 3,425 *дм.* обр. 1895 г., однако, приспособленными для стрельбы с закрытых позиций помощью угломера, как и скорострельные. Значительно усту-

пая 3 *дм.* пушке обр. 1900 г. в скорострельности—не более 4 выстрелов в минуту и в дальнобойности—6 *км* для гранаты и лишь 3 *км* для шрапнели, поршневая пушка имела два снаряда—шрапнель и гранату, гораздо лучше действующею по постройкам небольшой прочности, чем 3-*дм.* шрапнель. При относительно малой начальной скорости—около 1400 *фт.* в секунду, траектория полета снаряда поршневой пушки получалась не столь отлогой, как у скорострельной пушки, что позволяло при стрельбе шрапнелью наносить некоторое поражение не только открытому, но и укрывавшемуся противнику.

Кроме того, на вооружении русской полевой артиллерии в войну 1904—1905 г.г. состояли в крайне ограниченном количестве: 2,5-*дм.* горная пушка обр. 1883 года, 3-*дм.* горная скорострельная пушка Обуховского завода обр. 1904 г., 6-*дм.* полевая мортира системы Энгельгардта и аргентинская конно-горная пушка.

Горные 2,5-*дм.* пушки устаревшего обр. 1883 г. были так слабы по баллистическим качествам и так сильно износились, что их следовало считать совершенно непригодными для назначения. Пушки эти состояли только в двух батареях 1-й в.-сиб. стр. арт. бригады, которые были перевооружены 3-*дм.* горными скорострельными пушками обр. 1904 г. во время войны.

Горная пушка обр. 1904 г. имела только одну шрапнель—такую же, как и 3-*дм.* полевая пушка; при весьма малой начальной скорости—950 *фт.* в *ск.*, меткость горной пушки обр. 1904 г. была слаба и наибольшая дальность для шрапнели получалась незначительной, лишь около $3^1/_2$ *км*; скорострельность ее невелика—до 6 выстрелов в минуту; материальная часть сконструирована была весьма неудачно и настолько быстро расстраивалась, что на войне средствами полевых мастерских производились постоянные починки. В тех же мастерских изготовлялись вновь для горных батарей вьючно-ездящие передки и зарядные ящики по проекту одного из строевых горных артиллеристов, поручика Тарновского. Единственным плюсом горной пушки обр. 1904 г. был легкий вес системы—в походном положении 26 и в боевом 20 пудов.

Полевая 6-*дм.* мортира обладала мощными снарядами—бомба весом около 70 фунтов с разрывным зарядом до 13 фун. черного пороха и шрапнель с 685 пулями; во всех других отношениях ее следует признать неудовлетворительной: при ничтожной начальной скорости—760 *фт.* в *сек.*, меткость небольшая и дальность не свыше $3^1/_2$ *км*, в положении для боя тяжела—около 80 пудов, почему работа прислуги крайне трудна и утомительна;—стрельба медленная—до $1^1/_2$ выстрелов в минуту.

Несмотря на все это, введение 6-*дм.* полевых мортир на вооружение армии являлось, для своей эпохи, огромной по-

бедой артиллерийской техники, вызвавшей к жизни сильные фугасные снаряды для применения в полевом бою.

Аргентинские конно-горные пушки, состоявшие на вооружении батареи Заамурского округа пограничной стражи, были просты, прочны, удобны и легки (для перевозки системы в походном положении было вполне достаточно 4 лошадей), но дальность стрельбы из них не превышала 3 *км.*

Вооружение русской осадной (тяжелой) артиллерии в 1904—1905 г.г. находилось в неудовлетворительном состоянии [1]).

Существовавшие стальные осадные орудия, не говоря уже о медных, проектированные в 1870-х годах, являлись устаревшими и далеко не удовлетворяли требованиям, которые тогда предъявлялись к тяжелым орудиям осадной артиллерии. Орудия проектированы были для дымного пороха и потому не могли обладать достаточными баллистическими качествами при применении бездымного пороха; большинство лафетов было разработано в те времена, когда в технике лафетного дела еще не применялись новые принципы, порожденные требованиями скорострельности.

Осадная 6-*дм.* пушка в 190 пуд. (обр. 1877 г.), при большом весе системы—в походном положении 328 пуд., в боевом—290 пуд. (а с деревянной платформой, необходимой для стрельбы, 513 пуд.), не давала достаточной дальности—бомбою всего около 8 *км*, а шрапнелью только до 6 *км*, предельная скорость стрельбы не более 1 выстрела в минуту. Пушка 42-лин. (обр. 1877 г.), представляющая также довольно тяжелую систему—188 пуд. в походном положении, около 150 пуд. в боевом, давала такую же предельную дальность, как и 6-*дм.* пушка в 190 пуд. и скорость стрельбы не более $1^1/_2$ выстрелов в минуту. Пушка 6-*дм.* в 120 пуд. (обр. 1877 г.) давала такую же дальность и скорость стрельбы, как и 42-лин. пушка, и по весу системы в походном положении—228 пуд. была малоподвижна для своего назначения. Все мортиры обладали недостаточной дальностью—не свыше 3 *км.* И пушки и мортиры все могли стрелять только с платформ, при чем на переход из положения для движения в положение для боя требовалось значительное время — для 6-*дм.* пушки в 120 пуд. и для 42-лин. пушки не менее $^1/_2$ часа, а для 6-*дм.* пушки в 190 пуд. до 1 дня [2]).

Орудия, состоящие на вооружении русских сухопутных крепостей, были почти исключительно обр. 1877 г., как и осадные.

Они имели, в общем, крайне недостаточную дальность и были нескорострельны; могли стрелять только с платформы;

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.

[2]) „Свойства орудий и краткие указания для их применения". Изд. 1916 г. штаба верховного главнокомандующего.

навесный огонь был мало развит; фугасных, сильно действующих снарядов, было мало; шрапнельный огонь, в соответствии с дистанционными трубками, возможен был только на 4 *км.*

Состязаться с тяжелой и осадной артиллерией противников, вооруженной орудиями новых образцов 1902—1904 г.г., весьма дальнобойных, скорострельных, подвижных, стреляющих мощными снарядами крупных калибров и большею частью без платформ, русская крепостная артиллерия не могла.

Береговые орудия, состоявшие на вооружении русских приморских крепостей в 1904 — 1905 г.г., в огромном большинстве были также устаревшего образца, нескорострельны, слабы калибрами, недостаточно снабжены наиболее нужными фугасными снарядами; многие орудия имели слабые установки и старые изношенные лафеты, не допускавшие стрельбы на полную дальность.

Даже наиболее мощные орудия русской береговой артиллерии уступали более новым орудиям, состоящим на вооружении флота. Дальность береговой 10-*дм.* пушки до 12 *км*; во флоте же были 12-*дм.* орудия с дальностью 25 *км.* По разрывному заряду снаряда и по скорострельности 10-*дм.* береговая пушка значительно уступала 12-*дм.* морской.

Главное орудие среднего калибра береговой артиллерии 6-*дм.* пушка Кане была довольно хороша—наибольшая дальность бомбы до 12 *км*, шрапнели до 8 *км*, предельная скорость стрельбы до 5 выстрелов в минуту, но все же по дальности и скорострельности, а главное по отсутствию сильного фугасного снаряда (разрывной заряд бомбы у пушки Кане лишь около 7 фунтов), она уступала более новым морским орудиям среднего калибра.

Недостатки береговых орудий мелких калибров — малая мощность и возможность стрелять только шрапнелью, тогда как судовые пушки 100—120-*мм* калибра имели уже в то время сильный фугасный снаряд, выводящий из строя, от одного хорошего попадания, неприятельский миноносец.

Орудиям „ближнего" боя (минометы, бомбометы и проч.) тогда не придавали сколько-нибудь серьезного значения не только в полевом бою, но и в осадных операциях, хотя в теоретических курсах об осадной войне упоминалось, что такие орудия необходимы в последних периодах, когда осадные работы приближаются к гласисам укреплений; для этой последней цели в русских крепостях предназначались слабые во всех отношениях старая $^1/_2$-пудовая мортира и более новая тоже слабая 34-лин. нарезная мортира.

в) Подготовка личного состава.

В течение последних почти тридцати лет перед русско-японской войной в русской царской армии, по почину известного и авторитетного М. И. Драгомирова, так много и усердно твердили о „духе", что в значительной мере проглядели „материю".

Русская армия, воспитывавшаяся тогда на идее довольно таки пренебрежительного отношения к техническим средствам, оказалась в этом отношении вообще слабо подготовленной.

В частности, техническая подготовка полевой артиллерии была в лучших условиях и на нее обращалось более серьезное внимание со стороны специалистов — артиллерийских начальников, а не старших общевойсковых, которые, за редким исключением, не проявляли к артиллерии почти никакого интереса.

Многие годы перед русско-японской войной специальная подготовка артиллерии в искусстве стрельбы заслонялась показной стороной, так называемых, конных учений с красивыми выездами карьером на позицию и молниеносным открытием огня [1]) (хотя бы из одного орудия и даже с неуспевшим отъехать передком), или поглощалась заботами о благосостоянии батарейного хозяйства и о производной ее функции— бумажной отчетности разного рода.

Тот же М. И. Драгомиров первый разбудил в 1895—96 г.г. дремавшую артиллерию Киевского военного округа и заставил быть к ней несколько внимательными старших общевойсковых начальников. За Киевским слабо потянулись и другие округа.

Но уже с 1900 годов, с началом перевооружения 3-*дм.* скорострельными пушками, подготовка к стрельбе получила первенствующее значение в деле обучения полевой артиллерии, а угломер (впоследствии панорама), дающий возможность вести стрельбу с закрытых позиций по невидимой для наводчика цели, получил широкое применение (за границей, исключая Францию, у которой имелся гониометр [2]) с 1896 года, угломерные прицельные приспособления стали применяться позже, чем в России). Производившиеся до того времени частными начальниками и командирами частей разные опыты—иногда даже в чрезвычайно важных отделах технической подготовки, граничащие с диллетантством, сменились руководящими систематическими указаниями свыше и определенными правилами, разрабатываемыми с ясно поставленной целью, в большинстве случаев, офицерской артиллерийской школой.

Наконец, с 1904 года ка подготовку русской артиллерии к стрельбе с закрытых позиций при помощи угломера было обращено исключительное внимание генерал-инспектора артиллерии [3]).

В 1904 году, когда началась война с Японией, ни одна скорострельная батарея не отправлялась в Манчжурию без основательной подготовки в стрельбе при помощи угломера,

---

[1]) Пережиток наполеоновской эпохи, когда при гладких орудиях подобные выезды оправдывались обстановкой, так как приходилось подъезжать к противнику на 200—300 саж., чтобы достать его картечью.

[2]) Угломерный прибор.

[3]) Бывший вел. кн. Сергей Михайлович Романов.

что проверялось генерал-инспектором артиллерии или командируемыми им специалистами, преимущественно из числа руководителей офицерской артиллерийской школы. Формирование и обучение горных скорострельных батарей, отправляемых на войну, производилось под личным руководством генерал-инспектора артиллерии.

Подготовка в технике стрельбы давалась артиллерии относительно легко.

Нельзя того же сказать про тактическую подготовку артиллерии. Нужно откровенно признаться, что в то время тактика вообще не пользовалась расположением командного состава старой царской армии и громадным большинством тогдашнего офицерства тактические занятия считались скучной и бесполезной тратой времени.

Происходило это, главным образом, вследствие чрезвычайного недостатка в опытных и сведущих руководителях тактическими занятиями. Только при расквартировании войсковых частей в больших городах, где обыкновенно располагались штабы дивизий, корпусов или округов, к тактическим занятиям в войсках привлекались из штабов специалисты-офицеры генерального штаба; однако, из них далеко не все могли настолько хорошо руководить тактическими занятиями, чтобы возбудить к ним достаточный интерес. Но большинство войсковых частей расквартировано было по маленьким городкам, местечкам и даже по деревням, где не было никаких крупных штабов. Там тактическими занятиями руководили свои же командиры батальонов, батарей, дивизионов и полков, не редко основательно забывшие тактику; занятия эти часто сводились к отбыванию номера и даже к переписыванию из года в год одних и тех же тактических задач, решенных на свежую голову молодыми офицерами, вновь выпущенными из военных училищ. Наезжавшие иногда в эти захолустья офицеры генерального штаба для проверки тактических знаний наводили некоторый трепет на старший командный состав, ответственный за тактическую подготовку вверенных им частей; но командному составу никакой существенной пользы они не приносили и, в большинстве случаев, не могли внушить доверия ни к себе, ни к проповедуемым ими тактическим принципам.

Что же касается войсковых маневров, то эти маневры давали только некоторую практику штабам в отдаче приказаний и распоряжений, но на тактическую подготовку войск и тогдашнего командного состава не оказывали почти никакого влияния.

До войны с Японией тактика в артиллерийских частях была в полном пренебрежении. По полученному образованию, громадное большинство артиллерийских офицеров являлось математиками, что, влияя на склад их ума и характера, делало

их не склонными к столь неточному искусству, как тактика, с ее неопределенными данными повелевающей обстановки. Среди многих офицеров артиллерии, в особенности получивших высшее специальное образование в артиллерийской академии, где главными научными дисциплинами являлась математика, механика, баллистика, физика, химия, замечалось даже отрицательное отношение к тактике.

Высшие общевойсковые начальники, за немногими исключениями (М. И. Драгомиров), держались в стороне от артиллерии. В многие годы, предшествующие русско-японской войне, они не проявляли стремления внушить командному составу артиллерии доверие к тактике, поднять его образование в тактическом отношении и, наконец, перевоспитать в духе проявления личной инициативы.

Причина такой косности кроется в усвоенных тогда взглядах на артиллерию. В то время сложилось убеждение, что артиллерия не только вспомогательный род оружия, но что она и не должна претендовать на инициативу, так как роль ее в бою очень проста и она может приносить пользу ровно настолько, насколько пехотное начальство умеет воспользоваться могуществом артиллерийского огня и сможет руководить артиллерийским боем. До русско-японской войны считали, что главная задача артиллерии—начать бой с артиллерией противника и тем отвлечь ее огонь от своей пехоты, остальное — дело самой пехоты; артиллерийское содействие понимали так же, как и в последнюю турецкую войну: „с такого-то по такой-то час артиллерийская подготовка, а с такого - то часа движение в атаку". Это осуществлялось на практике буквально: артиллерия стреляла в назначенное ей время и бездействовала во время атаки, и обратно пехота бездействовала во время артиллерийского состязания и при атаке действовала уже без покрова артиллерии. Так русская армия поступала во время трех атак Плевны в войну 1877—78 г.г., несла огромные потери от огня, терпела неудачи; но уроки этой войны прошли для нее почти бесследно и роль огня оставалась для войсковых масс невыясненной.

Основная военная доктрина русской армии проведена была в „Наставлении для действия в бою отрядов из всех родов оружия", приложенном к „Уставу полевой службы", утвержденному 10 апреля 1904 года в отмену проекта „Устава полевой службы" издания 1901 года [1]).

Утвержденный „Устав полевой службы" выдан был войскам в 1904 году и, казалось бы, опоздал к русско-японской войне, но в действительности армия им руководствовалась задолго до войны, так как до утверждения „Устава" проект его испы-

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 187—279.

тывался в войсках в течение 2/1₂ лет. Устав редактировался М. И. Драгомировым и, в виду авторитета редактора, признавался многими современниками **последним словом военного искусства**; поэтому приведенные в нем доктрины свили прочное гнездо в русской армии. Полевой устав 1904 г. преследовал почти исключительно наступательные тенденции. По этому уставу „действительным средством для поражения неприятеля служит нападение на него; посему стремление к наступательным действиям должно быть положено в основание при всякой встрече с неприятелем". В уставе про оборону, которой отведено меньше внимания, говорится, что она, как и наступление, имеет целью „разбить противника"; поэтому рекомендуется „не только отбиваться, но и наносить удары" и всякую оборону завершать контр-атакой. Излюбленный тезис Драгомирова, что на войне главное человек и дух его, а материя и техника лишь нечто второстепенное, был широко проведен в уставе; поэтому в нем весьма мало учитывалось могущество огня новейшей артиллерии, пулеметов и современного ручного огнестрельного оружия. Несомненно, что такой выдающийся военный мыслитель, как М. И. Драгомиров, не мог не понимать значения техники в военном деле. Например, известно, что Драгомиров после войны 1877—78 г. настоял на введении 6-*дм.* полевой мортиры, но с другой стороны, он же противился усовершенствованию в **технике** и тактике ружейного огня. Против магазинных 3-лин. винтовок он писал, что дело не в скорости стрельбы, а в меткости, которая „лежит не в оружии, а в человеке" и что „берданка перестреляет любую магазинку" [1]). Пулеметы он высмеивал так: „если бы одного и того же человека нужно было убивать по несколько раз, то это было бы чудесное оружие. На беду для поклонников быстрого выпускания пуль человека довольно подстрелить один раз и расстреливать его затем, в догонку, пока он будет падать, надобности, сколько мне известно, нет".

Такими приемами более остроумными, чем серьезными, не брезгал даже Драгомиров, чтобы побить своих противников, придающих большое значение могуществу огня современного оружия.

При обучении войск Киевского округа, командующим которого был в то время Драгомиров, наступающей пехоте запрещалось ложиться под огнем, артиллерии рекомендовалось располагаться не дальше 2—3 верст от противника, широко применять быстрые переезды к передовым атакующим войскам на ближайшие к противнику позиции, избегать стрельбы на дальние дистанции, избегать стрельбы через головы своих и проч. Царское правительство, учитывая преоб-

---

[1]) М. И. Драгомиров. „14 лет"

ладающее значение духа над материей, с давних времен воспитывало в армии пренебрежительное отношение к технике, всемерно развивая и поддерживая так называемый „моральный элемент". Старая суворовская „Наука побеждать", для которой „человек"—все, а „материя"—почти ничто, авторитетным словом и властной рукою М. И. Драгомирова глубоко внедрялась в толщу русской армии и жила в ней до самого последнего времени, как более простая и милая русскому сердцу, чем немецкая военная наука с ее сложной техникой, представительницей ума, осторожности, чувства самосохранения. Нельзя отрицать глубокого смысла суворовских истин в отношении воспитания духа армии, но нужно понимать внутреннее их содержание и не закрывать глаза на значение современной техники. Но именно этого необходимого понимания и не было. Суворовские афоризмы, казалось бы, вполне ясные и категоричные, толковались различно и послужили в свое время яблоком раздора между двумя враждующими партиями военных мыслителей: одни признавали „штык"—знамение отваги, духа, храбрости и утверждали, что каковы бы ни были совершенства техники и сила огня, все же главное на войне будет „человек", что важно не оружие, а человек с его решительностью и что так как представителем этого качества является штык, то суворовский афоризм „пуля—дура, штык—молодец" вечен. Другие, увлеченные могуществом современного огня, придавали преувеличенное значение технике, отрицали „штык", а с ним и суворовский афоризм.

М. И. Драгомиров окрестил первых „штыколюбами", вторых—„огнепоклонниками". Первые, возглавляемые самим Драгомировым, остались победителями, покровительствуемыми верхами власти.

Непрестанные пререкания „штыколюбов" и „огнепоклонников" привели к неясности понимания вопросов „пули" (материи) и „штыка" (духа), к ложным выводам теории и, следовательно, к неправильной постановке дела подготовки к войне, к увлечению моральной стороной подготовки войск для боя и к пренебрежению военной техникой.

Авторитетная проповедь М. И. Драгомирова нашла яркое отражение в полевом уставе 1904 г. и других уставах того времени и оказала не малое отрицательное влияние на вооружение русской армии и снабжение ее современными техническими средствами борьбы.

Практическим результатом предвзятых теорий воспитания духа оказалась кровавая расплата для русской армии в русско-японскую, а затем и в мировую войну.

По уставу 1904 года основная задача артиллерии в бою определялась так: „артиллерия своим огнем должна содействовать пехоте и коннице". При широком осмысленном понимании и толковании устава в этом общем указании осно-

вной задачи, по существу совершенно правильном, возможно было усмотреть и другие вытекающие из основной задачи частные обязанности артиллерии—и при подготовке, и при поддержке атаки, и проч. Но в русской армии командный состав не был подготовлен к восприятию подобного устава, его не удовлетворял такой устав. Большинству тогдашнего командного состава, обладавшему недостаточно широким тактическим кругозором, нужны были пунктики, правила на все случаи, а не общие указания, требущие проявления личной инициативы, т.-е. разрешения чуть ли не самого больного вопроса прежней царской армии.

В полевом уставе 1904 года подчеркивалось важное значение инициативы и самостоятельности частных начальников, значение единства цели и взаимной поддержки. Но эти глубокие мысли устава плохо проводились в жизнь русской армии; быть может, вследствие малосознательного отношения к дисциплине, требующей „точного и беспрекословного исполнения приказаний начальства".

В то время в старой царской армии прочно жила традиция „не сметь свое суждение иметь". Что же касается боязни ответственности, то известно, что в этой армии страх перед начальством бывал не редко больше, чем перед неприятелем. При таких условиях, вместо проявления самодеятельности, проще было ссылаться на неполучение приказания свыше и ничего не предпринимать, чем брать на себя самостоятельные решения, всегда рискованные в боевой обстановке.

Наконец, весьма серьезным недостатком боевой подготовки русской армии перед русско-японской войной являлось почти полное отсутствие взаимного знакомства, содружества и внутренней органической связи между разными родами войск, в частности между артиллерией и другими войсками, которых она должна была обслуживать.

Происходило это вследствие того, что в мирное время почти не бывало совместных занятий артиллерии с пехотой и конницей и совершенно не было совместных с ними, крайне необходимых, практических стрельб артиллерии с маневрированием по тактическому заданию (не было, главным образом, из опасения могущих быть несчастных случаев).

Незнакомство с артиллерией старших общевойсковых начальников объяснялось, главным образом, неправильной организацией: в мирное время артиллерия не подчинена была начальникам тех дивизий, в состав коих она входила во время войны; отсюда, отчасти, вытекает отсутствие интереса к артиллериисо стороны общевойсковых начальников, за нее в мирное время не ответственных. Что же касается периодически происходившего поверхностного ознакомления с артиллерией старших пехотных начальников и офицеров генерального

штаба, то оно не могло принести сколько-нибудь существенной пользы.

Но мало того, нельзя скрывать, что в старой царской армии замечалась иногда даже враждебная рознь между отдельными родами оружия.

Причина этого явления кроется отчасти в различном классовом составе офицерства разного рода войск.

По данным военно-статистического ежегодника за 1912 г. сословность офицерства царской русской армии выражалась в процентах:

	Потомственных дворян.	Потомств. почетн. граждан.	Духовного звания.	Купеческого звания.	Крестьян и мещан.
Генералов	87,45	7,72	1,39	0,75	2,69
Штаб-офицеров	71,46	10,53	4,22	2,31	11,48
Обер-офицеров	50,36	14,44	3,60	3,61	27,99
В среднем	69,76	10,90	3,07	2,22	14,05

Таким образом, большая часть офицерства принадлежала к дворянскому сословию и, казалось бы, классовое различие не должно было играть большой роли. Но в действительности классовая рознь была, так как гвардия комплектовалась офицерами почти исключительно из дворян, за нею следовала кавалерия и специальные войска, офицерство же не из дворян служило, главным образом, в армейской пехоте; наконец, в самом дворянском сословии была классовая рознь между знатным титулованным дворянством из крупных помещиков, служивших в гвардии и отчасти в кавалерии, и обедневшим дворянством из мелкопоместных владельцев или неимущим дворянством из военных и чиновничьих семейств, служившим большею частью в армейской пехоте и в специальных войсках.

Зачаток неприязненных отношений среди офицерства различных родов войск лежал также в неправильном воспитании юношества в бывших военных училищах. По окончании кадетских корпусов, воспитанники обычно разбивались на три группы и расходились по разным военным училищам, чтобы потом в жизни почти не встречаться, за исключением редких в мирное время маневров из всех родов оружия

и войны. Одна группа, из более способных к математике, уходила в специальные артиллерийские и инженерные училища, другая—из более состоятельных классов—уходила в кавалерийские училища, третья—в военные училища. Офицерство гвардии комплектовалось из привиллегированного аристократического бывшего пажеского корпуса и частью материально хорошо обеспеченными юнкерами других военных училищ из лучше учащихся или имеющих протекцию. Военные училища—каждое жило своею изолированною жизнью, при чем, вообще говоря, специальные училища считали себя выше других по образованию, кавалерийские считали себя выше по роду службы, пехотные с некоторой завистью смотрели на остальных, а от зависти до вражды—один шаг. Отсюда проистекала рознь, даже пренебрежение юнкеров и затем офицеров друг к другу. Рознь эта переходила с офицерством и в толщу армии, а, между тем, залог успеха боевой службы армии зиждется на взаимной выручке, на взаимном понимании и доверии друг к другу.

Офицеры генерального штаба, за немногими исключениями, составляли обособленную от войск корпорацию. Что же касается высших штабов и главных управлений военного министерства, то не столько они служили для армии, сколько армия для них.

ГЛАВА II.

Реформы, навеянные русско-японской войной. Первые шаги к их осуществлению.

а) Организация. Русско-японская война 1904—1905 г.г. резко подчеркнула несоответствие организации и необходимость усиления русской артиллерии вообще, в частности необходимость усиления тяжелыми орудиями более крупного калибра с мощным снарядом, способными принимать участие в полевом бою.

Для разрешения неотложной задачи реорганизации и усиления артиллерии, согласно современным требованиям войны, при ГАУ, по инициативе генерал-инспектора артиллерии, образованы были две комиссии: одна в начале 1905 г., еще до окончания русско-японской войны, для пересмотра организации и вооружения осадных артиллерийских полков; другая весною 1906 г., под председательством самого генерал-инспектора артиллерии, для разработки новой организации полевой легкой артиллерии и для разрешения некоторых других вопросов, возникших в связи с необходимой реорганизацией, а также для определения боевого комплекта орудийных выстрелов.

В отношении полевой легкой артиллерии комиссией генерал-инспектора артиллерии решено было: перейти к организации 6-орудийных батарей, вместо 8-орудийных; сформировать вновь гаубичные батареи — по две на каждый корпус; все батареи без исключения свести в дивизионы, придав последним значение тактических единиц; хозяйство передать из батарей в управления бригад или дивизионов; оставить организацию артиллерийских бригад, подчинив их во всех отношениях начальникам дивизий; усилить штаты артиллерии добавлением специальных команд разведчиков, ординарцев, наблюдателей и телефонистов; усилить запряжку батарей по штатам мирного времени; в общем, на каждый корпус нормального состава из двух пехотных дивизий иметь 2 артиллерийских бригады — одну из 4 легких дивизионов по 3 батареи, другую из 3 легких и 1 мортирного дивизиона, а всего 21 легкую и 2 мортирных батареи, т.-е. 138 орудий на корпус, вместо имеющихся 96 пушек и лишь в некоторых корпусах 96 пушек и 12 гаубиц (мортир).

Комиссия, пересматривавшая вопросы об осадной артиллерии, выработала общие основания новой организации осадных артиллерийских полков и главные данные новых образцов осадных орудий. Кроме того, комиссия остановилась на вопросе о корпусной и армейской или полевой тяжелой артиллерии. Комиссия признала, что эти роды артиллерии, по своему составу и вооружению, должны быть независимы от осадных артиллерийских полков, так как задачи корпусной и армейской артиллерии и задачи осадной артиллерии совершенно различны, и что корпусную артиллерию должны составить батареи только полевых 48-лин. гаубиц, а полевую тяжелую—батареи 6-*дм.* гаубиц.

Комиссия наметила только в самых общих чертах основания устройства полевой тяжелой и осадной артиллерии, а потому в августе того же 1905 года труды комиссии переданы были для детальной разработки специалистам из членов артиллерийского комитета.

Как увидим ниже, разработка организации, выбор испытания новых образцов орудий и проч. тянулись до 1910 года, т.-е. почти 4 года.

В течение этого времени в ГАУ и в комитете генерального штаба неоднократно возникал вопрос по поводу организации корпусной и полевой тяжелой артиллерии.

Обсуждения этого вопроса, в общем, сводились к тому, что в особой корпусной артиллерии надобности нет и что достаточно иметь в составе корпуса две батареи 48-лин. гаубиц, как это было решено комиссией под председательством генерал-инспектора артиллерии в 1906 году. Что же касается полевой тяжелой артиллерии, то нашли желательным иметь в составе ее не только батареи 6-*дм.* гаубиц, но и 42-лин. пушечные батареи; при чем, хотя некоторыми и признавалось необходимым иметь по одному полевому тяжелому дивизиону из трех батарей на корпус, но по экономическим соображениям находили возможным ограничиться меньшим количеством полевой тяжелой артиллерии, имея ее в виде армейской в составе армий, а не корпусов.

Решение довольствоваться скромным числом легких гаубичных батарей объяснялось, главным образом, недоверием к баллистическим свойствам 48-лин. гаубиц, а также гипнозом кажущихся несомненными преимуществ 3-*дм.* полевой пушки в маневренном бою. Гипноз этот, несмотря на уроки японской войны, продолжал царить в русской армии под влиянием наступательных тенденций. При этом совершенно неверно оценивали значение 48-лин. гаубиц, будто бы пригодных по малоподвижности больше для обороны, чем для наступления, а не наоборот, как в действительности следовало оценивать.

Отчасти под влиянием тех же тенденций решено было на вооружение полевой тяжелой артиллерии принять, кроме 6-*дм.* гаубицы, и 42-лин. пушку, действительно, отличающуюся большою дальнобойностью до 10—12 верст, т.-е. незаменимыми свойствами, весьма ценными в маневренном встречном бою.

Русско-японская война поставила на очередь вопрос о наилучшей организации пулеметного дела в войсках.

Пулеметы оказались вообще могущественным средством в бою и в особенности для закрепления захваченных атакою позиций. В русской армии пулеметов было очень мало, и острая нужда в них доходила во время войны до того, что некоторые полки даже собирали деньги на покупку для себя пулеметов.

Ездящие (тяжелые) пулеметные роты для непосредственного действия с пехотой были забракованы опытом русско-японской войны, но в составе самостоятельной огневой группы они работали хорошо и особенно сильное содействие оказывали в начальный период атаки, располагаясь с особым прикрытием на флангах атакующих частей, чтобы огонь пулеметов возможно дольше не закрывался своей пехотой.

Вьючные пулеметные роты с легкими пулеметами переносной системы оказывали существенную поддержку, работая плечо к плечу с передовыми частями наступающей пехоты; своим огнем они не только наносили огромные потери непосредственно атакуемому или отбиваемому противнику, но отвлекали на себя огонь неприятельской артиллерии и тем освобождали от него свою пехоту.

После войны решено было пулеметные части иметь не при дивизиях, как это было, а при полках; при таком решении значительно увеличивалось общее число пулеметов, что признавалось крайне необходимым. Впрочем, раздавались голоса и против придачи пулеметов к полкам, но по соображениям учебного, хозяйственного и технического характера; при этом противники передачи пулеметов полкам указывали, что для совместного действия с полками можно выделять пулеметные взводы от пулеметной роты, состоящей при дивизии. Опыт русско-японской войны в достаточной степени подтвердил нежелательность подобных временных командировок и вред случайных временных организационных соединений в военное время.

Вообще, по требованиям боевым, придачу пулеметов к полкам следовало признать безусловно необходимой. Тем не менее, вопрос об организации пулеметных частей затянулся и получил окончательное разрешение лишь через 3—4 года, по окончании русско-японской войны.

б) Вооружение. Война 1904—1905 г.г. подтвердила весьма хорошее качество русских 3-лин. винтовок и пулеметов Максима. Вместе с тем опыт войны указал на же-

лательность получения большей дальности при стрельбе из 3-лин. винтовки и пулемета и более сильной пробивной способности пули. Поэтому, после ряда интенсивных опытов в офицерской стрелковой школе, решено было перейти к стрельбе 3-лин. патронами с усиленным зарядом и остроконечной пулей, сделав соответственные приспособления в 3-лин. винтовках. Приспособление состояло в замене прицельных рамок, вызываемой большей отлогостью траектории и большей дальностью полета пули, и постановкою отсечек-отражателей для лучшей подачи патронов с остроконечной пулей в патронник. Приспособление это не вызывало ни значительных расходов, ни технических трудностей в работе; тем не менее, по экономическим соображениям конечный срок переделки (отладки) винтовок намечался лишь в 1920 году, вследствие чего некоторые части армии очутились с непеределанными винтовками к началу мировой войны, и переделку или замену винтовок отлаженными производили уже во время войны [1]).

Русская 3-*дм.* пушка обр. 1900 года оказалась на войне по баллистическим свойствам несравненно сильнее японской полевой пушки системы Арисака. По отзывам самих японцев, русские 4 орудия 1900 года равносильны были 6-ти орудиям Арисака.

Действие 3-*дм.* шрапнели по открытым целям оказалось очень сильным. Можно привести характерный в этом отношении случай в мукденском сражении $\frac{\text{16 февраля}}{\text{2 марта}}$ 1905 г.

Русская 5-я стрелковая бригада обороняла позицию на правом фланге 2-й армии у села Чжантань, с передовым пунктом в д. Безымянной. С рассветом 8-я японская дивизия открыла жестокий огонь и стала обходить правый фланг русских. Овладев развалинами д. Безымянной, японцы стали готовиться к атаке Чжантаня. Открыв по нем ураган пушечного огня, они стали накапливаться в Безымянной и около нее на льду реки Хуньхе, под прикрытием ее крутых берегов. Около 16 часов было выяснено, что там собралось не менее дивизии японцев. Между тем, для обороны Чжантаня было всего 5 батальонов, т.-е. почти втрое слабейшие силы. Тогда начальник 5-й стрелковой бригады отправил командиру 5-го стрелкового артиллерийского дивизиона следующую полевую записку (16 февраля, 5 ч. дня, № 28 из Чжантаня):

„Получено донесение, что большие силы японцев скопляются в д. Безымянной, по обоим берегам реки Хуньхе, почему нужно перенести огонь на д. Безымянную и по резервам за ней“.

5-й стрелковый артиллерийский дивизион открыл беглый огонь. Батареи дивизиона были так расположены, что огонь

---

[1]) Дело В.-Уч. Арх. 182—090.

по району д. Безымянной получился косой, несравненно более действительный, чем фронтальный, позволяющий наносить поражение японцам, укрывающимся крутыми берегами Хуньхе.

Результат огня не замедлил сказаться. После 17 часов против Чжантаня японцы прекратили атаки и ограничились до наступления темноты одним огнем, а все атаки свои направили на противоположный левый фланг стрелкового корпуса.

При этом, 8-я японская дивизия понесла такие сильные потери от шрапнельного огня русских, что на сутки вышла из строя (через сутки она пополнилась из своей резервной бригады и продолжала драться).

С японской стороны шрапнельный огонь русских оценивался приблизительно так: „...Взятие Чжантаня оказалось не так легко исполнимым предприятием, так как русская артиллерия образовала перед японской пехотой непроходимую полосу, так что весь день прошел без возможности попытаться штурмовать“ [1]).

Опыт той же войны подтвердил чрезвычайную слабость 3-*дм.* шрапнели для действия по целям укрытым и отчасти по далеко расположенным (при стрельбе на дальние дистанции убойная скорость шрапнельных пуль вообще недостаточна, кроме того, получается много высоких разрывов шрапнели, дающих слабое поражение, или клевков, вовсе не дающих поражения), а также на полное ее бессилие для разрушения тех или иных закрытий. Между тем, потребность в поражении укрывшегося противника или в разрушении прикрывающих его предметов была так велика, что всякий мало-мальски упорный бой вызывал командировку на место действия, как старых поршневых полевых пушек обр. 1895 г., так даже еще более старых полевых 6-*дм.* мортир.

Опыт войны подчеркнул также, что малый калибр современного полевого орудия ослабил действие его гранатного огня, так как японская шимоза била больше по „духу“, чем по „материи“, и что только тяжелый фугасный снаряд крупного калибра остается всегда грозным и всегда разрушительным.

Несмотря на небольшую меткость и дальность огня русской 6-*дм.* полевой мортиры, иногда поражавшей из-за недостатка меткости и дальности своих, сильное разрушительное действие ее бомбы привело к тому, что гастроли 6-*дм.* полевых мортир стали общим правилом в армии.

Слабостью снаряда полевых малокалиберных пушек объясняется применение в русско-японскую войну тяжелой артиллерии позиционного и осадного типа у японцев, а затем попытки к тому же и в русской армии.

---

[1]) „Японцы в мукденских боях“. Г. Л. „Русский Инвалид“, 1905 г. № 213.

Война 1904—1905 г.г. „открыла глаза“ и еще до ее окончания принято было решение, противоречащему идеалу единства калибра и снаряда, но неизбежное и необходимое. Прежде всего решено было иметь для 3-*дм.* скорострельной пушки кроме шрапнели фугасную гранату, хотя было известно, что она не может в достаточной степени оправдать возлагавшихся на нее надежд и будет мало пригодной для разрушения земляных и других укрытий. При малом калибре и весе, около 16 фунт., 3-*дм.* граната имеет небольшой разрывной заряд—около 2 фунт. тротила или меленита, почему фугасное действие ее получается в общем слабое, несмотря на оглушительный взрыв, производящий довольно сильное моральное впечатление.

В зависимости от системы взрывателя, разрыв гранаты происходит почти в момент ее падения и в среднем грунте от фугасного действия разрывного заряда гранаты образуется довольно большая воронка диаметром около 5 футов и глубиною около 2 футов. Но при чрезвычайной отлогости траектории 3-*дм.* пушки подобные случаи весьма редки. Напротив, в большинстве случаев, 3-*дм.* граната разрывается, отрикошетировав около сажени от места падения; при этом фугасное ее действие получается слабым, так как газы разрывного заряда, при среднем грунте, лишь „слизывают“ верхний слой земли. 3-*дм.* граната дает при разрыве несколько крупных осколков, разлетающихся в разные стороны—иногда на 200—300 саж. от места разрыва, могущих нанести случайное поражение, и массу мельчайших осколков, сила которых вблизи места разрыва—не более 10—15 сажень, весьма велика (нач. ск. до 3.000 *фт.-сек.*) и смертоносна, но затем, вследствие ничтожного веса, осколки совершенно теряют силу и не могут нанести даже легкого поранения. Люди, случайно попавшие в район действия гранаты, обращаются в бесформенную массу; тогда как другие, находящиеся в нескольких шагах от места разрыва, остаются невредимыми и в большинстве случаев отделываются испугом. Для нанесения значительного поражения осколками необходимо точно пристреляться и выпустить массу гранат, при чем расход снарядов может не окупиться достигнутыми результатами. Поэтому 3-*дм.* граната для поражения живых целей и не предназначается. Несколько сильнее, чем по земляным укрытиями и по живым целям, граната действует по строениям; большинство жилых деревянных и даже каменных построек, с нетолстыми стенами пробиваются 3-*дм.* гранатой насквозь, взрыв в закрытом помещении действует разрушительнее, но все же постройки редко уничтожаются.

Зная неудовлетворительные свойства 3-*дм.* гранаты, русские артиллеристы изыскивали другие средства к поражению укрывшегося противника; они старались не только найти со-

ответствующий другой снаряд к 3-*дм.* скорострельной пушке, но найти другое орудие более крупного калибра с мощным снарядом и более крутой траекторией.

Бризантную гранату, имеющуюся в полевой артиллерии у немцев, в старой армии считали средством почти не достигающим цели. Разрываясь в воздухе, граната эта посылает около 100 довольно крупных и много мелких осколков, разлетающихся с большой боковой скоростью веером в обе стороны, вверх и вниз от точки разрыва; наиболее круто падающие осколки летят вниз под углом около 60 градусов к земле и могут поражать человека, даже прижавшегося к внутренней крутости бруствера; остальные осколки бризантной гранаты почти не наносят поражения. Глубина смертоносного пространства получается очень незначительная, всего лишь несколько сажен. Бризантная граната требует очень точной пристрелки; при малейшем отклонении разрыва в дальности смертоносные осколки минуют цель. Для разрушения бризантная граната совершенно непригодна, так как вес разрывного заряда лишь около $1/2$ фунта. Единственное преимущество — сильное моральное впечатление не могло служить основанием к введению ее в артиллерию русской армии.

О гранате французской полевой артиллерии в России в то время имелись лишь отрывочные и даже противоречивые сведения, так как французы держали устройство своей гранаты в тайне. Были указания, что французская граната вмещает большой разрывной заряд до 4 фун. мелинита, вследствие чего получалось сильное фугасное действие. В общем русская 3-*дм.* граната немногим была слабее французской и потому в России не проявляли особого интереса к последней [1].

Наиболее действительным средством для поражения закрытого противника являлось введение полевых гаубиц или мортир [2], которые при достаточной меткости и дальности стрельбы и при наличии мощного снаряда способны были бы разрушать закрытия и этим обнаруживать укрывшегося за ними противника, а также могли бы стрелять шрапнелью навесно для поражения скрывшихся людей даже в то время, когда они вовсе не показываются из-за закрытий.

Легкие гаубицы, состоявшие в то время на вооружении полевой артиллерии в Германии и Австрии, а также испытывающаяся в России 48-лин. гаубица, казалось бы, могли удовлетворять указанным условиям, так как при крутизне

---

[1]) С. Т. Беляев. „Артиллерия". Изд. 1910 г.

[2]) Мортира—короткое орудие, стреляющее навесным огнем по крутой траектории, гаубица—орудие среднее между пушкой и мортирой; гаубицу можно считать укороченной пушкой; траектория у гаубицы не так крута, как у мортиры.

гаубичной траектории шрапнельные пули довольно хорошо поражали укрывшегося противника сверху вниз, а 48 лин. гаубичные бомбы (около 55 фунтов), снабженные мощным разрывным зарядом (около 11 фун. тротила), могли разрушать земляные закрытия полевой профили.

Россия первая, еще в 1880 годах, ввела в полевые войска навесный огонь и мощный фугасный снаряд 6-*дм.* полевой мортиры; Россия не думала от них отказываться, и после русско-японской войны, подтвердившей заведомую слабость баллистических качеств 6-*дм.* мортиры и силу ее снаряда, она намечала заменить эту мортиру гаубицей.

Между тем, вопрос о гаубицах продолжал оставаться еще новым и недостаточно исследованным; вопрос этот долгое время находился в стадии испытаний и попыток изготовить свою систему (Обуховского завода). Русские артиллеристы, как уже упоминалось выше, продолжали недоверчиво относиться к полевым легким гаубицам и колебались в выборе системы гаубиц; остановившись наконец в 1909—1910 г.г. на 48-лин. гаубицах системы Круппа и Шнейдера, Россия все же ввела их на вооружение своей армии в весьма незначительном числе (см. выше стр. 32—33).

На неудачном разрешении в русской армии вопроса о гаубицах, несомненно, сказалось влияние французской армии, которая упорно не вводила у себя на вооружение ни гаубиц, ни даже полевых тяжелых орудий. Один из русских выдающихся в то время артиллеристов, пользовавшийся большим влиянием в артиллерийском комитете и не мало заимствовавший у авторитетного французского ученого артиллериста Ланглуа, между прочим, писал в 1910 году: введение в артиллерию, с целью поражения закрытого противника, полевых гаубиц „представляется менее выгодным", чем принятие к полевой пушке особого бризантного снаряда, „так как орудия навесного действия при стрельбе по целям, не находящимся за закрытиями, а также по целям движущимся, уступают пушкам—орудиям отлогого действия; кроме того, весьма невыгодно иметь в полевой артиллерии орудия различных типов" [1]).

Ложный взгляд на значение гаубиц замечался и у других известных, даже боевых артиллеристов. Так, например, ген. Ханжин [2]) в 1913 году не сомневался, что „гаубичные батареи в бою не всегда найдут для себя подходящую работу, и их часто будут применять для решения задач

---

[1]) Беляев. „Артиллерия. Ее боевые свойства, боевые средства и боевая деятельность." Изд. 1910 г. стр. 26.

[2]) Бывш. руководитель офиц. арт. школы в 1908—1912 г. г., а в 1917 году полевой генерал-инспектор артиллерии, заменивший после февральской революции быв. князя Сергея Михайловича.

тяжелой артиллерии или, что хуже, заставлять расходоваться на стрельбу по целям легкой артиллерии" [1]).

Писалось это через несколько лет после русско-японской войны, когда проанализированный собственный опыт этой войны мог бы успеть выкристализироваться в совершенно определенные формы без кивания на французов.

Мысль несколько уменьшить начальную скорость 3-*дм.* пушки, чтобы траекторию ее, по крайней мере в нисходящей ветви, сделать более крутой и тем дать возможность шрапнельной пуле заглянуть в окоп сверху вниз, не могла получить реального осуществления, так как казалось весьма нецелесообразным посягать на отличные баллистические качества 3-*дм.* пушки, являвшиеся следствием ее большой начальной скорости. Между тем, к необходимости этого пришли французы в 1913 году, [2]) а во время мировой войны и русские.

Условия возможных для России театров войны—горы дальне-восточных окраин, песчаные степи средней Азии, горы Кавказа, Карпаты—требовали иметь в составе армии горную артиллерию, приспособленную для перевозки на вьюках, или на колесах. Горная пушка обр. 1904 года, наспех сконструированная Обуховским заводом для войны с Японией, хорошо перевозилась на вьюках, но по опыту войны оказалась недостаточно меткой и дальнобойной, непрочной и неудачной во многих других отношениях. Пришлось искать другую более совершенную систему, что сопряжено было с немалыми трудностями, так как крупные пушечные заводы—и русские и заграничные признавали для себя невыгодным заниматься разработкой образца горной пушки, в общем весьма сложной по конструкции, но не сулившей больших доходов от валового заказа, ввиду ограниченной потребности в числе таких пушек (России требовалось всего не более 500 горных пушек).

После долгих исканий и отчасти под давлением со стороны генерал-инспектора артиллерии, артиллерийский комитет согласился принять в 1909 году, за неимением лучшего, систему горной пушки греческого инженера Данглиз, разработанную на заводе Шнейдера во Франции и предложенную Путиловским заводом. Артиллерийский комитет в первое время настолько неодобрительно относился к этой системе, что между некоторыми членами комитета и сторонниками системы возникли трения.

На горной пушке обр. 1909 г. приходится остановиться с особым вниманием, так как ей суждено было в мировую войну и, несомненно, еще будет суждено играть большую

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 179—057.
[2]) Дело В.-Уч. Архива 179—057.

роль. Система была предложена с боевыми припасами и, между прочим, с 37-сек. французской дистанционной трубкой, позволяющей вести стрельбу из горной пушки шрапнелью почти на 7 верст, т.-е. почти вдвое дальше, чем в то время могла стрелять полевая 3-*дм.* пушка при 22-сек. трубке—на $4^1/_2$ версты. Предложение боевых припасов было отвергнуто, так как признавали невозможным изготовлять их в России. Артиллерийский комитет решил применить к горной 3-*дм.* пушке те же снаряды—гранату и шрапнель, какие были у 3-*дм.* полевой пушки, и к сожалению, ту же 22-сек. дистанционную трубку, с которой стрельба шрапнелью из горной пушки оказалась возможной на дистанцию лишь около $3^1/_2$ верст. Правда, в то время в России уже разрабатывалась 34 сек. трубка для полевой 3-*дм.* пушки и артиллерийский комитет предполагал применить эту же трубку для горной пушки. Но, как уже упоминалось, изготовление 34-сек. трубок запоздало и русская артиллерия, имея на вооружении 3-*дм.* горную пушку с дальнобойностью свыше 7 верст, могла стрелять из нее шрапнелью, благодаря 22-сек. трубке, почти на вдвое меньшую дистанцию.

Предубеждение артиллерийского комитета к горной пушке обр. 1909 года объяснялось тем, что система этой пушки действительно была мало пригодна для перевозки на вьюках, а при колесном движении расшатывалась. Система очень удобно разбиралась для вьючки и быстро собиралась для колесного движения или стрельбы, но отдельные вьюки были слишком тяжелы для лошадей; за исключением патронных вьюков, имевших терпимый для вьючной лошади вес—около 6 пудов, все остальные вьюки весили по 7 и даже свыше 8 пудов. Такой большой груз на спине, да еще с повышенным у некоторых вьюков центром тяжести, быть может, не был обременительным для привычных горных мулов Испании и Африки, куда, по некоторым сведениям, горная пушка Данглиз и предназначалась, но для российских лошадей, даже особого горного типа, такой тяжелый вьюк являлся почти непосильным.

Это вполне подтвердилось при первом же параллельном испытании системы горной пушки обр. 1909 года возкой: один взвод (2 орудия) на вьюках, другой взвод (2 орудия) на колесах.

В ожидании приезда руководившего испытанием, взводы подготовились к уставной встрече, по обычаю того времени, заранее что-то минут за 40, а то и за весь час до начала испытания. Большинство навьюченных лошадей встретило руководителя опытом лежа, будучи не в силах приподняться под тяжестью вьюков, несмотря на самое бесцеремонное подталкивание коноводов. „Встреча“ неудалась. Пришлось снять вьюки, дать лошадям отдых и начать опыт часа на $1^1/_2$ позже

назначенного времени. Для опыта решили подняться на довольно крутой берег р. Днестра по двум параллельным тропам; пройдя только с $1/2$ версты, большинство вьючных лошадей (за исключением патронных вьюков) оказалось лежащими, усеяв собою почти весь пройденный путь чуть ни от самого начала подъема, тогда как взвод на колесах в полном порядке взобрался по тропе на подъем и благополучно спустился обратно вниз. Испытуемая горная батарея была из старых, участница боевых походов на Кавказе и в Туркестане с прежними нескорострельными горными пушками, участница также и русско-японской войны с обуховскими скорострельными пушками обр. 1904 года; большинство навьюченных лошадей оказалось из недавно полученных молодых, обыкновенного упряжного артиллерийского типа, непригодных для вьюка. Тогда же, во время опытов, батарея призналась, что она вообще почти никогда не вьючилась на войне, за редкими исключениями передвижений на Кавказе; что во всех случаях гораздо удобнее передвижение на колесах, при узком ходе системы горной артиллерии вполне возможное даже по горным тропам; что через весьма крутые перевалы предпочтительнее перетаскивать пушки на руках, отправляя лошадей по обходным путям; что система горной пушки обр. 1909 года при колесном движении не оставляет желать ничего лучшего, а при стрельбе вызывает восхищение своими отличными баллистическими качествами [1]). После указанного опыта был поднят вопрос о замене мулами вьючных лошадей горной артиллерии и с этою целью производились испытания мулов в горной артиллерии на Кавказе. Но муловодство находилось в России в зачаточном состоянии. Поэтому в 1913 году военный министр ген. Сухомлинов приказал не продолжать испытание мулов, указав при этом, что мулы могут быть допущены при мобилизации в горные парки (т. е. туда, где они менее всего нужны, так как патронные вьюки самые легкие) [2]).

3-*дм.* горная пушка обр. 1909 года, при чрезвычайной легкости системы—75 пудов в походном и 38 в боевом положении, при той же шрапнели и гранате, как у легкой 3-*дм.* пушки обр. 1902 года, обладает большею скорострельностью около 10 выстрелов в минуту и дальностью до 7-ми верст [3]), при начальной скорости лишь 1.250 *фт. в сек.* [4]). По существу горная пушка обр. 1909 г. является 3-дм. гаубицей. При небольшой начальной скорости, однако не мешающей пушке

---

[1]) Отчет о поверке боевой готовности горных дивизионов 12 и 32 артиллерийских бригад, произведенной в январе 1913 г. автором этого труда по поручению генерал-инспектора артиллерии и ГУГШ.

[2]) Дело В.-Уч. Архива 177—959.

[3]) Дальность шрапнельного огня 3.300 саж. при 36 сек. японской трубке, а при 37 сек. французской около 3.500 саж.

[4]) „Свойство орудий"—Изд. Штаба Верх. Главнокоманд. 1916 года.

быть достаточно меткой, получается траектория—настильная в восходящей ветви и довольно крутая в нисходящей. Такая траектория безусловно необходима при действии в горах, чтобы бросать снаряды за крутые скаты, укрывающие противника; но и в равнинной местности, не говоря уже о слегка холмистой и пересеченной, она весьма желательна, так как только при наличии орудия с подобной траекторией возможно поражать противника, засевшего в окоп или спрятавшегося в складках местности. Следовательно, при наличии орудия, подобного 3-*дм.* горной пушке (гаубице) обр. 1909 года, возможно в значительной мере парализовать такой серьезный недостаток 3-*дм.* легкой пушки обр. 1902 года, как неспособность ее к поражению укрытых целей. Горная пушка обр. 1909 года может парализовать и другой недостаток пушки обр. 1902 года—неспособность ее к непосредственному действию с пехотой и к сопровождению пехоты, вследствие тяжеловесности системы. Стоит только отказаться от вьючки, к которой на войне вообще и не прибегают, сделать систему горной пушки обр. 1909 года неразборной и попутно несколько облегчить ее. При разборной системе от движения на колесах довольно скоро расшатываются скрепления лобовой части лафета с хоботовой и расстраивается ход лафета. Кроме того, при поворотах на быстрых аллюрах система кувыркается, вследствие узкого хода; уширение же хода затруднит движение по тропам в горах, лесах и болотах.

В общем, впервые 1906—1909 г.г. по окончании русско-японской войны, Россия в отношении технического улучшения материальной части полевой легкой артиллерии ограничилась принятием к 3-*дм.* скорострельной пушке панорамных прицельных приспособлений и утвержденного еще в 1902 году более безоткатного лафета со щитом, введением 3-*дм.* фугасных гранат, 48-лин. гаубиц и 3-*дм.* горных пушек обр. 1909 г.

Комиссия, пересматривавшая организацию и вооружение осадной артиллерии, еще в мае 1905 года пришла к заключению, что орудия осадных полков того времени не отвечали современным требованиям, резко отличаясь в худшую сторону в отношении могущества, скорострельности, подвижности и удобств в обращении от орудий не только тогда испытываемых, но и принятых заграницей на вооружение тяжелой артиллерии.

Опыт войны 1904—1905 г.г. подтвердил заключение комиссии, почему решено было при определении нового вооружения тяжелой артиллерии вовсе не принимать в расчет устарелых орудий осадных полков и вопрос об этом вооружении разработать на совершенно новых основаниях.

В мае 1906 года артиллерийским комитетом ГАУ были установлены типы желаемых тяжелых орудий и затем объ-

явлен конкурс на разработку систем новых орудий, с привлечением к участию в конкурсе известных пушечных заводов—5 русских и 8 иностранных. Независимо от конкурса, артиллерийскому комитету поручено было выработать самостоятельно новые системы тяжелых орудий, а некоторым более крупным иностранным заводам предложено было сообщить подробные данные об имеющихся у них гаубицах крупного калибра новейших систем или доставить экземпляры таких гаубиц для испытания. До 1909 года откликнулись только заграничные заводы: Круппа, Эргардта, Шнейдера, Скода и Бофорса. Русские заводы — Путиловский, Обуховский, Пермский, Брянский, СПБ Металлический не пошли на встречу предложению ГАУ. Артиллерийский комитет своего проекта орудий не разработал.

Весь 1909 год на главном артиллерийском полигоне испытывались представленные образцы только следующих орудий: французского завода Шнейдера 6-*дм.* гаубица, 42-лин. и 6-*дм.* пушки; германского завода Круппа — 42-лин. и 6-*дм.* пушки. По результатам испытаний, закончившихся в 1910 году, решено было остановиться на орудиях системы Шнейдера.

Таким образом, вопрос о введении новых образцов тяжелых орудий, чрезвычайно обострившийся и начатый во время японской войны в 1905 году, был закончен для дачи валовых заказов в начале 1910 года, и то лишь принципиально полигонными испытаниями готовых образцов орудий 42-лин. и 6-*дм.* калибров, тогда как война подчеркнула несомненное значение более крупных калибров [1]).

Введение на вооружение армии новых образцов орудий дело, несомненно, весьма трудное, требующее большой осторожности; дело это шло в России крайне медленно. Желая получить наиболее совершенные образцы, упускали из вида, что за современной техникой „не угнаться“ и что лучшее враг хорошего.

Нельзя также не обратить внимания на то, что этот один из важнейших для армии вопросов—вопрос о вооружении артиллерии разрабатывался в артиллерийском комитете ГАУ почти без всяких хотя бы основных общих указаний тактического характера со стороны военного министра и генерального штаба. Правда, некоторые вопросы вооружения рассматривались в крепостном и мобилизационном комитетах при ГУГШ [2]), но работа этих комитетов протекала без достаточной связи с артиллерийским комитетом и с ГАУ.

Только в конце 1909 года ГАУ, по своей инциативе, испросило согласие военного министра назначить в комиссию

---

[1]) А. А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 г.г. Ч. II. Изд. 1922 г. Стр. 42—46.

[2]) Главное управление генерального штаба—в последующем будет сокращенно называться ГУГШ.

по выбору образцов тяжелой (полевой, осадной и крепостной) артиллерии представителя ГУГШ.

в) Снабжение огнестрельными припасами.

К началу русско-японской войны перевооружение русской армии 3-лин. винтовками обр. 1891 года было закончено и значительная часть положенного боевого комплекта 3-лин. патронов была заготовлена. Перевооружение полевой артиллерии скорострельными 3-*дм.* пушками, начатое в 1900 году, шло полным ходом, заготовление 3-*дм.* пушечных патронов производилось интенсивно (по расчету около 500 выстрелов на пушку) на все число орудий, положенное по мобилизационному расписанию армии.

В войне на Дальнем Востоке принимала участие лишь часть русской армии, сравнительно небольшая. Поэтому на войне не ощущалось особого недостатка в огнестрельных припасах, хотя бывали жалобы, что патронов мало, и издавались приказы об ограничении стрельбы. Обычно требования на 3-*дм.* патроны удовлетворялись высылкой из числа заготовленных на перевооружение.

Впрочем, на одном из докладов ГУГШ, от 10 декабря 1911 года, за № 219, имеется пометка начальника генерального штаба следующего содержания: „во время войны 1904 г. заводы бастовали и одна из причин, побудивших заключить мир, был недостаток снарядов и невозможность их изготовлять" [1]).

В выстрелах (зарядах и снарядах) к полевым поршневым пушкам обр. 1895 года и 6-*дм.* полевым мортирам Энгельгардта, а равно к осадным орудиям старого образца недостатка не было; зарядов и снарядов к полевым пушкам много оставалось в запасах, когда началось перевооружение скорострельными пушками, а выстрелы к осадным орудиям расходовались в сражениях с японцами в крайне ограниченном размере (за исключением Порт-Артура, где расходовался свой особый крепостной запас крайне недостаточный).

Вопрос об установлении нормы боевого комплекта пушечных выстрелов по опыту русско-японской войны разрабатывался в комиссии под председательством генерал-инспектора артиллерии, образованной непосредственно после окончания войны весною 1906 года [2]).

Основанием для определения числа снарядов, какое необходимо заготовить в мирное время на период войны на каждое действующее орудие, служили следующие данные по опыту русско-японской войны: 1) наибольшее число выстре-

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 187—896.

[2]) Показания начальника ГАУ ген. Кузьмина-Кораваева. Подлинные в деле „О быв. воен. министре ген. Сухомлинове и о быв. начальнике ГАУ ген. Кузьмине-Караваеве" в 1 отд. II секции Един. Гос. Арх. фондав Ленинграде.

лов, сделанное отдельными батареями в односуточном сражении; 2) число выстрелов, сделанное крупными артиллерийскими единицами (бригадами), принимавшими наибольшее участие в войне в течение года; 3) среднее число выстрелов на орудие, участвовавшее в войне; 4) скорострельность орудия. Из этих данных в распоряжении комиссии имелась лишь одна достаточно проверенная, а именно: наибольшее число выстрелов, сделанное отдельными батареями в односуточном сражении с японцами, составляло до 500 выстрелов на орудие. Кроме того, при дальнейшем обсуждении вопроса о размере боевого комплекта приняты были во внимание следующие соображения: а) чем больше общее число орудий одного рода и калибра, тем меньше может быть число снарядов, заготовляемых в боевой комплект на одно орудие; б) при малой производительности русских заводов, изготовляющих снаряды и прочие боевые припасы, размер боевого комплекта должен быть больше, так как изготовление во время войны может оказаться недостаточным; в) содержание больших боевых комплектов, ввиду небольшого расхода в мирное время, затрудняет их освежение, между тем бездымный порох способен портиться после 10—12 лет хранения; г) стеснение батарей в бою в расходовании боевых припасов действует на войска угнетающим образом в моральном отношении и приводит к упущению удобных случаев нанести неприятелю существенный вред внезапным массовым огнем; д) в течение войны с Японией большинством начальников было заявлено требование иметь на полевую скорострельную пушку не менее 1.000 патронов, а некоторые старшие начальники требовали иметь еще 40% запас сверх тысячи.

Таким образом, вопрос о пушечном боевом комплекте подвергался всестороннему обсуждению. Недостаточное внимание было обращено только на то, какой продолжительности будет война, для ведения которой заготовляется боевой комплект; предполагали, что война, как русско-японская, затянется не более года. При голосовании вопроса в комиссии, большинством 15 голосов против 2, решено было установить боевой комплект в 1.000 патронов на полевую 3 *дм.* скорострельную пушку. С этим решением согласился военный министр и оно было утверждено в 1908 году.

Вопрос о норме запаса 3 лин. патронов на винтовку и пулемет [1]) обсуждался в мобилизационном комитете генерального штаба в 1906—1907 г.г. За основание принят был расход 3 лин. патронов в японскую войну; главным образом, только в трех больших сражениях под Мукденом, Ляояном и на Шахэ, в которых максимальный расход составлял около

---

[1]) Показания начальника ГАУ Кузьмина-Караваева.

880 патронов на винтовку. Мобилизационный комитет установил следующие нормы:

на каждую винтовку полевой и резервной пехоты		1.000	патр.
„ каждый войсковой пулемет.		75.000	„
„ винтовку в крепостях . . .	от 1.500 до	2.000	„
„ крепостной пулемет	„ 30.000 „	50.000	„
„ винт. госуд. ополчения . . .		200	„
„ „ местн. конв. команд .		30	„

Военный министр согласился с мобилизационным комитетом и указанные нормы 3 лин. патронов были утверждены в 1908 году.

При установлении норм запаса 3 лин. патронов, как и при определении боевого комплекта пушечных патронов, расчитывали на скоротечность будущей войны—несколько месяцев и никак не более года.

г) Подготовка личного состава.

На техническую подготовку русской полевой артиллерии к стрельбе, как уже упоминалось, обращено было внимание еще до японской войны, с самого начала перевооружения скорострельными пушками. Но все же война застала русскую артиллерию не достаточно ознакомленной со стрельбой с закрытых позиций при помощи угломера; в особенности слабыми в этом отношении оказались те артиллерийские части, перевооружение которых производилось наспех перед самым отправлением на театр войны в Маньчжурию.

Чрезвычайно слабая тактическая подготовка в артиллерийском отношении всей русской армии сказалась в русско-японскую войну в полной мере.

Как говорит официальная история русско-японской войны: „в общую массу артиллерийских начальников понимание тех тактических выгод, которые могли быть получены при угломере, проникнуть не успело. В возможность успешно действовать и с закрытых позиций не верили не только многие войсковые начальники, но вместе с ними и некоторые высшие артиллерийские командиры“.

В первых боях русские батареи, в большинстве случаев, располагались открыто на гребнях высот и даже на передних скатах, не принимая никаких мер маскировки. На разведывательный огонь японской артиллерии русские батареи обычно немедленно отвечали и сразу себя обнаруживали.

Русская артиллерия нередко располагалась на близких от противника открытых позициях и бесцельно платилась жизнью своих солдат, что являлось результатом рутины, полного пренебрежения к новейшей технике, к огню, к вопросам современного боя. В бою под Вафангоу 3 и 4 батареи 1 Восточно-

Сибирской артиллерийской бригады выскочили на гребень и были расстреляны. Затем гибель батареи полк. Покотилло под Ляояном и многие другие горькие уроки доказали, что для преодоления вредной рутины нужна упорная школа мирного времени.

Русская артиллерия стреляла технически лучше японской, но тактику огня она усвоила себе лишь после кровавого опыта войны.

В большинстве случаев, не было связи стреляющей артиллерии со старшими артиллерийскими начальниками, со стороны которых отсутствовало руководство огнем, столь необходимое в интересах достижения общей задачи боя. Чуть ли не каждый батарейный командир самостоятельно выбирал себе цели и стрелял по своему усмотрению, или, что еще хуже, вовсе не стрелял, ссылаясь на неполучение приказаний. Нередко работа артиллерии в бою сводилась как бы к „артиллерийским дуэлям“ отдельных батарей.

Отсутствие взаимного понимания и внутренней связи между артиллерией и пехотой, двойственная подчиненность артиллерии и, в результате, отсутствие к ней интереса со стороны общевойсковых начальников, плохая тактическая подготовка артиллерии, воспитание в страхе ответственности, приводившее к инертности, рознь между отдельными родами войск, приводившая к взаимному недоверию и неправильному сознанию долга взаимной выручки—все эти непростительные грехи мирной подготовки русской армии, подчеркнутые в I главе, ярко обнаружились на полях Манчжурии, столь обильно и напрасно политых кровью солдат русской армии.

В русско-японскую войну русская артиллерия действовала подобно тому, как действовала она еще в турецкую войну 1877—78 г.г. Обычно она вела так называемое „артиллерийское состязание“ во время, назначенное для подготовки атаки, и бездействовала во время атаки, оставляя без могущественной огневой поддержки свою пехоту в самый тяжелый для нее период боя.

На войне выяснилось, что при ведении огня современной артиллерии, в большинстве случаев с предельных больших дистанций, пехота довольно скоро удаляется от своих орудий на 2—3 *км* и более, вследствие чего крайне затрудняется или вовсе прерывается связь пехотного начальства с артиллерией. В таких случаях артиллерийский начальник должен самостоятельно следить за всеми перипетиями пехотного боя и сам заботиться о своевременной поддержке своей пехоты огнем. Между тем, этого не замечалось даже в оборонительных боях.

В бою под Мукденом один из русских артиллерийских дивизионов, состоявший при войсках, атакованных японцами под сплошным и грозным прикрытием шимоз и шрапнелей,

рвавшихся над „страдалицей пехотой", почему то замолчал; только спустя довольно много времени и лишь после энергичного приказания начальника обороняемого участка, дивизион возобновил огонь. Командир дивизиона—отличный и храбрый артиллерист объяснил молчание „не получением приказа".

К рекомендуемой Драгомировым быстрой перемене позиции в тех случаях, когда пехота настолько сближалась с противником, что являлась опасность поражать своих недолетами снарядов, артиллерия оказалась неспособной; требуется большая выучка и подвижность системы, чтобы выполнить такой рискованный маневр в бою.

В том же мукденском сражении на поддержку 5 стрелковой бригады, оборонявшей с. Янсытунь и оказавшейся в крайне тяжелом положении под жестоким артиллерийским огнем японцев, прислан был на помощь конно-артиллерийский дивизион полк. Гаврилова. Невзирая на крайнюю серьезность положения, искреннее желание испытанного в боях дивизиона помочь пехоте и, несмотря на известное мужество его командира, выезд на позицию прибывших конных батарей не мог состояться в течение целого дня, вследствие сильного обстрела со стороны японской артиллерии. Пехоте пришлось отбиваться без их помощи.

Примером отрицательного значения нецелесообразной подчиненности артиллерии может служить атака сел. Чжантаньхенань 20 января 1905 года частями 1 и 5 стрелковых бригад, к которым придана была артиллерия корпуса из 48 скорострельных 3 *дм.* 16 поршневых пушек и 18 полевых мортир.

Русским стрелкам, овладевшим селением, приказано было окопаться. Но японцы открыли такой убийственный артиллерийский огонь, что до вечера нельзя было приступить к работам. Русская артиллерия оставила своих стрелков без поддержки, так как по приказанию начальника артиллерии корпуса перенесла весь свой огонь на сел. Сандепу и занялась его бомбардированием. Между тем, начальник артиллерии корпуса находился в 5 *км* от места боя и не был подчинен общевойсковому начальнику, ответственному за атаку, но распоряжаться его артиллерией считал себя вправе.

В подобных случаях не приходится винить только пехоту и пехотное начальство за незнакомство со свойствами артиллерии. Русско-японская война напомнила артиллеристам об обязательном для них знании тактики пехотного боя. Только понимая этот бой и умея вполне самостоятельно за ним следить и его оценивать, современный артиллерист сможет проявить почин в смысле своевременной и действительной поддержки не только своей, но при необходимости и соседней пехоты.

Положительным примером подобного проявления артиллерийского почина может служить действие артиллерии 3 Сибирского корпуса в бою под Ляояном.

Корпус этот занимал крайний правый фланг левой группы русских войск. Японцы, желая прорваться в 6-верстный интервал между двумя группами русских корпусов, обрушились на 4 Сибирский корпус, оборонявший левый фланг правой группы. Тогда по инициативе командира 3 Сибирского корпуса генерала Иванова, Н. И. (бывшего артиллериста), без всякого приказания свыше или просьбы со стороны 4 Сибирского корпуса, на поддержку ему была отправлена грозовая туча снарядов артиллерии 3 Сибирского корпуса, способствовавшая отбитию японских атак соседом.

Такие случаи были во время русско-японской войны исключением. Напротив, отсутствие взаимной поддержки часто наблюдалось даже между артиллерийскими частями. Соседние артиллерийские боевые участки, не только разных отрядов, но даже одного и того же отряда, редко входили в непосредственную взаимную связь между собою. Русско-японская война, подтвердив важность объединения управления войсками в бою, в частности объединения управления артиллерией, вместе с тем с полной очевидностью выявила, что в современном бою успех зиждится не столько на приказаниях свыше, сколько на взаимной ориентировке, на самодеятельности, на проявлении частного почина и взаимной выручке. Плодотворный артиллерийский почин, огневая поддержка и выручка возможна лишь при том условии, если артиллеристы, не стесняясь формальными соображениями подчиненности, будут непосредственно обмениваться полученными данными боя с соседней пехотой и с соседними артиллерийскими участками и, в соответствии с этими данными, будут безбоязненно принимать самостоятельные решения для действия огнем в целях достижения общего успеха в бою.

Отрицательным и типичным случаем отсутствия связи между соседними артиллерийским участками может служить следующий эпизод мукденского сражения.

16 февраля 1905 года японцы атаковали д. Безымянную, занятую двумя ротами 17 стрелкового полка. Вследствие тяжелых потерь от артиллерийского огня (в одной из рот осталось лишь 37 стрелков) и полного уничтожения закрытий, мужественно оборонявшиеся роты принуждены были отступить. Во время этого упорного боя, длившегося с раннего утра до полудня, в горячей борьбе с японской артиллерией принимал участие лишь один 5 стрелковый артиллерийский дивизион. Стоявший же на позиции рядом с ним 2 стрелковый артиллерийский дивизион, вероятно в силу своей принадлежности к составу другой стрелковой бригады, совершенно не угрожаемой атакою, не поддержал боевого соседа, хотя д. Безымянная от него находилась в сфере хорошего артиллерийского выстрела, в $1^1/_2$ — 2 верстах, и была хорошо видна.

По принятому в то время порядку, для получения артиллерийского содействия соседнего боевого участка следовало обратиться сначала в высшую инстанцию, которая делала соответствующее распоряжение, если признавала его необходимым.

В современном бою, в связи с его огромными расстояниями, подобный долгий путь приводит к потере времени и другим вредным последствиям. Для предотвращения этого необходима инициатива и самодеятельность командного состава артиллерии. Артиллерист нашего времени должен на себя смотреть не только как на машиниста пушкарского цеха, но и как на самостоятельно рассуждающего артиллериста—тактика, обязанного в некоторых случаях изменения обстановки проявлять почин и самодеятельность на поле сражения.

Русско-японская война, удостоверив довольно удовлетворительную подготовку артиллерии русской армии в отношении техники стрельбы, обнаружила в общем ограниченность тактического кругозора ее командного состава.

Что же касается старших общевойсковых начальников, то все они, почти без исключения, оказались мало знакомыми со свойствами новой скорострельной артиллерии и применением ее в бою. В большинстве случаев они даже не вмешивались в боевую работу артиллерии; если же иногда пытались ею распоряжаться в бою, то часто крайне неудачно, заставляя занимать открытые позиции, стрелять по целям, не заслуживающим внимания артиллерии или недостижимым для ее огня.

Вследствие незнакомства с новейшей тактикой артиллерии и отчасти вследствие чрезмерной осторожности, настойчиво проводимой ген. Куропаткиным, старшие общевойсковые начальники имели вредное обыкновение оставлять в резерве значительную часть артиллерии, при чем она вводилась в бой с опозданием или вовсе не успевала и обречена была на бездействие.

Из опасения потери тяжелых орудий при отступлении, о котором прежде всего думали многие старшие начальники, по их распоряжению осадная артиллерия убиралась в тыл настолько заблаговременно, что или не успевала принести пользы своим огнем (под Мукденом 130 осадных орудий сняты были с позиции слишком рано), или даже вовсе не успевала открыть огонь (под Ляояном 28 осадных орудий, расположенных на позиции, были убраны в Телин, не сделав ни одного выстрела).

По окончании войны с Японией, русская полевая артиллерия начала с усиленной энергией обучаться искусству стрельбы с закрытых позиций при помощи угломера, так как война подтвердила безусловную необходимость такой

стрельбы для современной артиллерии. Обучение проводилось, главным образом, при посредстве офицерской артиллерийской школы, подготовлявшей старший командный состав артиллерии. Под руководством генерал-инспектора артиллерии, офицерская артиллерийская школа тогда же разработала „правила стрельбы и указания по применению угломера“ с объяснительной запиской, а затем издала „сведения по стрельбе полевой артиллерии“, служившие настольной книгой для строевого артиллерийского командира и до сих пор не утратившие значения.

Опыт русско-японской войны с полной очевидностью показал, что современная артиллерия, обладающая в скорострельных дальнобойных пушках могущественным средством внезапного и сильного поражения противника, может достигать решительных результатов лишь при условии, если ее командный состав в тактическом отношении будет стоять не только не ниже, но выше других родов войск, если он будет способен быстро разбираться в тактической обстановке и безбоязненно принимать решения.

После войны предстала трудная задача внушить командному составу артиллерии доверие и уважение к тактике, подняв его образование в тактическом отношении, и, наконец, перевоспитать его в духе проявления личной инициативы; особенно нелегко было последнее.

Задача эта была выполнена в течение последующих 5—6 лет после войны, лишь до некоторой степени: рутина беспрекословного исполнения приказаний начальства пустила слишком глубокие и крепкие корни в старой армии.

По настоянию генерал-инспектора артиллерии, еще с 1904 г. было обращено серьезное внимание на преподавание тактики в артиллерийских училищах, в академии и, в особенности, в офицерской артиллерийской школе, причем тактика артиллерии выделена была в отдельный предмет. В школу были назначены опытные руководители по тактике из лиц со специальным академическим образованием или проявивших выдающиеся способности во время войны.

В переменный состав офицерской артиллерийской школы командировались для прохождения курса ежегодно с 1 февраля на 6—7 месяцев старшие офицеры батарей из числа кандидатов на получение батарей и командиры батарей—из кандидатов на получение дивизионов.

После русско-японской войны, в 1906—1908 годах в школу на летний период занятий, кроме обычного переменного состава из кандидатов на получение батарей и дивизионов, командировались еще старшие артиллерийские начальники из непроходивших курса школы, не исключая даже престарелых инспекторов артиллерии. При чем руководителю по тактике вменено было в обязанность обращать исключительное вни-

мание на практические занятия в поле с этими старшими артиллерийскими начальниками. Многие из них, по преклонности лет, по отсталости от современных требований службы или по расстроенному здоровью, оказались неспособными к исполнению своих обязанностей при решении тактических задач в поле и вынуждены были оставить военную службу, получив соответствующее пенсионное обеспечение [1]).

Для заканчивающих курс офицерской артиллерийской школы аттестация в тактическом отношении имела такое же первенствующее значение, как аттестация по искусству в стрельбе; неспособные к практическому пониманию тактики, как и неспособные к стрельбе, не получали ни батарей, ни дивизионов и переводились на службу в артиллерийские парки или на административные должности. Таким путем подбирался командный состав артиллерии, действительно, практически сведущий и в техническом, и в тактическом отношении.

С 1905 года все практические стрельбы в офицерской артиллерийской школе и, по ее примеру, в строевых артиллерийских частях, производилось не иначе, как в условиях тактического задания с маневрированием—с соответствующими изменениями в тактической обстановке по указаниям руководителя. К стрельбе привлекался по возможности весь командный состав того или иного артиллерийского сбора, даже и не стреляющих артиллерийских частей; в школе же обязательно привлекался весь переменный состав обучающихся, при чем почти каждый из неучаствующих непосредственно в технической стрельбе получал то или иное тактическое назначение: начальника отряда, начальника артиллерии, командира полка и батальона, начальника разведки, адъютанта и проч.; каждый осведомлялся в изменениях тактической обстановки и должен был принимать решение и отдавать соответствующее распоряжение в письменной форме. Каждая стрельба заканчивалась разбором в поле как в техническом, так и в тактическом отношении; при чем в офицерской артиллерийской школе всегда допускался свободный обмен мнений всех участвующих с конечным резюмирующим заключением старших руководителей по стрельбе и по тактике. Более сложные и более интересные практические стрельбы подробно разбирались, кроме того, в аудиторной обстановке после тщательной обработки всех данных и затем отчеты о таких стрельбах печатались для всеобщего сведения.

Командный состав, прошедший полный курс школы, основательно в ней повторивший все необходимое старое и усвоив-

---

[1]) С 1909 года командирование в школу старших артиллерийских начальников прекратилось и среди них дожило до мировой войны не мало отсталых от современных требований техники и тактики артиллерии.

ший все новое в технике и тактике артиллерии, являлся проводником теоретических и практических артиллерийских знаний в строевых частях, повышая вместе с тем их боевую подготовку.

К 1908—1910 годам большие достижения в технической подготовке полевой артиллерии были несомненными, но тактическая подготовка оставляла желать еще очень многого, так как она зависела, главным образом, от подготовки артиллерии в связи с другими родами войск.

Жестокие уроки русско-японской войны пробудили интерес к артиллерии, в особенности среди генерального штаба, но все же каждый род войск продолжал жить довольно обособленно от других; совместных сколько-нибудь серьезных занятий не бывало, внутренняя связь между войсками не крепла. Попрежнему артиллерия оставалась не подчиненной начальникам дивизий, вследствие чего большинство старших общевойсковых начальников держалось в стороне от артиллерии, а некоторые из них относились к ней с некоторым предубеждением, считая ее привилегированным родом оружия, находящимся под защитой своего „высокого начальства".

Исключением в этом отношении являлись Туркестан, Кавказ и некоторые глухие пограничные окраины, где войска жили между собою дружно и служба их в мирное время являлась более объединенной.

ГЛАВА III.

Мероприятия по артиллерийской части, предпринятые в связи с реорганизацией русской армии 1910 года.

а) Мероприятия, намеченные ГАУ. Как уже упоминалось, главное артиллерийское управление непосредственно вслед за окончанием войны с Японией приступило к изучению назревших артиллерийских потребностей государственной обороны.

На основании опыта минувшей войны и в соответствии с развитием вооруженных сил вероятных противников, были разработаны соображения, послужившие для ГАУ основанием к составлению еще в 1906 году перечня расходов на следующие новые мероприятия по артиллерийской части [1]).

	Расход в рублях.	
	Единовременный	Ежегодный
1. Усиление артиллерии полевой армии . . . Сформирование недостающих по проекту новой организации [2]) 17 легких батарей с 3-*дм.* пушками, 90 мортирных батарей с 48-*лин.* гаубицами, 31 полевой тяжелой батареи с 6-*дм.* гаубицами; сформирование соответствующих новым батареям артиллерийских парков; переформирование всей легкой полевой артиллерии в 6-орудийные батареи, с введением полкового хозяйства.	112.908.000	30.136.000
2. Усиление крепостной и осадной артиллерии . . . . Замена орудий устаревших образцов новыми, увеличение боевых комплектов, усиление артиллерийских гарнизонов в крепостях, заготовление вооружения для новых укреплений, сформирование нового осадного артиллерийского полка.	704.469.000	7.642.000

---

[1]) Показания начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева. Стр. 67—70

[2]) См. главу II.

	Расход в рублях	
	Единовременный	Ежегодный
3. Улучшение подготовки артиллерии . . . . Образование двух новых артиллерийских училищ, образование крепостной офиц. артил. школы и электро-технических курсов, улучшение быта крепостной артиллерии, улучшение материального обеспечения офицеров - академиков технической и ученой службы, увеличение содержания оружейным мастерам, введение в штат артил. бригад технических мастеров.	1.630.000	1.718.000
4. Усиление заводской артиллерийской деятельности . . . . Постройка новых заводов — трубочного, порохового, мелинитового и гильзового, центральной лаборатории и пяти снаряжательных мастерских; расширение существующих артиллерийских казенных заводов; образование запаса материалов для обеспечения деятельности казенных заводов в военное время; образование запаса винтовочного пороха для обеспечения работы патронных заводов на военное время; обеспечение рабочих казенных артил. заводов за профессиональные болезни, инвалидность и старость.	42.444.000	1.232.000
5. Мероприятия общего характера . . . . . Пополнение недостатка оружия в войсках, перевооружение 13 горных и 7 мортирных батарей скорострельными орудиями, изготовление 100.000 винтовок в запас, вооружение артиллерии револьверами и другие более мелкие потребности.	34.337.000	1.336.000
Всего	895.788.000	42.064.000

В то время действовал, так называемый, предельный бюджет военного министерства, устанавливаемый на каждые пять лет вперед, из которого возможно было получать ассигнования на новые мероприятия лишь при наличии свободных остатков от сумм, отпускаемых на покрытие текущих расходов. Таких остатков обычно не оказывалось, вследствие чего новые мероприятия не осуществлялись. На неоднократные доклады начальника ГАУ военному министру о необходимости приступить к усилению артиллерии, получался почти всегда один неизменный ответ—„денег нет“. Лишь с 1908 г., когда государственная дума 3-го созыва вошла в подробное обсуждение потребностей армии, начали проводиться в жизнь, и то в крайне ограниченных размерах, некоторые мероприятия по артиллерийской части из числа намеченных ГАУ [1]).

---

[1]) Показания начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева. Стр. 71 и 96.

Генерал-инспектор артиллерии, с своей стороны, неоднократно настойчиво ходатайствовал о реорганизации артиллерии на основаниях проекта, разработанного комиссией под его председательством в 1906 году, докладывая о совершенной неудовлетворительности существующей организации, требующей безотлагательного переформирования батарей в 6-орудийные и увеличения общего числа батарей и орудий, но все ходатайства и доклады его оставались „без движения“. При этом указывалось на „недопустимость новых постоянных расходов“, вызываемых реорганизацией артиллерии, и на несогласие министерства финансов на отпуск новых кредитов.

Председатель комиссии обороны, образованной в государственной думе, А. И. Гучков, также признавал невозможным удовлетворить в ближайшем будущем все потребности артиллерийского ведомства, внесенные в указанный перечень, вследствие недостатка необходимых денежных средств. В 1908 г., по просьбе Гучкова, ему было разъяснено начальником ГАУ, что в первую очередь необходимы кредиты на организацию артиллерии, на формирование батарей гаубичной и полевой тяжелой артиллерии, на развитие деятельности казенных заводов, изготовляющих предметы боевого снабжения, и на связанное с этим улучшение материального положения офицеров технической и ученой службы. Однако, кредиты были ассигнованы только на единовременные расходы и в столь незначительном размере, что не покрывали потребность (например, в 1908—1909 г.г. отпущено было 167 милл. руб., а требовалось около 895 милл. руб.) [1]. На постоянные ежегодные расходы кредитов вовсе не было отпущено, вследствие чего нельзя было ни переформировать легкую полевую артиллерию в 6-ти-орудийные батареи, ни осуществить другие необходимые мероприятия, вызывающие увеличение ежегодных расходов.

Комиссия обороны при государственной думе, изучая постановку артиллерийской части армии, нередко с особым вниманием вникала во все нужды артиллерийского ведомства и способствовала проведению в жизнь многих назревших мероприятий. Но все же и она оказывалась недостаточно сильной, чтобы получить кредиты, необходимые для удовлетворения всех нужд артиллерии. Комиссия обороны была в достаточной степени осведомлена о недочетах по артиллерийской части и неоднократно останавливала на них внимание государственной думы, как-то: на сравнительную бедность артиллерии по количеству и качеству орудий, на неудовлетворительность ее организации, ненадлежащее оборудование казенных артиллерийских заводов и недостаточную их производительность, на необеспеченность их от перерыва деятельности в военное время, на неподготовленность воен-

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.

ной промышленности к некоторым производствам, на несовершенство способов заготовлений, на излишнюю продолжительность артиллерийских опытов и проч. Государственной думе давались пояснения, указывающие на причины возникновения недочетов и на возможность их устранения. Правда, объяснения давались иногда недостаточно убедительные и не исчерпывающие поднятых вопросов, так как начальник ГАУ или его помощники связаны были обязанностью службы давать объяснения в качестве представителя не только своего артиллерийского ведомства, но и правительства (нередко, по тем или иным соображениям, правительство скрывало истину от законодательных учреждений). Тем не менее, некоторые из членов государственной думы, очевидно, были хорошо осведомлены во всем, так как в комиссии обороны приходилось выслушивать упреки в том, что артиллерийское ведомство „не умеет убедить министров—финансов, торговли и своего военного в необходимости той или иной меры".

Обыкновенно, осуществление мероприятий, вызывающих большие военные расходы, в особенности ежегодные, встречало со стороны контролирующих министерств, возглавляемых министерством финансов, дружный протест, который в большинстве случаев имел решающее значение для постановлений правительства.

Особенно рельефным является отказ в денежном ассигновании на образование запаса материалов для обеспечения деятельности в военное время казенных заводов — химических и механических. Особая комиссия по рассмотрении этого вопроса в 1905—1906 г.г. исчислила, что на приобретение запаса сырых материалов, обусловливающих безостановочную работу казенных заводов в продолжение двух лет закрытия границы во время войны, требуется около 28 милл. руб. Мера эта встретила самый решительный протест со стороны контролирующих министерств, по мнению которых государственное казначейство не должно соглашаться на образование „не приносящего дохода мертвого капитала, который может потребоваться лишь в случае гадательной войны". Этот жгучий и оказавшийся спорным вопрос в течение четырех лет служил предметом пререканий между министерствами—военным и финансов. С целью добиться хотя бы частичного его решения, военное ведомство шло на уступки, уменьшив запас до крайнего предела. Наконец, в 1909 году, министерство финансов согласилось отпустить лишь 3 миллиона рублей на приобретение исключительно заграничных материалов, но с „непременным условием на такую же сумму уменьшить изготовление ружейных патронов, предназначенных для запаса" [1].

---

[1]) Показания начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева. Стр. 74.

В январе 1908 года председатель совета государственной обороны (быв. великий князь Николай Николаевич) указал военному министру на крайнюю необходимость истребования кредитов, исчисленных на пополнение запасов армии, чтобы сделать ее боеспособной. Военный министр просил отпустить на 1908 год около 100 миллионов рублей (всего нужно было 315 миллионов), но министр финансов заявил, что „о таких кредитах и думать нельзя", указав на трудность займов [1]).

Комиссия обороны при государственной думе неоднократно ставила на вид, что военное министерство должно требовать все, что нужно для обороны, не стесняясь министра финансов. Но военное министерство не имело права действовать самостоятельно и принять к исполнению указания государственной думы без разрешения правительства. В результате, многие неотложные нужды армии или вовсе не доходили до законодательных учреждений, или представлялись в извращенном виде после „урезок", делаемых по требованию министерства финансов, нередко явно во вред по существу дела.

б) Мероприятия, проводимые по ГУГШ.

В 1909 году главное управление генерального штаба приступило к разработке организации армии на новых началах. Работа эта велась настолько секретно, что ГУГШ даже не сочло возможным привлечь к ней постоянных представителей ГАУ; только в редких случаях, при обсуждении специальных артиллерийских вопросов, иногда вызывались представители от ГАУ или от управления генерал-инспектора артиллерии и то в большинстве случаев с правом совещательного голоса в качестве консультантов.

С 1910 года все дела по организации и мобилизации армии были сосредоточены в ГУГШ [2]), а ГАУ было совершенно устранено от этих дел и обращено исключительно в довольствующий артиллерийский орган военного министерства, действующий лишь по заданиям ГУГШ'а; всякая инициатива в области вопросов принципиального характера у ГАУ была отнята и за ним оставлена только область внутреннего хозяйства в артиллерии и узко-техническая.

Генеральный штаб считался „мозгом армии", поэтому сосредоточение всех основных вопросов организации, мобилизации и боевой подготовки армии в ГУГШ и новое распределение круга ведения главных управлений военного министерства являлось по существу вполне целесообразным. До проведения в жизнь этой меры главные управления действовали самостоятельно, почти без всякой связи друг с другом, а военный министр, в виду чрезвычайной сложности военного дела, не в состоянии был объединить их работу. Разрознен-

---

[1]) Мемуары А. А. Поливанова.
[2]) Показания начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева. Стр. 96.

ность деятельности главных управлений военного министерства обратила на себя внимание даже высшей власти. На особом журнале совета министров по поводу рассмотрения сметы военного министерства на 1908 год царь написал: „общий план обороны государства должен быть выработан короткий и ясный на одно или два десятилетия. По его утверждении он должен быть неуклонно и последовательно приводим в исполнение“ [1]).

Однако, в последующей работе военного министерства не замечалось ни достаточной устойчивости плана, ни полного объединения, а некоторые из мероприятий, проводимых генеральным штабом по артиллерийской части, далеко не отвечали современным требованиям, например, даже такая серьезная мера, как усиление армии артиллерией. Объяснялось это, с одной стороны, тем, что попрежнему деятельность военного министерства была чрезвычайно связана министерством финансов и правительством, с другой стороны, — обособленностью работы ГУГШ, избегающего привлекать к ней необходимых специалистов ради соблюдения тайны даже от тех, кому эту тайну „надлежало ведать“.

Как уже упоминалось во II главе, необходимость коренных реформ в русской армии особенно подтвердилась опытом минувшей войны с Японией. В этом отношении сделано было весьма немного, хотя после войны прошло пять лет. При разработке общего плана преобразования армии ГУГШ имело в виду, что при современных условиях ведения войны могущественным фактором для успеха является сила артиллерии и что русская армия крайне бедна ею по сравнению с другими государствами.

Согласно записке о мероприятиях по государственной обороне, составленной ГУГШ в сентябре 1910 года, силы артиллерии важнейших государств в военное время выражались следующими цифрами:

Г е р м а н и я. 3.444 полевых легких орудий, в том числе 2.814 пеших или ездящих, 252 конных и 378 гаубиц.

280 полевых тяжелых орудий.

Всего в корпусе: 24 (25) батальона = 14.000 штыков, 8 эскадронов = 1.200 сабель, 48 пулеметов, 126 полевых легких пушек, 18 полевых легких гаубиц и условно 16 тяжелых 6-*дм.* гаубиц и 8 тяжелых 8-*дм.* мортир.

На корпус 144 полевых легких орудия или по 6 орудий на батальон.

А в с т р и я. 1.808 полевых легких орудий, в том числе 1.164 пеших или ездящих, 96 конных и 548 гаубиц.

108 полевых тяжелых 6-*дм.* гаубиц.

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.

Всего в корпусе: 50 (53) батальонов=50—53 тыс. штыков, 10 эскадронов=1.450 сабель, 100—106 пулеметов, 78 полевых легких пушек и 36 полевых гаубиц.

На корпус 114 полевых легких орудий или немного более 2 орудий на батальон.

Франция. 2.472 полевых легких орудий, в том числе 12 конных; 144 полевых тяжелых орудия.

По закону 1910 года в корпусе 120 орудий или по 4 орудия на батальон, но сенат постановил довести до 144 орудий на корпус, как и в Германии.

Япония. 978 полевых легких орудий, в том числе 966 пеших и горных и 12 конных.

168 полевых тяжелых орудий.

Россия. 5.950 полевых легких орудий, в том числе 5.344 пеших и горных, 432 конных и 174 гаубицы.

На батальон имелось в среднем по 3 орудия.

Таким образом, по количеству орудий на тысячу штыков Россия значительно уступала Германии и Франции, имеющих по 4—6 орудий на батальон.

Перевес иностранной артиллерии выражался не только в численности, но и в родах ее. Полевая легкая скорострельная пушка оказалась почти бессильной по укрытым целям и для разрушения построек даже самой небольшой прочности. В дополнение к орудиям настильного действия необходимы орудия с более крутой траекторией и сильным разрушительным действием снарядов, т.-е. гаубицы. Между тем, на всю русскую армию из 31 корпуса имелось лишь 29 мортирных батарей с 174 гаубицами, или менее 6 гаубиц на корпус, тогда как в Германии имелось по 18 гаубиц на корпус, а в Австрии еще больше.

Кроме того, в главнейших иностранных армиях были еще более могущественные орудия полевой тяжелой артиллерии, которой сколько-нибудь организованной в России вовсе не было.

Вопрос с осадной тяжелой артиллерией находился в столь же безотрадном положении. В то время, как в Германии было свыше 1.000, в Австрии до 500 и в Японии до 1.000 тяжелых орудий новейших образцов, в России имелись орудия устаревших образцов, в ограниченном количестве—около 500 орудий, которые не могли состязаться с равнозначущей артиллерией вероятных противников России ни по дальности, ни по скорострельности, ни по разрушительности огня.

1) Организация полевой легкой артиллерии.

В 1910 году организация русской полевой артиллерии, по своему разнообразию и крайней сложности, мало чем отличалась от организации периода русско-японской войны. Батареи пешей и горной артиллерии, попрежнему, оставались 8-орудийными, мортирные и конные 6-орудийными. Батареи по 2—3 своди-

лись в дивизионы, дивизионы по 2—3 в артиллерийские бригады. Были и отдельные батареи и дивизионы, а некоторые бригады не делились на дивизионы. Особенно сложной была организация резервной артиллерии, в которой батареи при мобилизации разворачивались в 4, 5 или 6 батарей. В общем, дивизии имели от 32 до 70 орудий, а в корпусах, весьма разнообразных по составу, было от 56 до 168 орудий. Кадры мирного времени в артиллерийских частях вообще были слабы, а в особенности в резервной артиллерии, где на ответственности кадров состояло большое имущество частей, развертывающихся при мобилизации. Необходимость сохранения имущества в порядке требовала в мирное время неустанной работы кадрового состава резервных батарей и отвлекала его от более важной боевой подготовки. Между тем, при малой численности кадров чуть ли не каждый человек кадра являлся в военное время инструктором для обучения массы людей, призываемых при мобилизации в резервные батареи для развертывающихся из них артиллерийских частей.

Сложное войсковое хозяйство велось самими батареями, которые в большинстве случаев заготовление всего необходимого производили своим попечением. Это отвлекало не только командира батареи, ответственного за хозяйство, но не мало и офицеров от руководства боевой подготовкой батареи; привлекалось к хозяйству, в ущерб строевой и полевой подготовке, не мало и солдат.

Все указанные и многие другие недочеты по артиллерийской части предстояло устранить и, прежде всего, усилить артиллерию во всех отношениях.

Предпринимая переустройство армии, русское военное министерство, в частности генеральный штаб, базировалось на предвзятой мысли, что „современные политические и экономические условия жизни главных соседей России почти не допускают для них возможности ведения длительной борьбы“ [1]), так как каждый лишний день войны обходится не менее 3 миллионов рублей. Соответственно с этой мыслью, русский генеральный штаб полагал, что вся военная система соседей направлена к нанесению быстрых и решительных ударов, чтобы окончить войну в возможно короткое время. Не допуская возможности длительной борьбы, русский генеральный штаб находил нужным все средства направить на усиление и усовершенствование перволинейных войск.

Военное министерство до 1909 года с громадными затруднениями получало право на новые, хотя бы и самые незначительные, постоянные (ежегодные) расходы; но с началом деятельности государственной думы 3-го созыва получение кредитов

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 180—518. Таков был взгляд не только генерального штаба России, но и других государств, включая Германию.

значительно облегчилось и, казалось бы, что при помощи думы возможно было настоять на необходимом усилении артиллерии и на ее реорганизации в соответствии с новейшими требованияим [1]). Но, повидимому, под давлением контролирующих министерств, этого не было достигнуто.

Проект преобразования русской армии в 1910 году был разработан ГУГШ, по заданию свыше, на следующих двух основных началах: а) новая организация должна быть осуществлена в пределах численности армии в мирное время, чтобы не увеличивать тяготы населения по выполнению воинской повинности; б) преобразование армии не должно отягощать государственный бюджет новыми постоянными расходами [2]).

Очевидно, усиление артиллерии и ее реорганизация неизбежно требовала увеличения контингента новобранцев и установления новых постоянных расходов. Поэтому проектированные ГУГШ мероприятия не могли быть достаточно полными. Главнейшая цель преобразования армии в 1910 году сводилась к удовлетворению насущнейших ее потребностей путем удешевления организации и соответственно к проведению в жизнь следующих двух мероприятий: 1) к возможному сокращению состава в одних частях армии, с целью освободить денежные средства и личный состав для других частей; 2) к осуществлению за счет сокращения новых мероприятий для усовершенствования организации армии.

Решено было упразднить самостоятельно существовавшие в пехоте и в артиллерии в мирное время резервные и запасные части, крепостную пехоту, вылазочные батареи в крепостях и парковые артиллерийские части; для сформирования в военное время резервных (второочередных), запасных и парковых частей иметь скрытые кадры в полевых (первоочередных) частях; сократить в некоторых частях по штатам мирного времени число рядов в пехоте, число артиллерийских и обозных лошадей; наконец, несмотря на „далеко не достигнутую обеспеченность армии полевой скорострельной артиллерией“, расформировать имевшиеся в некоторых артиллерийских бригадах 7 и 8 батареи, с целью сформирования за их счет гаубичной артиллерии.

В общем, в 1910 году решено было расформировать в артиллерии 154 батареи, 108 парков и 5 осадных полков.

Указанные сокращения, равно уменьшение в некоторых случаях запряжки и числа обозных лошадей, освобождали: 2.051 офицера, 321 чиновника, 52.494 нижних чинов, 15.149 лошадей и давали сбережение в постоянных расходах около 15 миллионов рублей в год. Несмотря на это, „снабжение

---

[1]) Показания начальника ГАУ, ген. Кузьмина-Караваева. Стр. 71 и 97.

[2]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.

армии тяжелыми орудиями новейших систем для полевых войск не могло быть выполнено за счет нормального бюджета и на это требовался отпуск особых единовременных ассигнований“ [1]).

Путем сокращений было сформировано в пехоте 7 новых полевых дивизий, 1 полевая стрелковая бригада и 6 новых корпусных управлений (стало 37 корпусов вместо 31 корпуса); штаты пехотных полков усилены для сформирования в каждом пехотном полку команды связи и пулеметной команды из 8 пулеметов.

По организации 1910 года каждая полевая пехотная дивизия обеспечивалась артиллерийской бригадой из 6 легких батарей, каждая стрелковая бригада дивизионом из 3 легких батарей [2]).

В легкой артиллерии резервные (второочередные) и запасные батареи должны были формироваться в военное время из скрытых кадров—по 2 офицера и 46 нижних чинов на батарею, добавленных по штатам мирного времени в действующие (первоочередные) батареи. Каждая разервная (второочередная) пехотная дивизия получала свою резервную артиллерийскую бригаду из 6 батарей. При мобилизации из скрытых кадров формировалось 36 запасных батарей.

В горной артиллерии по новой организации содержалось в мирное время 42 батареи, а в военное время добавлялась из скрытых кадров лишь одна батарея.

Отсталость русской армии в отношении гаубичной артиллерии признавалась всеми и считалась „угрожающей“. Но опять, в виду „крайнего недостатка средств“, ограничились сформированием для каждого корпуса по одному 2-х батарейному дивизиону (12 гаубиц на корпус), всего 37 дивизионов или 74 гаубичных батареи, да из скрытих кадров формировалось в военное время 9 резервных (второочередных) гаубичных батарей, распределяемых по корпусам в зависимости от обстановки. Хотя полевая гаубичная артиллерия увеличивалась значительно—с 29 до 83 батарей, т.-е. на 186%, но все же обеспеченность армии полевыми гаубицами, значение которых было тогда общепризнано (всеми, за исключением французов), оставалась слабой.

Артиллерийские парки, существовавшие до 1910 года в мирное время как самостоятельные части, вели свое хозяйство, стоили казне дорого и, несмотря на незначительный штатный состав, все же отвлекали для обслуживания много людей. Поэтому решено было их расформировать и в военное время создавать, как резервые и запасные части, из скрытых кадров, вводимых по штатам мирного времени в управления

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.

[2]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.

первоочередных артиллерийских бригад и отдельных дивизионов.

По новым штатам полевых батарей введены были необходимые специальные команды разведчиков, наблюдателей, ординарцев, телефонистов и сигналистов, добавлены верховые и упряжные лошади. Состав легкой батареи по новому штату мирного времени со скрытыми кадрами — 8 офицеров, 201 солдат, 65 лошадей—был сильнее существовавшего до 1910 года на 2 офицера, 23 солдата и 16 лошадей, а без скрытого кадра — 6 офицеров, 155 солдат и 63 лошади несколько слабее существовавшего [1]). Если принять во внимание, что на ответственности батареи со скрытыми кадрами хранилось большое сложное артиллерийское имущество второочередных, запасных и парковых частей и что содержание этого имущества в порядке мобилизационной готовности всегда отвлекало для работ по уходу за ним много людей, то следует притти к заключению, что введение скрытых кадров в полевые части не принесло пользы, по крайней мере для артиллерии. Напротив, мера эта как бы обращала первоочередные части артиллерии в резервные. Заботы об имуществе, отвлекая личный состав, не способствовали его обучению, не только не улучшали подготовку кадров и развертываемых из них частей по сравнению с подготовкой резервных и запасных батарей, существовавших до 1910 года в мирное время, но даже ухудшали боевую подготовку первоочередных батарей, обремененных кадрами и их имуществом [2]).

По новым штатам мирного времени была несколько усилена запряжка, что являлось безусловно полезной мерой для боевой подготовки артиллерии. Установлен был двоякий состав батареи: обыкновенный—в запряжке 4 орудия и 2 зарядных ящика (для большинства батарей Европейской России, Кавказа и Туркестана) и усиленный—в запряжке 4 орудия и 4 зарядных ящика (для батарей, расквартированных близко к угрожаемым границам); на Дальнем Востоке допущено было большее разнообразие в составе батарей, в целях достижения большей боевой готовности и в виду недостатка на местах пригодных для артиллерии лошадей [3]).

Для сравнения новой организации с существовавшей до 1910 года приводится следующая таблица:

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.

[2]) Это подтвердилось опытными мобилизациями, произведенными в мае 1913 и 1914 г.г. 16 мортирному дивизиону в Пензе и 2 дивизиону 34 арт. бригады в Екатеринославе. Отчеты по артиллерийской части этих мобилизаций были составлены их участником, автором настоящего труда и представлены военному министру, через генерал-инспектора артиллерии.

[3]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.

КАТЕГОРИЯ ВОЙСК.	Организация до 1910 года.				Организация по проекту 1910 года.			
	Батальон.	Батарей.			Батальон.	Батарей.		
		Пеших.	Горных.	Гаубичных.		Пеших.	Горных.	Гаубичных.
Мирное время.								
Полевые	1.110	436	31	27	1.252	442	42	74
Резервные	196	54	4	1	—	—	—	—
Итого . . .	1.306	490	35	28	1.252	442	42	74
Военное время.								
Полевые	1.110	436	31	27	1.252	442	42	74
Резервные	671	191	10	2	560	210	1	9
Итого . . .	1.781	627	41	29	1.812	652	43	83

Эти скромные преобразования в полевой легкой артиллерии, главным образом, за счет пехоты, вызывали добавления 256 офицеров, 358 классных чинов, 5.298 солдат, 5.203 лошадей и ежегодно по 4.852.779 рублей постоянного расхода. Переход от 8 к 6 орудийным батареям вызывал еще около 10 миллионов рублей ежегодного постоянного расхода; отнести этот расход на счет экономии от предпринятых переформирований армии не представлялось возможным; нельзя было ожидать согласия министра финансов и правительства на новые ассигнования, в особенности для покрытия столь значительного постоянного расхода.

Новая организация была утверждена 16 мая 1910 года.

По этой организации полевая артиллерия подразделялась на легкую и конную, горную и конно-горную, мортирную и тяжелую. Легкие и горные батареи оставлены были 8 орудийными, конные и мортирные 6 и тяжелые 4 орудийными. Батареи по две и по три сводились в дивизионы, причем легкие дивизионы по два сводились в артиллерийскую бригаду, подчиненную через командира бригады начальнику

дивизии; остальные дивизионы в артиллерийские бригады не сводились и подчинялись: конные дивизионы—начальникам соответствующих кавалерийских дивизий, мортирные—командирам корпусов через инспекторов артиллерии корпусов; большинство горных батарей и дивизионов приданы были артиллерийским бригадам.

Хозяйство по новой организации предполагалось перенести из батарей в управления артиллерийских бригад или отдельных дивизионов, но фактически оно оставлено было в батареях, за исключением некоторых мортирных дивизионов, в которых, в виде опыта, хозяйством ведало управление дивизиона. Попрежнему командиры батарей, перегруженные ответственными заботами о процветании батарейного хозяйства, не всегда могли справляться с главнейшими своими обязанностями по боевой подготовке батарей и непосредственному техническому управлению огнем батареи в бою. Командиры дивизионов, не занятые хозяйством, могли руководить батареями в тактическом и техническом отношениях. Командиры артиллерийских бригад, считая себя ответственными, главным образом, за административно-хозяйственную часть, в большинстве случаев, почти не руководили строевой подготовкой подчиненных им артиллерийских частей.

По новой организации, артиллерийские бригады и стрелковые артиллерийские дивизионы уже в мирное время включены были в состав соответствующих пехотных дивизий и стрелковых бригад, чем достигалась более прочная связь между артиллерией и пехотой. С тою же целью упрочнения связи и взаимного ознакомления заранее включались в состав соответствующих корпусов и мортирные дивизионы.

По организации 1910 года особой корпусной артиллерии не было, если не считать по одному 2 батарейному мортирному дивизиону на корпус.

Инспектора артиллериии корпусов не имели в своем подчинении артиллерийских частей, за исключением мортирных дивизионов, и, не будучи начальниками, не могли сколько-нибудь серьезно вмешиваться в руководство боевой подготовкой и боевыми действиями артиллерийских частей корпуса, не вызывая нежелательных „трений“ с начальниками дивизий, которым эти части были подчинены. Роль инспектора артиллерии, как руководителя боевой подготовкой артиллерийских частей, выявлялась лишь на специальных артиллерийских сборах, в особенности в тех случаях, если инспектор одновременно бывал и начальником сбора; в остальное время роль его сводилась, в большинстве случаев, к малозначущей инспекции артиллерийских частей в специально техническом отношении, и лишь в редких условиях благоприятного персонального сочетания лиц, поставленных во главе корпуса и в должности инспекторов артиллерии, эти последние могли

оказывать сколько-нибудь существенное влияние на подготовку и боевую работу артиллерии корпуса.

Новая организация полевой артиллерии приводила к несравненно большему однообразию, чем прежняя. В каждом корпусе нового состава из 32 батальонов было по 96 легких 3-*дм.* пушек и по 12 полевых 48 *лин.* гаубиц, т-е. всего 108 орудий или приблизительно по 3,4 орудия на батальон. Таким образом, соотношение числа орудий на тысячу штыков несколько увеличилось, но все же значительно уступало Германии, имевшей по 6 орудий на баталион.

Составители записки о мероприятиях 1910 года по государственной обороне сами признавались, что „мероприятия эти не полны, ибо мы, по недостатку средств, все еще недостаточно развиваем нашу полевую артиллерию, попрежнему остаемся при 8 орудийных батареях, не дающих возможности вполне использовать свойства современной скорострельной артиллерии, требующей уменьшения числа орудий в батарее, а равно миримся с недостаточным числом полевых гаубиц, число которых надлежало бы довести примерно до 18 (3 батареи) на корпус“ [1]).

Новая организация полевой артиллерии не удовлетворяла и представителей промышленности. Член государственной думы А. И. Гучков в своей известной речи предъявил обвинения главному артиллерийскому управлению и, между прочим, сказал: „после войны с Японией перед главным артиллерийским управлением встала задача реорганизации и усиления нашей полевой артиллерии. Если в боях против японцев мы могли с чувством удовлетворения смотреть на наши полевые пушки, которые были лучше японских, то после войны, в силу быстрого прогресса, достигнутого нашими будущими западными противниками, мы должны признать себя крайне отсталыми. Германия уже довела свою артиллерию до 144 пушек на корпус, а у нас в корпусе состоит 96 орудий и предполагается придать еще 12 гаубиц. Следовательно, германский корпус сильнее нашего артиллерией в полтора раза, а принимая во внимание, что наш корпус многочисленнее германского, приходится признать, что немцы вдвое сильнее нас числом орудий. Вот эта задача, а именно: численное усиление нашей полевой артиллерии—осталась без всякого внимания со стороны ведомства; мы остались на том же числе орудий, как и раньше, и это мой серьезный упрек, который я делаю ведомству“ [2]).

Сущность заявления Гучкова о недостатке числа орудий, несомненно, разделяли все военные люди и артиллеристы—тем более, но осталось непонятным, почему он эту слабую

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.

[2]) Показания начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева. Стр. 97.

сторону вооруженных сил поставил в вину ГАУ, когда государственной думе был, конечно, известен новый круг ведения главных управлений военного министерства. Вопросами организации ведало в то время ГУГШ и поэтому только начальник генерального штаба или военный министр могли бы дать исчерпывающие объяснения по данному вопросу. Если же таких объяснений не последовало, то, вероятно, потому, что царское правительство не разрешало их давать.

в) Полевая тяжелая артиллерия.

Полевая тяжелая артиллерия, обладающая большою дальностью и разрушительностью огня, признавалась крайне необходимой во всех армиях [1]). Она должна была оказывать содействие полевой легкой артиллерии в тех случаях, когда огонь полевых легких орудий оказывался недостаточным. Для выполнения этой задачи первоначально предполагалось выделять, с объявлением мобилизации, из состава осадных артиллерийских полков дивизионы тяжелой артиллерии. Но затем, по примеру иностранных армий и во избежание импровизации, к которой пришлось прибегнуть в русско-японскую войну, признано было необходимым полевую тяжелую артиллерию выделить совершенно из осадной артиллерии и содержать ее в составе полевой артиллерии.

„Высочайшим" повелением 12 мая 1909 года постановлено было сформировать за счет полков осадной артиллерии 8 полевых тяжелых дивизионов резервного типа, развертывающихся в военное время в 20 дивизионов; в каждом дивизионе по три 4-х орудийных батареи—две батареи 6-*дм.* гаубиц и одна батарея 42-*лин.* пушек. Всего в военное время предполагалось иметь 60 полевых тяжелых 4-х орудийных батарей, в том числе 41 батарею из 6-*дм.* гаубиц и 19 батарей из 42-*лин.* пушек. Для всех 37 корпусов полевых тяжелых дивизионов нехватало, поэтому решили придавать их армиям в соответствии с требованиями боевой обстановки.

По новой организации армии, утвержденной 16 мая 1910 года, несколько изменен был лишь порядок развертывания полевых тяжелых батарей при мобилизации. В мирное время каждая полевая тяжелая батерея имела два взвода с 6-*дм.* гаубицами и третий взвод с 42-лин. пушками, причем 1 и 2 батареи имели запряженными первые взводы с 6-*дм.* гаубицами; в военное время каждый взвод обращался в батарею, а батарея в дивизион [2]) и 3 батарея имела в запряжке третий взвод с 42-лин. пушками.

Всего для вооружения полевой тяжелой артиллерии требовалось 6-*дм.* гаубиц 164 и 42-*лин.* пушек 76.

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.
[2]) Дело В.-Уч. Архива 182—077.

Окончательное утверждение образцов скорострельных 6-*дм.* гаубиц и 42-*лин.* пушек системы Шнейдера ожидалось в 1910 году. В счет орудий, требующихся для полевой тяжелой артиллерии, было заказано распоряжением ГАУ 120 6-*дм.* гаубиц и 40 — 42-*лин.* пушек. На заказ остальных 44 гаубиц и 36 пушек с материальной частью и боевым комплектом по 120 выстрелов на каждое орудие ГУГШ испрашивало к отпуску около 10.000.000 руб.

В виду признаваемой важности скорейшего обеспечения армии полевой тяжелой артиллерией, предположено было заготовление для нее орудий и прочего имущества поставить в первую очередь и произвести в ближайшие три года, т.-е. закончить к 1914 году [1]).

Значение полевой тяжелой артиллерии, как и легкой гаубичной, признавалось, но далеко не в достаточной степени было учтено военным министерством, так как мероприятия по созданию тяжелой артиллерии проводились в жизнь в минимальных размерах. Объяснялось это исключительно финансовыми соображениями; но при бо́льшей настойчивости военное министерство могло шире развить усиление армии полевой тяжелой артиллерией, чтобы численность ее довести до одного 3-батарейного тяжелого дивизиона на каждый корпус и иметь этот более могущественный род артиллерии в виде корпусной, а не армейской артиллерии.

г) Тяжелая армейская (осадная) артиллерия.

На основании опыта минувшей войны с Японией и по примеру западно-европейских государств, в русской армии признано было необходимым иметь, кроме полевой тяжелой, еще более могущественную армейскую (осадную) тяжелую артиллерию. Эта артиллерия предназначалась не только для действия против неприятельских крепостей укрепленных пунктов и атаки временных полевых позиций противника, но и для вооружения укрепленных пунктов и полевых позиций временного характера, возводимых там, где это по ходу войны будет признано необходимым [2]).

По соображениям ГУГШ, получившим „высочайшее“ одобрение 17 июня 1909 года, предположено было иметь в составе армии для указанной цели две группы тяжелых (осадных) орудий в Европейской России, по расчету для атаки двух неприятельских крепостей, каждая группа силою до 400 орудий, одну группу в 200 орудий на Кавказе и одну группу от 100 до 200 орудий на Дальнем Востоке, всего от 1.100 до 1.200 орудий.

Но заготовление такого числа орудий требовало столь значительных денежных средств, что решено было ограни-

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.

[2]) То же, 180—518.

читься на первое время тяжелой (осадной) артиллерией в составе: две группы в Европейской России по 200 орудий в каждой, одна группа в 120 орудий на Кавказе и одна группа в 100 орудий на Дальнем Востоке, всего 620 орудий. В числе этих орудий предполагалось иметь: 6-*дм.* пушек 92, 42-*лин.* пушек 140, 6-*дм.* гаубиц 252, 8-*дм.* гаубиц 64, 9-*дм.* мортир 40, 11-дм. 32.

По организации 1910 года намечалось иметь группы осадной артиллерии в мирное время в виде 4 полков тяжелой армейской артиллерии—по одному в Киеве, Двинске, на Кавказе и на Дальнем Востоке; при чем в военное время первые два полка должны были развернуться каждый в бригаду из двух полков [1]).

В 1910 году производились еще опыты с орудиями для тяжелой (осадной) артиллерии; окончательный выбор образцов 42-*лин.* и 6-*дм.* пушек ожидался в том же 1910 году, а 8-*дм.* гаубиц, 9-*дм.* и 11-*дм.* мортир в 1912—1913 годах. Но признавалось возможным приступить к заготовлению новых осадных орудий с 1910 года. По приблизительному расчету стоимости требующихся орудий с материальной частью и боевыми комплектами (для 6-*дм.* пушек по 1.000 выстрелов, для 42-*лин.* пушек и 6-*дм.* гаубиц по 1.200 выстрелов, для 8-дм. гаубиц по 700, для 9-*дм.* и 11-*дм.* мортир по 500 выстрелов на каждую), испрашивались к ассигнованию на это дело около 71.000.000 рублей.

В совете министров, 24 февраля 1910 года, бывший в то время министр финансов Коковцев горячо возражал против отпуска испрашиваемых 81.000.000 рублей на тяжелую полевую и осадную артиллерию, так как военные расходы достигли уже тогда „угрожающих размеров“. Затем, Коковцев просил рассрочить ассигнование более чем на 10 лет, так как по долгосрочному опыту испрашиваемые кредиты зачастую бывали неиспользованы в ближайшие по ассигнованию годы и напрасно лишь обременяли государственное казначейство. Военный министр отстаивал хотя бы 10-летний срок, в виду крайне опасного замедления в исполнении задуманных мероприятий по переустройству армии. Мероприятия эти предусматривали: а) завершение заготовления запасов для достижения наиболее полной боевой готовности войск, начатого в 1908 году; б) снабжение армии тяжелой артиллерией; в) усиление крепостей. Совет министров постановил внести в государственную думу представление об отпуске втечение ближайшего десятилетия военному ведомству необходимой суммы на единовременные расходы по усилению обороны государства [1]).

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.

Рассрочка кредита 81 милл. руб. на тяжелую артиллерию выразилась следующими цифрами:

Годы	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920
Суммы в милл. руб.	2	3	3	6	9	10	11	12	12	13

Подобный порядок ассигнования кредитов небольшими дозами крайне затягивал осуществление мероприятий, совершенно не обеспечивая боевую готовность армии (тяжелая артиллерия понадобилась в 1914 году, а окончательный срок ее готовности определялся отпуском кредитов в 1920 году), и чрезвычайно затруднял исполнительную работу ГАУ по даче и выполнению заказов.

С 1909 года военное министерство перешло к общему для всех прочих министерств порядку получения средств по годичным бюджетам, что было удобно только по отношению удовлетворения обыкновенных текущих потребностей. Для усиления же общей обороны государства (реорганизация армии, усиление артиллерии, усовершенствование крепостей и пр.) средства отпускались по особым планам на известный (обычно длительный) период времени по годам, с предоставлением военному министерству права развивать мероприятия в полном объеме, но при условии, чтобы расход каждого года не превышал размера кредита, предоставленного на этот год [1]).

Разумеется, при таких условиях развивать ту или иную заготовительную операцию в полной мере хотя и разрешалось, но не представлялось возможным и приходилось даже умышленно ее растягивать соответственно срокам получения денег и возможности их уплаты производственным органам.

д) Усиление артиллерийского вооружения крепостей.

В вопросе о крепостях замечалась крайняя неустойчивость мысли в верхах старой армии, вредно отражавшаяся на вооружении крепостей и в частности на организации крепостной артиллерии.

15 февраля 1909 года, как об этом сообщал начальнику главного штаба начальник генерального штаба ген. Сухомлинов, состоялось „высочайшее“ повеление об упразднении крепостей Усть-Двинска, Либавы, Зегржа, Новогеоргиевска, Варшавы, Ивангорода, Очакова, Керчи, Михайловской (Батума) и всех укреплений по Нареву, о скорейшем приведении в надлежащий вид Брест - Литовска, Кронштадта, Выборга и Владивостока, о временном оставлении Свеаборга и возведении вновь крепости Гродна [2]).

Неожиданное упразднение крепостей вызвало естественное недовольство в высших кругах армии и опасения за судьбу

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.
[2]) Дело В.-Уч. Архива 180—181.

обороны государства. По этому поводу ген. Сухомлинов тогда же заявлял помощнику военного министра ген. Поливанову, что „сохранение крепостей в том состоянии“, в котором они тогда находились, „было бы изменой“. Напротив, ген. Поливанов, ознакомившись в главном инженерном управлении с крепостями Згерж, Новогеоргиевск и Варшава, пришел к заключению, что они могут сопротивляться [1]).

Затем через год, 28 мая 1910 года, новый начальник генерального штаба ген. Гернгрос по поводу крепостей сообщал начальнику главного штаба, что установилось окончательно: а) сохранить и переустроить — Свеаборг, Выборг, Кронштадт, Усть - Двинск, Ковно, Осовец, Новогеоргиевск, Брест - Литовск, Очаков, Севастополь, Михайловскую, Карс, Кушку, Владивосток и Николаевск на Амуре; б) сохранить в существующем виде укрепления у Ломжи, Терско - Дагестанские укрепления на Кавказе и отдельные укрепления в Туркестане; в) вновь возвести крепость Ревель-Поркаллауд и Гродно; г) упразднить Варшаву с оставлением цитадели, Ивангород, Зегрж, Либаву и Керчь, укрепления по Нареву у Остроленки, Рожан и Пултуска.

Это было „высочайше“ утверждено 1 июля 1910 года, но царь выразил сомнение: „нужна ли Ломжа“?

Тогда же в мае 1910 года начальник генерального штаба просил начальника главного штаба разработать реорганизацию крепостной артиллерии, так как „вопросы организации армии принадлежат компетенции главного штаба“. Начальник главного штаба 17 июня 1910 года ответил, что главный штаб не может приступить к работе по реорганизации крепостной артиллерии, так как не располагает необходимыми отправными данными, что вопрос о крепостях во всем его объеме разрешался по ГУГШ и что правильное разрешение вопроса об организации крепостной артиллерии возможно лишь при знакомстве с теми задачами, которые в военное время могут быть возложены на те или иные крепости. Только при наличии этих сведений, которые должен был разработать комитет генерального штаба, главный штаб признавал возможным приступить к работе по организации крепостной артиллерии [2]).

В результате переброски работы с генерального штаба на главный и обратно проект реорганизации крепостной артиллерии не был своевременно разработан и преобразования 1910 года не коснулись крепостной артиллерии.

Артиллерийские недостатки русских крепостей, о которых сказано в главе I, не только не были устранены после русско-японской войны, но скорее еще усилились. Недостатки эти,

---

[1]) Мемуары А. А. Поливанова.
[2]) Дело В.-Уч. Архива 180—181.

в связи с недостатками по инженерной и интендантской части, делали крепости „источником не силы, а слабости для нашей армии“ [1]).

В 1910 году по ГУГШ был составлен план мероприятий по улучшению подготовки России к войне в военно-инженерном отношении. По этому плану на нужды крепостей исчислена была значительная сумма около 458 милл. рублей, в счет которых испрашивалось к отпуску на предстоящее десятилетие около 372 миллионов, в том числе на потребности по артиллерийской части 192 миллиона рублей. Остальные 86 миллионов предполагалось испросить на последующие 10 лет. Таким образом, осуществление всех мероприятий по усилению крепостей предполагалось завершить через 20 лет, т.-е. к 1930 году.

В объяснительной записке к плану ГУГШ заявляло, что сложность работы, большой ее объем и согласованность между собою ее подробностей не позволяют отказаться от чего либо испрашиваемого по плану в смысле как общего размера, так и времени осуществления по годам. Военное министерство при этом не скрывало, что испрашиваемый отпуск денег является лишь уплатой за прежние недочеты. Оно учитывало, что обыкновенно каждые 10—15, много 20 лет, наступают резкие улучшения в состоянии оружия и что эти улучшения сильно отражаются на военном деле вообще, а в особенности на крепостном строительстве. ГУГШ считало, что в будущем нужно не наверстывать потерянное, а итти в уровень с веком или даже еще лучше, смело заглядывать вперед в огонь и технику и отпускать на улучшение крепостей деньги с сознанием, что Порт-Артур и весь 1904—1905 год родились именно на подобной почве „закрывания себе глаз на действительность“ [2]).

Но по существу Россия в 1910 году опять закрывала себе глаза, растягивая на 10—20 лет осуществление мероприятий по улучшению крепостей—в то время, когда признавалось состояние их настолько неудовлетворительным, что крепости служили „источником не силы, а слабости для нашей армии“.

Правда, к устранению недостатков артиллерийского вооружения крепостей ГАУ не могло приступить, так как в 1910 году еще даже не были установлены образцы новейших крепостных орудий; но это обстоятельство должно было побудить ускорить производство опытов с образцами орудий, а не отдалять срок приведения крепостей в боевую готовность.

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.
[2]) Дело В.-Уч. Архива 180—518.

На преобразование армии по проекту 1910 года требовалось всего около 835 миллионов рублей; большая часть этой суммы испрашивалась к отпуску на ближайшее десятилетие, остальная часть в последующее десятилетие. Но этим не исчерпывались все предстоящие расходы. Военное министерство в представлении своем в государственную думу предупреждало, что могущественное развитие артиллерии у соседей России, очевидно, вынудит и Россию к усилению в дальнейшем этого рода войск, при чем неизбежно потребует увеличения числа гаубиц и вообще полевых орудий, приходящихся на батальон пехоты, и что для лучшего тактического использования свойств современной полевой артиллерии неизбежен переход к батареям с меньшим числом орудий, чем было тогда (8 ор. в пешей и 6 ор. в конной батарее).

Комиссия государственной думы, при рассмотрении представления об отпуске кредитов на переорганизацию армии, пришла к заключению, „что испрашиваемые суммы должны быть отпущены, тем более, что ни одно из мероприятий военного министерства, бывших предметов рассмотрения, не имело столь крупного значения в деле развития и усиления нашей военной мощи“ [1].

е) Артиллерийские запасы. С 1910 года все вопросы по основным заданиям вооружения армии, а также по установлению норм запасов и сроков заготовления артиллерийского снабжения сосредоточены были в ГУГШ.

Одновременно с проведением реформ преобразования армии в 1910 году при ГУГШ образованы были комиссии для установления норм запасов военного времени, возглавляемые комиссией под председательством помощника военного министра ген. Поливанова. В этих комиссиях были постоянные представители от ГАУ и от инспекции артиллерии. На комиссию ген. Поливанова возложена была задача пересмотреть и окончательно установить новые нормы запасов.

Работы комиссии базировались на следующих главных соображениях:

1. Будущая большая война, требующая полного напряжения всех сил и средств государства, не может быть продолжительной; по господствующему в то время мнению представителей ГУГШ, война будет молниеносной и скоротечной, продлится 2-6 месяцев и не более года, так как во всяком случае ранее годичного срока войны наступит полное истощение воюющих сторон и они вынуждены будут обратиться к мирному соглашению.

2. Нормы запасов должны быть определены по данным опыта последней войны с Японией и принимая во внимание имеющиеся сведения о запасах, установленных возможными

[1] Мемуары А. А. Поливанова.

противниками и союзниками России, в особенности в отношении норм огнестрельных запасов. Утрата материальной части, оружия и боевых припасов на полях сражений, как данная весьма неопределенная, не учитывалась.

3. В первые месяцы боевых действий война ведется за счет заготовленных запасов, а затем пополнение израсходованного должно производится своевременной подачей предметов, изготовляемых уже во время войны. Запасы должны содержаться такого размера, чтобы их хватило на период времени, необходимый для развития наибольшей производительности заводов, изготовляющих предметы боевого снабжения [1]).

Комиссией ген. Поливанова были установлены и затем утверждены высшей властью следующие нормы артиллерийских запасов:

а) Ружья. Ружейных запасов, в общем названных „мобилизационным запасом", было установлено 6 разных категорий: 1) 10%-й, 2) 5%, 3) крепостной, 4) второй комплект запасных батальонов, 5) учреждений, формируемых в военное время, 6) государственного ополчения.

По этим нормам в мобилизационном запасе всего следовало иметь 1.491.515 ружей [2]). В запасах состояло их больше и в 1910 году распоряжением военного министра по ГУГШ мобилизационный запас 3-*лин.* винтовок был сокращен на 338.897 шт. с заменой 245.524—3-*лин.* винтовок государственного ополчения берданками, при чем в общем итоге число ружей запаса уменьшено было на 93.373 шт.

В 1910 году имелось в наличии 810.000 исправных берданок с 275 миллионами вполне годных патронов. За образованием запаса берданок, положенного для государственного ополчения, оставалось еще около 400.000 берданок. Комиссия ген. Поливанова, приняв во внимание, что излишние берданки будут бесполезно загромождать и без того обремененные склады, что на содержание этих берданок в исправности потребуется некоторый расход и что текущая работа оружейных заводов увеличивает число 3-*лин.* винтовок, постановила изъять эти 400.000 берданок из складов, использовав их, обращением в охотничьи ружья, на вооружение русского населения на окраинах и стрелковых обществ и, наконец, обращением их в лом металла. Военный министр с постановлением комиссии ген. Поливанова согласился [3]). В этом сказалась поразительная непредусмотрительность военного министерства, граничащая с легкомыслием, так как огромный недостаток в ружьях обнаружился с первых же дней моби-

---

[1]) Показания начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева. Стр. 1 и 2.

[2]) Правильнее было бы считать этот запас не мобилизационным запасом, а мобилизационной потребностью.

[3]) Дело В.-Уч. Архива 130—669.

лизации русской армии в 1914 году (к этому вопросу мы еще возвратимся).

б) Пулеметы. Для пулеметов с материальною к ним частью норма запаса военного времени была установлена в 10% от общего числа пулеметов, положенных к содержанию в войсках.

По этому расчету в запасе военного времени должно было состоять 454 пулемета, но в 1910 году в запасе их не состояло, так как в то время только началось снабжение пулеметами войсковых частей армии, которое по плану ГУГШ должно было быть закончено лишь к 1915 году.

в) 3-лин. патроны. Норма запаса 3-лин. патронов к винтовкам и пулеметам, установленная мобилизационным комитетом ГУГШ и утвержденная в 1908 году (см. главу II), оставлена была комиссией ген. Поливанова без изменения.

Между тем, данные о расходе 3-лин. патронов в русско-японскую войну — по 880 патронов на винтовку, выведенные из опыта лишь трех больших сражений, в которых большая часть войск только присутствовала, а не дралась, нельзя было считать достаточно определенными для расчета нормы 3-лин. патронов. Норму запаса 3-лин. патронов следовало пересмотреть еще и потому, что во-первых она была недостаточной в виду значительного усиления вооружения западных соседей России, а во-вторых исходной данной для исчисления мобилизационного запаса служила цифра 2.829 миллионов патронов, преуменьшенная в 1908 году умышленно по соображениям финансового характера. По подсчету, произведенному по нормам 1908 года, и по тогдашнему штатному количеству винтовок и пулеметов в войсках, в мобилизационном запасе должно было бы состоять около 3.346 миллионов 3-лин. патронов; для доведения запаса патронов до этой цифры требовалось ассигнование 78,5 миллионов рублей, министерство финансов соглашалось отпустить лишь 55,5 миллионов, вследствие чего количество патронов было уменьшено до 2.829 миллионов. В дальнейшем кредит на ружейные патроны для запаса ежегодно еще сокращался по настоянию контролирующих министерств „в виду соображений, что в данном году требуется лишь продолжение пополнения запаса, следовательно, окончание всей операции может быть отсрочено на лишний год“ [1]), только бы рассматриваемую смету уменьшить, во что бы то ни стало, на определенную сумму. А в 1910 году, по настоянию министра финансов, из ассигнования на 3-лин. патроны вычтена была сумма в 3 миллиона рублей на заготовление запаса материалов заграничного происхождения, необходимых для обеспечения работы артиллерийских заводов во время войны (см. выше стр. 58).

---

[1]) Показания начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева. Стр. 12—14.

В результате запас 3-лин. патронов был определен не по установленным нормам, а общей цифрой в 2.671.500.000 шт. (согласно показаниям начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева, а по „своду сведений верховной следственной комисси" около 2.745.700.000 шт.).

г) Материальная часть артиллерии. Для полевой артиллерии норма запаса военного времени орудий с материальной к ним частью была установлена, принимая во внимание % потерь разных орудий в русско-японскую войну, вследствие порчи орудий от стрельбы и других повреждений в зависимости от их прочности, а именно:

1) для скорострельных 3-*дм.* пушек—легких, конных и горных и для 48-*лин.* гаубиц в размере 15% от общего числа таких орудий, состоящих в войсках;

2) для полевых тяжелых 42-*лин.* пушек и 6-*дм.* гаубиц в размере 10% от общего числа таких орудий, состоящих в войсках.

Для запасных частей к орудиям и лафетам, для конской амуниции (упряжи) и для некоторых предметов материальной части были определены другие %% нормы запасов (нормы эти не приводятся, как не имеющие значения для настоящей работы).

Нормы запасов для тяжелой артиллерии—осадной и крепостной определялись отдельно для каждого образца орудий артиллерийским комитетом ГАУ и комиссия ген. Поливанова их не устанавливала.

д) Выстрелы к орудиям. Вопрос о норме запаса выстрелов на 3 *дм.* полевую пушку, как указывалось выше [1]), подвергался самому серьезному обсуждению еще в 1906 году в комиссии генерал-инспектора артиллерии. Тем не менее, вопрос этот был вновь пересмотрен в комиссиях при ГУГШ, которые, кроме соображений, имевшихся в виду комиссии генерал-инспектора артиллерии приняли во внимание еще следующие данные:

1) Во время главных операций русско-японской войны было израсходовано на каждую 3 *дм.* пушку:

за время	Ляоянских боев	. . .	по 190	выстрелов
„ „	Шахейских „	. . .	„ 25	„
„ „	Сандепу „	. . .	„ 88	„
„ „	Мукденских „	. . .	„ 387	„

2) Всего в войне с Японией со стороны русских участвовало 1.276 3 *дм.* пушек, в течение всей кампании было расстреляно и утрачено 918.000 орудийных патронов; следовательно, в среднем за всю кампанию израсходовано было около 720 выстрелов на пушку.

---

[1]) См. выше гл. II.

3) По сведениям ГУГШ и французы, и немцы имели в то время в боевом комплекте не свыше 1.200—1.500 выстрелов на орудие.

4) Комиссия генерал-инспектора артиллерии учитывала, что наибольшее количество выстрелов в течение года войны будет не свыше 1.000 патронов на пушку; следовательно, этого количества патронов, во всяком случае, должно хватить на $^1/_2$ года войны, т.-е. на максимальную продолжительность современной большой войны, по предположениям генерального штаба.

На указанных основаниях комиссия ген. Поливанова установила следующие нормы боевого комплекта на орудие различных родов артиллерии, которые были затем утверждены [1]):

на	3 *дм.*	полевую скорострел. пушку . . .	1.000	выстр.
„	3 „	горную „ „ . . .	1.200	„
„	3 „	конную „ „ . . .	1.000	„
„	48 *лин.*	полевую легкую гаубицу . . .	1.000	„
„	42 „	„ тяжелую пушку . . .	1.200	„
„	6 *дм.*	„ „ гаубицу . . .	1.000	„ [2])

В боевом комплекте для пушек $^1/_7$ выстрелов должна была быть в мелинитовых гранатах, остальные $^6/_7$—в шрапнелях; в боевом комплекте гаубиц $^2/_3$ в мелинитовых гранатах и $^1/_3$ в шрапнелях.

Нормы боевого комплекта, по крайней мере для 3 *дм.* полевых пушек, определены были не без достаточных оснований. Между тем, в виду той ужасающей кровавой трагедии, какую пришлось пережить русской армии в 1915 году из-за недостатка выстрелов к орудиям, главным образом из-за недостатка 3 *дм.* патронов, стали искать виновников. С самого начала мировой войны посыпались тяжкие обвинения на ГАУ и отчасти на ГУГШ со стороны ставки верховного главнокомандующего, со стороны возглавляющих военное министерство генералов Сухомлинова и Поливанова [3]) (они же и были главными ответственными лицами), со стороны законодательных учреждений и общественных кругов. Исследователи войны обвиняют и ГУГШ в непредусмотрительности при определении норм запасов только по данным русско-японской войны „по примеру прошлого без учета вероятного будущего“ и ГАУ в его „косности“ и неспособности удовлетворить те требования, которые были ему предъявлены.

---

[1]) Свод сведений верховной следственной комиссии и показания начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева.

[2]) По „своду сведений верх. следств. комиссии“ комплект к 6 *дм.* гаубицам был определен артилл. комитетом в 900 выстрелов.

[3]) См. мемуары А. А. Поливанова и „Красный архив“, переписка Сухомлинова и Янушкевича.

Непредусмотрительность военного министерства, да и всего царского правительства России, была несомненно большая, но не только в том, что неправильно были определены нормы запасов, и даже не в том, что запасы эти были заготовлены несвоевременно. Основная ошибка заключалась в том, что генеральный штаб царской армии проглядел главнейший фактор боевой мощи современных армий—экономическое оружие, не учел того, что война будет проявляться не только в столкновении вооруженных сил и в работе тыла армий, но и в борьбе народных хозяйств. Верхи царской армии не предусмотрели того, что колоссальные потребности войны нельзя покрыть никакими запасами мирного времени, как бы велики они ни были. В частности, если бы боевой комплект установлен был даже в 3.000 патронов на 3 *дм.* пушку, что дало бы общий запас всего около 19 миллионов патронов, то и этого запаса не хватило бы на год мировой войны, так как за один 1916 год было истрачено около 28 миллионов 3 *дм.* патронов. Не предусмотрели того, что война будет вестись не за счет тех запасов, которые заготовлены в мирное время, а „на те материальные средства, которые могут быть предоставлены армии внутренними производительными силами своей страны [1]).

Царское правительство России не подготовило к большой войне и не мобилизовало промышленность и все прочие производственные силы страны—вот в чем кроется основная причина бедствий русской армии.

---

[1]) Показания верх. следственной комиссии ген. Смысловского. А. А. Маниковский. „Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 г.г.". Ч III. Стр. 22.

ГЛАВА IV.

Реформы по артиллерийской части, намеченные большой программой по усилению армии 1913 года.

С 1912 года во всех важнейших государствах Европы началась усиленная лихорадочная деятельность по развитию и усовершенствованию вооруженных сил. Побудительной к тому причиной послужила переоценка политических соотношений и могущества отдельных государств, происшедшая вследствие событий на Балканах.

В Германии, Австрии и Франции стремились достичь улучшения организации армии прежде всего не путем увеличения числа войсковых частей, а, главным образом, при посредстве усиления штатного состава войск по мирному времени. Путь этот являлся прямым следствием установившегося в то время основного положения, что участь современной войны, в виду ее скоротечности, определится результатом первых боевых столкновений и что успех этих столкновений будет зависеть от полевых войск первой очереди, при чем весьма решительным фактором успеха будет качество и быстрота их мобилизации и сосредоточения. Отсюда логически вытекала необходимость: штаты войсковых первоочередных частей мирного времени должны возможно менее отличаться от штатов военного времени, так как только при этом условии войсковые части при мобилизации будут меньше поглощать в себе призванных из запаса, что, несомненно, должно повысить их боеспособность.

Подобную меру предположено было осуществить и в русской армии. Но мероприятия по дальнейшему развитию и реорганизации вооруженных сил России этим не ограничивались. На основаниях, одобренных царской властью 6 марта и 22 октября 1913 года, разработана была большая программа по усилению русской армии. В ней отведено было наибольшее место артиллерии, так как ГУГШ признавало, что „устарелые начала устройства артиллерии требуют особого внимания и коренного в некоторых частях преобразования ее“ [1]).

[1]) Дело В.-Уч. Архива 186—038. Объяснительная записка к большой программе по усилению армии.

По большой программе штатный состав армии предполагалось увеличить на 11.772 офицера и 468.200 солдат, в том числе на долю артиллерии приходилось 5.191 офицер или около 45% и 126.036 солдат, т.-е. 27%, при чем на новые формирования добавлялось лишь 22.323 солдата, а остальные 103.713 добавлялись в старые артиллерийские части. Вновь разработанные штаты имели главной целью содержание в мирное время всех отдельных частей в таких составах, которые обеспечивали бы, с одной стороны, наиболее простой и быстрый переход к штатам военного времени при мобилизации, с другой— давали бы возможность вести в мирное время занятия наиболее производительно, в условиях возможно близких к боевым.

а) Проект организации полевой артиллерии.

В первую очередь (доклад ГУГШ 18 июня 1913 года) [1]) предположено было увеличить в значительной степени штаты мирного времени полевой артиллерии с тем, чтобы содержать до 50% батарей в усиленном составе, имея в запряжке в мирное время в батарее 8 орудий и 8 зарядных ящиков или 8 орудий и 4 ящика, а остальные батареи в обыкновенном составе—8 орудий и 2 зарядных ящика.

Действительно, русская артиллерия и после реорганизации 1910 года, по числу запряжек мирного времени, значительно уступала артиллерии иностранных государств (по проведении у них в жизнь последних намеченных мероприятий). Запряжка мирного времени, по отношению к запряжке военного времени, в % от общего числа полевых легких батарей, выражалась следующими цифрами:

Название государств.	Общ. число батарей.	Запряжены в мирное время.							
		Все орудия.						$^2/_3$ оруд., $^1/_3$ ящик.	$^1/_2$ оруд., $^1/_8$ ящик.
		Все зар. ящ.	$^2/_3$ ящик.	$^1/_2$ ящик.	$^1/_3$ ящик.	$^1/_4$ ящик.	Без ящик.		
Россия . .	556	2,9	—	8,7	—	26,9	—	—	61,5
Франция .	618	—	17,5	—	82,5	—	—	—	—
Германия .	594	—	—	50	—	—	50	—	—
Австрия .	412	—	—	—	—	—	—	100	—

Примечание. В военное время в батарее: в России 8 орудий и по 2 зар. ящика на орудие, во Франции 4 орудия и по 3 зар. ящика на орудие, в Германии и Австрии 6 орудий и по 1 зар. ящику на орудие (остальные ящики в муниционных колоннах—в Германии по $1^1/_8$ ящика, а в Австрии по 1 ящику на орудие).

[1]) Дело В.-Уч. Архива 186—650.

Особенностями штатов артиллерии, вновь устанавливаемых большой программой, являлось [1]):

1) освобождение батарей от хозяйственных функций и сосредоточение хозяйства в управлении дивизиона, вследствие чего штаты этого управления получили значительное развитие;

2) уравнение командира дивизиона, по окладам содержания и в отношении большей части возлагаемых на него обязанностей и связанных с этим прав, с командиром полка;

3) включение в состав артиллерийских бригад гаубичных дивизионов, которые по организации 1910 года были самостоятельными и подчинялись командирам корпусов, что во многих отношениях признавалось нецелесообразным;

4) упорядочение организации артиллерийских парков и освобождение батарей от обязанностей хранить их материальную часть, что неблагоприятно отражалось как на мобилизации, так и на ведении занятий в батареях;

5) поставленное на новых началах устройство второочередных артиллерийских частей.

С целью передачи вопросов специально артиллерийской подготовки на разрешение компетентных лиц, предположено было переустроить соответственно органы артиллерийской инспекции в корпусах и ввести вновь такие органы в военных округах.

Руководящими основаниями при разработке проекта новой организации артиллерии по большой программе служило естественное стремление поставить русскую армию в условия возможно лучшие по сравнению с наиболее грозным вероятным противником России—Германией.

Однако, новая организация артиллерии по большой программе, в общем, сравнительно немного ушла вперед от проектированной в ГАУ еще в 1900 году, при начале перевооружения полевой артиллерии скорострельными пушками, и почти ничем не отличалась от проектированной в 1906 году, по окончании войны с Японией, комиссией под председательством генерал-инспектора артиллерии.

В 1913 году перед ГУГШ опять встал старый вопрос: определить число орудий в батарее, наиболее отвечающее современным боевым условиям и развитию техники стрельбы, а затем определить и число батарей, приходящихся на корпус.

Существующие 8-ми орудийные батареи давно были признаны громоздкими и не соответствующими современным свойствам огня скорострельной артиллерии, так как при полной интенсивности огня часть орудий являлась до некоторой степени лишь присутствующей при стрельбе своих батарей, а не участвующей в ней. Некоторые из представителей генераль-

[1]) Дело В.-Уч. Архива 186—038.

ного штаба настаивали на переформировании пеших и конных батарей в 4-х орудийные по примеру французов и болгар,— тем более, что 4-х орудийные батареи вполне оправдали себя во время последней войны в Болгарии [1]). Действительно, 4-х орудийная батарея является наиболее соответствующей огневой единицей, вполне отвечающей свойству огня современных полевых орудий. При переформировании батарей в 4-х орудийные увеличивалось в $1^1/_2$ раза общее число батарей, возрастало число огневых единиц, а вместе с тем значительно усиливалась полевая артиллерия вообще, что было весьма желательно. Но с переходом к 4-х орудийной батарее и с передачей хозяйства в управления дивизионов, ГУГШ проектировало, одновременно, понизить права командиров батарей и допустить их в обер-офицерских чинах—капитана или штабс-капитана, тогда как командиры батарей по штатам полагались в штаб-офицерском чине. Понижение прав командиров батарей вредно отразилось бы на службе офицеров артиллерии, крайне замедлило бы движение по службе и многие из них не дослужились бы до штаб-офицера и уходили бы в отставку с ничтожной пенсией. Допустить же командиров 4-х орудийных батарей также в штаб-офицерских чинах считалось невозможным. Это вызвало бы значительное увеличение постоянных (ежегодных) расходов и решительный протест со стороны контролирующих министерств. Нежелательность „междуведомственных трений“ и соображения второстепенного характера о сохранении в неприкосновенности служебных прав командиров батарей послужили одной из причин, побудивших принять в основу новой организации переход к батареям 6-ти орудийного состава.

В 1913 году в отношении числа батарей, приходящихся на корпус, Россия в значительной степени отставала от Германии, где в состав каждого корпуса входила 21 пушечная, 3 гаубичные батареи и батальон тяжелой артиллерии, всего 28 батарей (160 орудий без конной артиллерии или около 7 орудий на батальон пехоты), тогда как на корпус русской армии по организации 1910 года было по 14—16 батарей, в зависимости от того, имелась ли в корпусе конная артиллерия (3 орудия на батальон) [2]).

При современных условиях ведения боя, как показал опыт еще русско-турецкой войны и подтвердили опыты русско-японской войны и войны на Балканах в 1912 году, большое значение приобрели гаубицы, обладающие мощными снарядами сильного разрушительного действия.

Это учитывала Германия, имея в то время в числе 160 орудий на корпус 52 гаубицы, из них 16 тяжелых, или около

[1]) Дело В.-Уч. Архива 124—996.
[2]) Дела В.-Уч. Архива 186—038 и 186—650.

$^1/_8$ всех орудий. А в России легкие гаубицы составляли, по организации 1910 года, лишь $^1/_9$—$^1/_{10}$ всех орудий корпуса, при чем тяжелая артиллерия в состав корпусов вовсе не входила.

По большой программе проектировалось число легких батарей в артиллерийской бригаде довести до 9-ти и в состав каждой бригады включить по одному 2-х батарейному мортирному (гаубичному) дивизиону. Таким образом, количество легких батарей увеличивалось в $1^1/_2$ раза и число легких пушек в каждом корпусе нормального состава доводилось с 96 до 108; число же легких гаубиц на корпус предполагалось увеличить вдвое.

Кроме того, по большой программе предполагалось каждый корпус обеспечить дивизионом полевой тяжелой артиллерии, в составе трех батарей: две 4-х орудийных батареи 42 *лин.* пушек и одна 4-х орудийная батарея 6 *дм.* гаубиц. Предпочтение, отданное 42 *лин.* пушкам, которых проектировали иметь в составе полевой артиллерии вдвое больше, чем 6 *дм.* гаубиц, объяснялось желанием использовать дальнобойность и прочие баллистические качества 42 *лин.* пушки, которые, в связи с относительной легкостью на походе, делают ее незаменимым орудием для маневренной войны, в особенности для действия в составе авангарда во встречном бою.

Предположенное включение в состав корпусов полевых тяжелых дивизионов, с одновременным установлением для них штатов действующего, а не резервного типа, дало бы возможность в мирное время привлекать полевую тяжелую артиллерию ко всем занятиям лагерных и подвижных сборов и к маневрам, а, следовательно, содействовать установлению связи ее с другими родами войск и ознакомлению высших общевойсковых начальников с боевыми свойствами и характером деятельности этого, тогда еще нового, могучего средства поражения.

По новой организации, проектированной в 1913 году [1]) в составе корпуса было бы 18 легких и 2 конных пушечных батарей, 4 легких гаубичных батареи и 3 полевых тяжелых батареи, а всего 27 батарей или 156 орудий. Таким образом, по числу огневых единиц артиллерия корпуса усилилась бы почти вдвое, а по числу орудий на 30%. Но все же по силе артиллерии русский корпус несколько уступал бы германскому.

Сравнительные данные о числе батарей полевой артиллерии, состоявших и предположенных по мирному времени, приведены в следующей таблице [2]).

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 186—038.
[2]) Дело В.-Уч. Архива 186—038.

Название батарей полевой артиллерии.	Состояло батарей по орган. 1910 г.	Предполагалось батар. по орган. 1913 г.
Легких	442	752
Горных	42	96
Гаубичных	74	179
Конных и казачьих	50	50
Конно-горных	7	7
Тяжелых полевых	24	113
Всего	639	1.197

Таким образом, число батарей проектировалось увеличить на 558 или почти на 87%.

По осуществлении большой программы русская полевая артиллерия насчитывала бы в военное время 8.358 орудий, из коих 6.048 легких и конных, 666 горных, 1.176 легких гаубиц и 468 тяжелых (312 пушек 42 *лин.* и 156 гаубиц 6 *дм.*).

К частичному выполнению большой программы военное министерство приступило еще в 1913 году, получив около 100 милл. руб. на новые заказы артиллерии, распределенные ГАУ в 2 месячный срок. Но недостающую материальную часть полевой тяжелой артиллерии заказали лишь в начале 1914 года, так как в начале не предполагалось ее вводить в таком количестве, а иметь больше мелких гаубиц.

Усиление полевой артиллерии требовало увеличения контингента новобранцев и постоянных расходов, что было разрешено лишь накануне мировой войны в конце июня 1914 г., когда большая программа получила силу закона; при чем окончательное завершение всех мероприятий отнесено было к апрелю 1917 года, т.-е. к последнему сроку призыва на службу дополнительного контингента новобранцев [1]).

Вспыхнувшая война помешала в самом начале осуществлению большой программы усиления артиллерии. Программа эта явилась запоздалой и осталась на бумаге, а русская полевая артиллерия выступила на войну при устаревшей, совершенно неудовлетворительной организации.

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива, 186—038.

б) Проект реорганизации тяжелой артиллерии (осадной и крепостной).

В 1910 году намечалось сформировать 4 полка тяжелой (армейской) артиллерии; кредиты на изготовление для них материальной части были испрошены (хотя и с рассрочкой на 10 лет—см. гл. III). После того прошло три года, а формирование тяжелой артиллерии даже не начиналось. Напротив, вопрос этот откладывался на неопределенное время и ставился в зависимости от разрешения другого еще менее разработанного вопроса об усилении крепостной артиллерии.

На этот раз формирование тяжелой артиллерии отлагалось не потому, что не были еще окончательно утверждены образцы новых орудий, и не потому, что отказывали в отпуске кредитов, а за „отсутствием личного состава", т.-е. по такой причине, какую военное министерство само могло и должно было устранить.

Между прочим, в объяснительной записке ГУГШ о крепостях, приложенной к представлению в государственную думу 25 октября 1913 года № 2055 [1]), приведены были следующие соображения: „в виду того, что личного состава для тяжелой (осадной) артиллерии не имеется в настоящее время, вопрос о создании тяжелой артиллерии пока не может получить осуществления. В виду же однородности, за малыми исключениями, орудий крепостной и тяжелой артиллерии, единственно правильным разрешением этого вопроса является размещение имущества тяжелой артиллерии в крепостях, чем одновременно достигается и обновление вооружения крепостей, а в случае необходимости двинуть осадные средства под неприятельскую крепость—группы тяжелых орудий получат подготовленный личный состав из крепостной артиллерии".

Такое решение уже было принято раньше в отношении кавказской группы тяжелых орудий и получило одобрение высших властей. По сведениям ГУГШ, такой же порядок принят был в некоторых иностранных армиях. Поэтому, по мнению ГУГШ, в дальнейшем не представлялось настоятельной надобности резко разделять заказы артиллерии для крепостей от заказов на тяжелую артиллерию, „тем более, что кредиты на обе эти надобности шли по одной чрезвычайной смете и только отдельные случаи могли вызвать от этого отступления".

Повидимому, в 1913 году получило преобладающее значение мнение противников создания „сверх тяжелой" армейской артиллерии позиционного (осадного) типа. Участие такой артиллерии в маневренных боях в ряду полевых войск не предвиделось, а русские, как известно, предполагали вести

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 179—489.

наступательную маневренную войну. Поэтому противники создания сверх тяжелой артиллерии не без основания рассуждали, что такая артиллерия, вследствие ее тяжести и громоздкости тыла, свяжет маневренные действия полевых войск, да и не понадобится в маневренной войне, где отсутствуют укрепленные позиции. Если же при наступлении вглубь неприятельской страны русская армия встретила бы преграды в виде крепостей и других опорных пунктов, то для разрушения их возможно было бы подвезти тяжелую осадную артиллерию, взяв ее из крепостей, которые не нуждались бы в сильном вооружении, так как при наступлении оставались бы в тылу не угрожаемыми со стороны противника. Мысль эта разделялась многими представителями министерств и законодательных учреждений; в особенности охотно ее поддерживало министерство финансов, так как при этом не требовалось новых ассигнований на формирование тяжелой артиллерии.

Под давлением противников тяжелой армейской артиллерии, вопрос о ней постепенно утрачивал значение и в жертву финансовых расчетов приносилось осуществление серьезных боевых потребностей. Между тем, артиллерия русских крепостей, вооруженная устаревшими орудиями, не отвечала современным требованиям и на замену этих старых орудий новыми все равно необходимы были сверхсметные крупные кредиты. Требовались также большие ассигнования на заказ орудий для пополнения некомплекта вооружения крепостей и на заказ орудий новейших систем крупных калибров, которых не имелось ни в крепостной, ни в осадной артиллерии.

По объяснениям ГУГШ [1]), потребность крепостей в вооружении была еще далеко не удовлетворена, и недостаток некоторых орудий, только в крепостях, проекты переустройства которых были уже утверждены царской властью, достигал в 1913 году 50%.

По данным к 1 февраля 1913 года состояние вооружения русских крепостей видно из следующей таблицы [2]):

Комиссия по выбору образцов орудий осадной и крепостной артиллерии, образованная при ГАУ в конце 1909 года, с участием представителя от ГУГШ (см. главу II), проработав около 3-х лет, в конечном результате после обстоятельных испытаний остановилась на следующих 4-х образцах орудий для тяжелой осадной артиллерии: 6 *дм.* тяжелая крепостная гаубица обр. 1909 года, 6-*дм.* осадная пушка обр. 1910 года, 8-*дм.* осадная гаубица обр. 1911 года и 11-*дм.* осадная мортира обр. 1912 года.

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 179—489.
[2]) Там же.

Наименование предметов вооружения.	Не принимая во внимание предположений о заказе на 1913 год.			Принимая во внимание предположения о заказе на 1913 год.		
	Положено.	Состоит и заказано.	Недостает в %%.	Предположено заказать в 1913 г.	Затем будет не доставать. Орудий.	Затем будет не доставать. В %%.
3-*дм.* пушек в башнях	248	—	100	120	128	51
3-*дм.* пушек горных	210	46	80	80	84	40
3-*дм.* неподвижных	280	125	55	—	155	55
Противоштурмовых пушек	616	326	48	80	220	35
57-*мм* капонирных „	1.066	570	47	80	416	40
6-*дм.* гаубиц	572	324	43	76	172	30
48-*лин.* гаубиц	440	250	43	—	190	43
42-*лин.* пушек	214	136	36	—	78	36
10-*дм.* пушек	114	84	26	—	30	27
3-*дм.* полевых пушек	758	572	25	60	126	17
6-*дм.* пушек	164	194	+18	—	—	—
12-*дм.* пушек	44	32	27	4	8	18
14-*дм.* пушек	16	16	—	—	—	—
6-*дм.* скоростр. пушек	54	54	—	—	—	—
11-*дм.* гаубиц (мортир) [1]	16	—	100	16	—	—
110-*м* пушек	72	84	+16	—	—	—
Итого орудий	4.998	2.813	45	516	1.607	32
Пулеметов	2.030	1.321	35	—	709	35

Осадные 11-*дм.* мортиры были заказаны в 1913 году заводу Шнейдера—во Франции, но уже при даче заказа выяснилось, что мортиры будут готовы лишь к 1916 году. Поэтому член артиллерийского комитета ген. Дурляхов в 1914 г. разработал в лафете 11 *дм.* мортир, имеющихся в русских береговых крепостях, особое приспособление, которое дало возможность применить эти мортиры в качестве осадных (11-*дм.* береговые мортиры с переделанными лафетами применялись при осаде Перемышля) [2].

Осадные 6 *дм.* пушки заказаны были также французскому заводу Шнейдера и русскому—Путиловскому заводу.

Всего, только для крепостей, переустройство которых было утверждено, предполагалось заказать в 1913 году

[1]) Имелось в виду их выделить с личным составом для осады неприятельских крепостей.

[2]) А. А. Маниковский. „Боевое снабжение русской армии". Часть II.

516 орудий, но и после того, как видно из следующей таблицы, недостаток орудий в крепостях оставался бы значительным—около 30%; большой недостаток был и в пулеметах—около 38%[1]). Если же еще принять во внимание, что орудия и пулеметы, заказанные в 1908—1912 годах и, в особенности, в 1913 году, далеко не все были изготовлены, то нужно будет признать, что действительный недостаток орудий и пулеметов к 1914 году выражался в значительно большем %; например, на вооружении крепостей вовсе не было 11-*дм.* гаубиц, предназначавшихся для тяжелой (осадной) артиллерии.

Положено для крепостей.	Состояло до д чи заказов.	Заказано в 1908—1912 г.	Предполож. заказ в 191 г.	Всего заказано.	Затем недост.	
					Числом.	В %
Орудий 4.998	1.131	1.744	516	2.260	1.607	30
Пулеметов 2.030	691	592	—	592	747	38

Опыт осады Порт-Артура в русско-японскую войну указал на необходимость еще более крупных калибров, чем 11-*дм.* мортиры—до 14-*дм.* включительно. На опытах стрельбы на о. Березани, произведенных под личным руководством генерал-инспектора артиллерии в 1912 году, выяснилось, что несмотря на большое могущество 11-*дм.* мортиры обр. 1912 г., все-таки это орудие не может дать решительных результатов в отношении разрушения наиболее сильных современных укреплений, сооруженных с применением железо-бетона, и что для этой цели необходимо ввести на вооружение русской осадной артиллерии 16-*дм.* мортиры[2]). Разработка проекта такой мортиры в России производилась ген. Дурляховым и Металлическим заводом и поручена была в 1913 году французскому заводу Шнейдера. Мортира эта, конечно, не могла поспеть к мировой войне (однако, по донесению русского приемщика от 3 ноября 1914 года, мортира оказалась в такой степени готовности, что была спешно закончена, положена на упрощенный лафет, подобный железнодорожному лафету

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива, 179—489.

[2]) А. Свечин. „История военного искусства“. Ч. III. Новейшее время.

знаменитой 16,5-*дм.* германской гаубицы, и в таком виде отправлена в действующую армию)[1]).

Об опытах с 16-*дм.* мортирами, производившихся в Германии, стало известно русским артиллеристам в 1913 году, т. е. после березанских опытов. Следовательно, не одни немцы, но и русские, в лице бывшего артиллерийского ведомства, еще задолго до войны отдавали себе ясный отчет о значении крупных калибров и принимали зависящие меры для выработки образцов наиболее совершенных и мощных сверхтяжелых орудий. Во Владивостоке и на батареях финского побережья с 1912 года производилась установка 11-*дм.* гаубиц и 12-*дм.* пушек. Но как бы то ни было, в России запоздали с вооружением армии тяжелыми орудиями.

Запоздание с тяжелой артиллерией А. А. Свечин объясняет требованием царского правительства—изготовлять орудия исключительно на русских заводах, а также „стремлением доказать необходимость открытия в России отделения излюбленной заказчиками фирмы Виккерс, в виде частного пушечного завода“ [2]). (Открытие в России завода Виккерса поддерживалось военным министром ген. Сухомлиновым; против этого всемерно боролись многие артиллеристы из ГАУ, во главе с генерал-инспектором артиллерии).

Следственная комиссия, образованная в 1915 году для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиною несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии, ставила в вину артиллерийскому комитету, что одной из причин отсталости России в отношении тяжелой артиллерии служило неведение его, что делается по части артиллерийской техники у иностранцев, и значительная зависимость от заграничных заводчиков (главным образом, от французского завода Шнейдера). Между тем, осведомительная служба относительно иностранных армий сосредоточена была в ГУГШ, через военных агентов. Артиллерийскому комитету приходилось в этом отношении довольствоваться донесениями тех же военных агентов, случайными сведениями артиллерийских офицеров, весьма редко командируемых за границу, и литературой, данные которой по части вопросов артиллерийской техники, в особенности касающихся Германии, были крайне бедны.

Имея в своем распоряжении на расходы по заграничным командировкам не более 10.000 руб. в год, ГАУ вынуждено было ограничиваться командированием лишь нескольких офицеров: от артиллерийской академии с научною целью и от артиллерийского комитета, главного полигона и технических

---

[1]) А. Маниковский. „Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 г.г. Часть III.

[2]) А. Свечин. „История военного искусства“, ч III. Новейшее время.

артиллерийских заведений с разными техническими целями, отчасти же для практического усвоения иностранных языков. При таких командировках нельзя было рассчитывать на получение сколько-нибудь ценных данных о новейших изобретениях артиллерийской техники за границей, имеющих особо секретный характер. Подобные сведения получаются, как известно, путем тайной агентуры, не считаясь с большими расходами.

Еще менее ценными были сообщения по артиллерийской части официальных русских военных агентов за границей. Будучи, в большинстве случаев, офицерами генерального штаба, недостаточно знакомыми с современной артиллерией, в виду чрезвычайной технической сложности ее материальной части, военные агенты обыкновенно давали лишь поверхностный малосоответственный материал для серьезного заключения по тому или иному специальному вопросу артиллерийской техники.

В виду полной неудовлетворительности подобного порядка осведомления по части артиллерийских новшеств за границей военный министр и военный совет, по представлению генерал-инспектора артиллерии, еще в январе 1910 года, признали необходимым назначить двух артиллерийских офицеров-техников в помощь военным агентам. Но ни в 1910 году, ни после, несмотря на вторичный доклад генерал-инспектора артиллерии в начале 1912 года, обращавшего внимание на незначительность расхода—всего 10.760 зол. руб. в год и на серьезное значение этой меры, согласия на ее осуществление со стороны министра финансов не последовало до самой мировой войны [1]).

При таких условиях, артиллерийский комитет не мог быть достаточно осведомленным о том, что делалось за границей по части артиллерийской; однако, более серьезные новости артиллерийской техники все же становились ему известными, хотя и с обычным запозданием.

Осуществление мероприятий 1913 года по вооружению русских крепостей могло быть закончено лишь через несколько лет, в течение которых крепости оставались бы в безотрадном состоянии в отношении вооружения и не могли бы выделить достаточно сильную тяжелую артиллерию для осады неприятельских укрепленных пунктов.

Хорошее вооружение — главная сила крепости, но ее не спасет и самая лучшая артиллерия, если она по своему устройству и по степени готовности к войне не отвечает современным требованиям [2]). Между тем, русские крепости, являющиеся наследием прошлых времен, были в этом отношении весьма

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива, 179—489.
[2]) Дело В.-Уч. Архива, 179—489.

неудовлетворительными. Крепостная артиллерия, как и полевая, должна была пользоваться для стрельбы преимущественно закрытыми позициями; ей были нужны: хорошие наблюдательные пункты с броневыми укрытиями для наблюдателей и начальников, прочно устроенные долговременные батареи с достаточно обеспеченными укрытиями, установка противоштурмовой артиллерии в броневых куполах и проч. Почти ничего этого крепости в 1913 году не имели; все это предполагали создавать, но по финансовым соображениям не в кратчайший срок, а в течение нескольких лет.

По проекту большой программы 1913 года предполагалось произвести преобразование крепостной артиллерии и сформировать вновь артиллерийские гарнизоны морской крепости в Ревеле и сухопутных крепостей Гродны и Ивангорода [1]).

Крепость Ивангород по решению царской власти, состоявшемуся 1 июня 1910 года, подлежала упразднению (см. главу III); между тем, по большой программе 1913 года, для нее создавался вновь артиллерийский гарнизон. Следовательно, попрежнему оставалась неизменной неопределенность мысли в крепостном вопросе, вредно отражавшаяся на осуществлении мероприятий по части крепостной и тяжелой артиллерии, проектируемых без достаточно ясного и твердого основного плана.

Беспочвенность мероприятий по тяжелой и крепостной артиллерии обратила на себя внимание государственной думы, которая при рассмотрении сметы чрезвычайных расходов военного министерства на 1913 год, высказала пожелание о том, „чтобы дело заготовления крепостной и тяжелой артиллерии и их боевых запасов было возложено на особую комиссию, организованную по примеру бывшей комиссии по перевооружению полевой артиллерии“ [2]).

Однако, по поводу этого пожелания не только не было принято каких-либо мер, но даже не приводилось никакого объяснения.

в) Прочие мероприятия по артиллерийской части. Военное министерство царского правительства, представлением 25 октября 1913 года № 2.055, просило государственную думу ассигновать кредиты на пополнение запасов материальной части артиллерии в связи с ее реорганизацией, а также на некоторые другие мероприятия по артиллерийской части [3]).

В представлении военного министерства приводилась полная стоимость того или иного мероприятия, но на 1914 год испрашивалась к отпуску лишь часть всей исчисленной суммы,

---

[1]) Дело В. Уч. Архива, 186—038.
[2]) Дело В.-Уч. Архива, 179—489.
[3]) Дело В.-Уч. Архива, 179—489.

„с правом развития операции на полную сумму". Подобный порядок ассигнования кредитов, как упоминалось, затягивал осуществление мероприятий, указывая, с одной стороны, на неподготовленность и слабую производительность русской военной промышленности, с другой стороны, на непредусмотрительность военного министерства, считавшего, повидимому, мало вероятной войну в ближайшем будущем и недостаточно озаботившегося принятием мер к скорейшему проведению в жизнь задуманных преобразований.

Общий размер единовременных расходов на осуществление всех мероприятий, преднамеченных по большой программе усиления армии, исчислялся в сумме около 465 миллионов рублей, в том числе на артиллерию около 190 миллионов.

По завершении всех мероприятий постоянные расходы на армию должны были возрасти почти на 140 миллионов рублей в год, в том числе на артиллерию около 54 миллионов

В счет этих сумм отпущено было в 1913 году на единовременные расходы лишь около 13 миллионов и на постоянные около 1 миллиона рублей. Все остальные кредиты военное министерство предполагало получить в период времени до 1917 года.

Вооруженные силы России, с осуществлением всех мероприятий большой программы, получили бы существенное приращение, в особенности по артиллерийской части.

Объяснительная записка генерального штаба к большой программе заканчивалась следующими словами: „предстоящее развитие нашей армии потребует чрезвычайных материальных средств; однако, это развитие даст уверенность спокойно взирать на будущее с достоинством, свойственным России в исполнении государственных ее задач" [1]).

Однако, „уверенность" эта не имела прочного основания, так как не было учтено вероятное будущее.

Только в 1913 году, почти после 8 лет после русско-японской войны, приступили к проведению реформ, выяснившихся опытом этой войны; решили значительно усилить полевую артиллерию, чего нельзя сказать про тяжелую и крепостную; осуществление реформ растянули еще на несколько лет—до 1917 года. Между тем, мировая война, к которой Россия готовилась, разразилась через несколько дней после утверждения большой программы.

Усиление русской армии, хотя частично и начатое до утверждения программы, еще в 1913 году, осталось в значительной степени только в проекте.

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива, 186—038.

Перечень мероприятий.	Общая сумма расхода в рублях.	Испрашив. к отпуску на 1914 г. рублей.
1. Заготовлено 3-*лн.* патронов к винтовкам и пулеметам (за исключением крепостных), которых против положенной нормы не хватало около 392.323 тыс. штук	9.582.000	8.000.000
2. На окончание заготовления пулеметов по основному плану, утвержденному 10 июля 1906 года	1.000.000	517.000
3. Состоящие в полевых войсках 2.790 тяжелых пулеметов требовалось заменить облегченными, путем их переделки, на что всего нужно было	950.000	220.000
4. На окончание приспособления винтовок к стрельбе остроконечной пулей	2.826.000	200.000
5. Заготовление 194.400 ручных гранат для полевых войск	1.070.000	570.000
6. Заготовление недостающих против установленной нормы 3-*дм.* пушечных патронов . .	5.218.000	1.500.000
7. Постройка 8 снаряжательных мастерских и устройство лабораторных мастерских при артиллерийских складах для снаряжения патронов, которые хранились в запасах военного времени, во избежание порчи, в составных частях.	2.236.000	1.200.000
8. Заготовление недостающего ручного оружия, револьверов и патронов к ним	16.869.000	1.758.000
9. Заготовление оружия и патронов, взамен получившего особое назначение (отпущено Черногории и проч.)	5.837.000	2.000.000
10. Заготовление материальной части артиллерии и боевого комплекта для новых формирований	96.148.000	10.000.000
11. Заготовление недостающих для полевой артиллерии панорамных прицельных приспособлений, дальномеров и проч.	1.113.000	794.000
12. Перевооружение конной артиллерии облегченными 3-*дм.* пушками нового образца (требовалось 500 пушек с лафетами и передками и 964 зарядных ящика)	6.428.000	1.500.000
13. Заготовление недостающей материальной части для гаубичных 48-лин. батарей и на доведение запаса выстрелов к ним до 1.000 на гаубицу	3.215.000	1.000.000
14. Заготовление недостающего имущества для полевой тяжелой артиллерии	1.200.000	750.000
15. Заготовление недостающего имущества для артиллерийских полевых и местных парков.	2.132.000	400.000

Перечень мероприятий.	Общая сумма расхода в рублях.	Испрашив. к отпуску на 1914 г. рублей.
16. Заготовление крепостной и тяжелой (осадной) артиллерии требовало сверх отпущенных в 1910—1913 г. г. 54.500 тыс. рублей, еще . .	209.000.000	17.000.000
17. На расширение помещений и усиление механических средств технических артиллерийских заведений (арсеналов, оружейных, патронных, трубочных и пороховых заводов). Мера эта вызывалась значительной потребностью в предметах артиллерийского снабжения и необходимостью закончить их изготовление в скорейшее время, к определенному сроку [1])	15.138.000	3.000.000

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива, 186—038.

ГЛАВА V.

Артиллерийская часть русской армии в 1914 г. перед началом мировой войны.

а) Организация артиллерийских, пулеметных и вспомогательных огневых частей.

Большая программа по усилению армии получила силу закона лишь 24 июня (7 июля) 1914 года, т.-е. накануне мировой войны и поэтому не могла быть выполнена. Война застала полевую артиллерию с так называемой „Новой организацией 1910 года", мало чем отличавшейся от прежней совершенно отжившей организации времен русско-японской войны (см. главу III).

По организации 1910 года полевая артиллерия подразделялась на легкую, горную, мортирную и тяжелую; в легкой и горной артиллерии были батареи пешие (ездящие) и конные. Пешие батареи легкой и даже горной артиллерии [1]) остались при 8-ми орудийном составе, конные и мортирные батареи имели по 6-ти орудий, в полевых тяжелых батареях было по 4 орудия.

Батареи по три сводились в дивизионы, за исключением конной и мортирной артиллерии, имеющей дивизионы по две батареи. В дивизионе батареи были вооружены однотипными орудиями, за исключением полевой тяжелой артиллерии, где дивизионы состояли, попрежнему, из одной 42-лин. пушечн. и двух 6-*дм.* гаубичных батарей [2]). В легкой артиллерии дивизионы по два сводились в артиллерийские бригады; дивизионы остальных родов полевой артиллерии в бригады не сводились.

Второочередные (резервные) артиллерийские части и артиллерийские парки 1-й и 2-й очереди формировались в военное время из скрытых кадров, содержащихся при первоочередных частях. Хозяйство оставалось в батареях.

---

[1]) По опыту войн русско-японской и на Кавказе, горные батареи действовали в горах, по условиям местности, почти всегда по-взводно—по 2 орудия, даже по-орудийно и лишь в редких случаях в 4-х орудийном составе.

[2]) По большой программе предполагалось, наоборот, иметь по две 42-лин. пушечных и по одной 6-*дм.* гаубичной батарее.

Организованной тяжелой (осадной) артиллерии новейших образцов вовсе не оказалось; большая часть старой осадной артиллерии была расформирована. Крепостная артиллерия осталась при старой организации.

Ко времени разработки новой организации 1910 года, военная авиация была в зачаточном состоянии и не представляла ничего угрожающего, поэтому с организацией какой либо зенитной (противоаэропланной) артиллерии не спешили. В 1914 году положение изменилось и приходилось уже серьезно задумываться о средствах борьбы с военным воздушным флотом; поэтому Путиловскому заводу заказана была первая партия в 12 противоаэропланных пушек обр. 1914 года на автомобилях, системы инж. Лендера и кап. Тарновского (система существует до сих пор) [1].

До мировой войны не предполагалось создавать специальную полковую или другую особую артиллерию для сопровождения пехоты при атаке, хотя сознавали невозможность выполнения этой задачи для легкой артиллерии, вооруженной слишком тяжелой для этого пушкой. Надеялись, что дальнобойность и меткость 3-*дм.* пушки возместит ее малоподвижность. Кроме того, некоторые предполагали, что конная артиллерия могла бы в маневренных боях, пользуясь своею подвижностью, неожиданно появиться, под прикрытием конницы, на флангах противника и поражать его продольным огнем, что позволяло бы подвести атакующую пехоту почти вплотную к противнику. Наконец, горная артиллерия, ввиду легкости ее пушки, до некоторой степени, могла бы выполнить задачу сопровождения пехоты, так как при весе пушки с лафетом 20—38 пудов [2]) она могла быть перетащена на небольшое расстояние даже на руках. Но имелось ничтожное количество конных и еще меньшее число горных батарей (84 конных и 45 горных), при чем конная артиллерия, ввиду чрезмерного веса системы пушки, была не способна к быстрому маневрированию на больших пространствах.

Что же касается специальной траншейной артиллерии, бомбометов и минометов, то об этом суррогате артиллерии до войны 1914 года даже и не помышляли. В теоретических курсах осадной войны упоминалось об орудиях „ближнего“ боя, необходимость которых подтвердила осада Порт-Артура в 1904 году. Для осадных операций в крепостях имелись мортиры—$^1/_2$ пудовая медная и 34 лин. нарезная. Но не только Россия, но и другие государства, не исключая немцев, не

---

[1]) Положением Военного Совета 5 (18) октября 1914 г. разрешено было сформирование первой автомобильной батареи для стрельбы по воздушному флоту. Формирование производилось в Царском (ныне Детском) Селе при офиц. артиллер. школе и закончилось 5 (18) марта 1915 г.

[2]) 3-*дм.* горная образца 1909 г. 38 пуд., 3-*дм.* горная образца 1914 г. 20 пудов.

могли себе представить, чтобы орудия ближнего боя могли получить сколько-нибудь серьезное значение в маневренной полевой войне, к которой только и готовились.

По основному плану снабжения армии пулеметами, утвержденному 10 июля 1906 г. [1]), к каждому пехотному и стрелковому полку и каждой кавалерийской дивизии придано было по одной пулеметной команде из 8 пулеметов системы Максима, Заамурскому округу пограничной стражи придано было 6 команд 4-х пулеметного состава, в 3 и 9 сибирских стрелковых дивизиях предполагалось иметь по 2 пулемета на роту (в действительности, эти дивизии выступили на войну, имея по одной 8-ми пулеметной команде на полк, как и все прочие дивизии).

Пулеметные команды Максима имели устройство, напоминающее батарею (не только в России, но и в Германии). Сложность и сопряженная с нею дороговизна организации пулеметных команд являлась, отчасти, одной из причин недостаточного количества пулеметов во всех государствах в начале мировой войны [2]). Другой причиной служило желание обеспечить мелкие подразделения пехоты надежным автоматическим оружием, вопрос о котором повсюду находился в стадии работы и испытания.

С 1907 года в каждом кавалерийском полку было по 6 ружей-пулеметов системы Мадсена обр. 1902 г., сверх положенной по штату при каждой кавалерийской дивизии отдельной пулеметной команды, вооруженной 8-ю пулеметами Максима. Ружья-пулеметы распределялись по эскадронам и сотням и признавались средством исключительно полковым, дополняющим огневую силу дивизионной пулеметной команды.

Русская конница в то время не оценила значение ружей-пулеметов и, по ее желанию, в 1911 году начальник генерального штаба просил разрешения высших властей снять с вооружения конницы ружья-пулеметы Мадсена, которые тогда же были сданы в артиллерийские склады, а в дальнейшем, с согласия ГАУ, были переданы в некоторые из крепостей для усиления вооружения [3]).

Между тем, ружья-пулеметы оказались необходимыми для конницы, так как в первые же месяцы войны 1914 года начальники кавалерийских частей просили ГАУ возвратить им ружья-пулеметы. ГАУ могло удовлетворить просьбу в минимальном размере, лишь теми единичными экземплярами, которые случайно оставались в артиллерийских складах.

Учитывая необходимость вооружения конницы легкими полковыми пулеметами, ГАУ с 1913 года испытывало выра-

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 179—489.
[2]) А. Свечин. „История военного искусства“. Ч. III. Новейшее время.
[3]) Показания начальника ГАУ генерала Кузьмина-Караваева. Стр. 10 и 11.

батываемые за границей новейшие системы ружей-пулеметов. Наиболее удовлетворительными оказались пулеметы системы Льюиса, которые возможно было заказать в 1914 году, но ГАУ не могло этого сделать, так как ни одна войсковая часть в то время не подлежала вооружению ружьями-пулеметами. Во время войны от ГАУ стали требовать пулеметы Льюиса для вооружения не только кавалерийских полков, но и летательных аппаратов и бронированных автомобилей. Выданы были лишь имевшиеся 10 опытных экземпляров и потом заказывали все, что только было возможно [1]).

Ружьям-автоматам придавали еще меньшее значение, чем ружьям-пулеметам.

Между прочим, при рассмотрении сметы ГАУ на 1913 г., государственная дума обратила внимание на то, что в случае принятия на вооружение автоматических ружей кем-либо из возможных противников, Россия окажется недостаточно подготовленной в этом отношении. Военное министерство представило государственной думе успокаивающие объяснения, что „в деле снабжения автоматическими ружьями ни одна из иностранных армий не пошла дальше производства некоторых незначительных опытов“ [2]).

В то время в России испытывались автоматические винтовки разных систем, в том числе русская система полк. Федорова, признаваемая лучшей. В 1914 году, перед самой войной Сестрорецкий оружейный завод приступил к изготовлению первой пробной партии в 100 шт. автоматических винтовок Федорова, но когда началась мировая война, работа эта была приостановлена, как „не могущая дать результатов в эту войну“ [3]).

б) Организация высшего управления артиллерией.

С подчинением артиллерии начальникам дивизий в 1910 году, положение о начальнике дивизии и командире артиллерийской бригады, определенное законом 1907 года [4]), не было соответственно изменено до начала мировой войны, вследствие чего начальники дивизий поставлены были в затруднительное положение, не зная, чем именно они должны руководствоваться и что именно требовать от подчиненной им артиллерии в отношении специальной ее подготовки. Некоторые из них руководили артиллерией по своему усмотрению (и не всегда целесообразно), другие продолжали держаться в стороне, считая себя недостаточно компетентными в артиллерийской службе и предоставляя в ней разбираться специалистам. Только в 1913 году, с изданием официального „Наставления для подготовки полевой артиллерии к стрельбе“,

---

[1]) Показания ген. Кузьмина-Караваева. Стр. 9—11.
[2]) Дело В.-Уч. Архива. 186. 918.
[3]) А. А. Маниковский. „Боевое снабжение русской армии“. Часть I.
[4]) Св. В. Пост. 1869 г. Кн. V, изд. 1907 г. Ст.ст. 297, 385, 388 и другие.

определились специальные обязанности начальников дивизий и других старших общевойсковых начальников в отношении подготовки артиллерии, но с большим опозданием (см. ниже главу VI).

Командиры артиллерийских бригад, согласно положения 1907 года, „по общему и материальному благоустройству" вверенных им частей, „исполняли обязанности начальника дивизии", вследствие чего между ними и начальниками дивизий происходили иногда нежелательные трения. Обязанности же командира артиллерийской бригады в отношении строевой подготовки подчиненных ему частей определены были законом 1907 года не совсем ясно. С одной стороны, на командире артиллерийской бригады лежало „общее наблюдение за образованием вверенных ему частей", но он должен был, главным образом, только „следить за подробностями исполнения общих программ, издаваемых начальником артиллерии корпуса или округа", с другой стороны, бригадный командир во время специальных артиллерийских сборов мог „распоряжаться специальными занятиями бригады", если она „располагалась лагерем с другими частями войск", лишь „по предварительному разрешению начальника артиллерии корпуса или округа или старшего начальника в лагере". Обычно артиллерийские бригады на специальных сборах бывали всегда вместе с другими артиллерийскими частям. Поэтому командиры артиллерийских бригад, в большинстве случаев, признавали свою роль второстепенной и принимали лишь ограниченное участие в руководстве боевой подготовкой подчиненных им артиллерийских частей, считая это главною обязанностью начальника артиллерии или начальника артиллерийского лагерного сбора, но не своей.

Командиры артиллерийских бригад, за немногими исключениями, считали главной и ответственной своей обязанностью административно-хозяйственную часть и ею были всецело поглощены, оставаясь в тени, как руководители боевой подготовкой.

В общем, подчинение артиллерии начальникам дивизий не успело к 1914 году вполне оправдать надежд, возлагавшихся на то, что путем такого подчинения будет достигнута прочная внутренняя связь между пехотой и артиллерией и взаимная боевая подготовка этих родов оружия будет поставлена на должную высоту.

По положению 1911 года [1]), инспектор артиллерии корпуса не имел никаких прав и обязанностей начальника, ответственного за боевую подготовку артиллерии корпуса и за правильное использование ее в бою. На него возлагалось общее руководство всей технической подготовкой артилле-

[1]) Приказ по воен. вед. 1911 г. № 133. Дело В. Уч. архива. 185—854.

рийских частей корпуса, поверка специального артиллерийского обучения и надзор за материальной частью. Он подчинялся командиру корпуса, без разрешения которого ничего не смел предпринимать; он мог оказывать некоторое влияние на боевую подготовку артиллерии в специально артиллерийском отношении лишь в том случае, если пользовался полным доверием командира корпуса (см. главу III).

В апреле 1914 года был разработан проект нового положения об инспекции артиллерии [1]). По этому проекту предполагалось значительно расширить круг обязанностей инспектора артиллерии корпуса; между прочим, инспектор артиллерии корпуса должен был способствовать усвоению и распространению в войсках корпуса правильных и единообразных взглядов на боевое применение артиллерии и на взаимодействие различных видов ее с другими родами оружия. Проектом положения предусматривалось создание должности инспектора артиллерии округа, который должен был объединять деятельность инспекторов артиллерии корпусов, а также быть органом инспекции над артиллерийской частью крепостей. К сожалению, проект нового положения об инспекторах артиллерии в округах и корпусах был разработан настолько поздно, что не мог быть осуществлен к началу войны.

По организации 1910 года, в округах не было инспекторов артиллерии, которые являлись бы ближайшими помощниками по артиллерийской части командующих войсками округов и властью последних могли бы направлять должным образом работу артиллерии, а также быть проводниками единства взглядов на ее свойства, задачи и использование в бою. Командующие войсками распоряжались артиллерией вверенного им округа, без содействия специалистов-артиллеристов, каждый—по своему усмотрению, нередко уклоняясь от той общей линии, какая проводилась генерал-инспектором артиллерии, или увлекаясь какой-либо одной стороной артиллерийской службы в ущерб общему.

Генерал-инспектор артиллерии, согласно положению о нем, утвержденному в 1910 году [2]) (оставшемуся не измененным до начала мировой войны), не являясь начальником всей артиллерии, также не мог давать непосредственно те или иные указания по артиллерийской части через неподчиненных ему командующих войсками в округах, а своих сотрудников-артиллеристов при командующих войсками он не имел. Инспектора артиллерии корпусов ни в каком отношении не подчинялись генерал-инспектору артиллерии; напротив, по положению они скорее находились в некоторой зависимости не

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 177—149.

[2]) Приказ по воен. вед. 1910 г. № 664.

от генерал-инспектора артиллерии, а от ГАУ, куда они должны были ежегодно, к 1 декабря представлять отчет с заключением о причинах невыполнения или неуспеха курса годовых занятий и о тех мерах, которые могли бы улучшить в будущем постановку артиллерийского дела в частях. Следовательно, генерал-инспектор артиллерии мог осведомляться с отчетами инспекторов артиллерии корпусов лишь через ГАУ.

По положению, генерал-инспектор артиллерии назначался „для наблюдения и поверки боевой подготовки артиллерии и деятельности учреждений (кроме ГАУ) и заведений, тесно связанных с боевой подготовкой артиллерии". Он мог только „присутствовать в артиллерийском комитете ГАУ с правом голоса"; никаких других взаимоотношений генерал-инспектора и ГАУ положением не предусматривалось. Между тем, деятельность ГАУ, разумеется, в значительной мере сказывалась на боевой подготовке артиллерии, за которую генерал-инспектор был ответствен. При таких условиях вмешательство генерал-инспектора артиллерии в деятельность ГАУ являлось неизбежным, хотя и не вполне законным.

По этому поводу неоднократно происходили недоразумения, вредно отзывавшиеся на работе артиллерийского ведомства. Так, например, в 1910 г., помощник военного министра ген. Поливанов высказал начальнику ГАУ, что военный министр не допустит вмешательства генерал-инспектора артиллерии в сферу деятельности, ему не принадлежащей. Между тем, военный министр ген. Сухомлинов поступал обратно, настаивая на заключении генерал-инспектора артиллерии даже в тех случаях, когда по закону и общему смыслу обязанностей он не в праве был давать заключение [1]).

По положению, генерал-инспектор артиллерии обязан был следить за развитием артиллерийского дела, за усовершенствованием и однообразием всех отраслей боевой подготовки артиллерии, за правильностью применения уставов, наставлений и проч.; он должен был проверять целесообразность ведения учебных занятий в артиллерийских училищах и в академии, поверять боевую готовность крепостей в артиллерийском отношении, оценивать лиц, предназначаемых на высшие командные должности в артиллерии и т. д. Генерал-инспектору предоставлялось право возбуждать вопросы о мерах, какие необходимы для всестороннего усовершенствования всех отраслей обучения и боевой подготовки артиллерии, ее вооружения, устройства и снабжения материальной частью, а также для улучшения учебного дела в артиллерийских военно-учебных заведениях.

Обязанности генерал-инспектора артиллерии были весьма обширны, разнообразны и ответственны, но кроме права

---

[1]) Показания ген. Кузьмина-Караваева. Стр. 103.

„возбуждать вопросы", ему, в сущности, прав не предоставлялось. Он ежегодно, к 15 февраля должен был представлять царской власти отчет о своей деятельности, но не иначе, как через военного министра. Ему же периодически он докладывал о результатах инспекции артиллерии и о всех желательных мероприятиях по артиллерийской части.

Военный министр, „если признавал необходимым" [1]), то мог объявить в приказе указания генерал-инспектора или сообщить их для руководства командующим войсками в округах, а проектируемые генерал-инспектором новые меры передать для разработки в соответствующие главные управления военного министерства. Обычно военный министр настолько был перегружен ответственными делами законодательного и административно-хозяйственного характера, что не мог входить в сколько-нибудь серьезное рассмотрение вопросов артиллерийской службы, возбуждаемых генерал-инспектором артиллерии; в результате разрешение этих вопросов в значительной степени зависело от начальника ГУГШ и других начальников главных управлений, к которым вопросы передавались от военного министра.

Таким образом, в организации высшего управления войсковыми частями артиллерии не было определенной стройной системы.

Благодаря авторитету генерал-инспектора артиллерии, который, персонально, мог не особенно считаться даже с военным министром, дефекты управления не имели сколько-нибудь вредных последствий для специальной подготовки артиллерии по технике стрельбы и отчасти по тактике, но они, несомненно, крайне неблагоприятно отражались на взаимодействии артиллерии с другими родами войск.

Технические и тактические задачи, даваемые артиллерии в бою, тесно связаны между собою; они друг из друга вытекают. Поэтому, а также в виду сложности и непрерывного усовершенствования артиллерийской техники, старшие общевойсковые начальники могут с успехом распоряжаться артиллерией только при содействии специалистов-артиллеристов. Между тем, в начале мировой войны в царской армии ни при командующих армиями, ни при главнокомандующих фронтами, ни при верховном главнокомандующем инспекторов или начальников артиллерии не было. Роль инспекторов артиллерии в корпусах в военное время сводилась к заботам о снабжении войск корпуса огнестрельными припасами, оружием и прочими предметами артиллерийского довольствия [2]).

---

[1]) Приказ по воен. вед. 1910 г. № 664.

[2]) „Положение о полевом управлении войск в военное время", утвержденное 16 (29) июля 1914 г.

Неудивительно поэтому, что случаи нецелесообразного применения артиллерии в бою бывали не редким явлением в мировую войну.

Неудовлетворительность организации ГАУ и состоящего при нем артиллерийского комитета признана была даже государственной думой, которая в апреле 1912 года, в формуле перехода к очередным делам, выразила пожелание, чтобы военный министр безотлагательно приступил к разработке вопроса о радикальном преобразовании этих учреждений [1]).

Действительно, ГАУ образовано было в 1862 году и после того, за время свыше 50-летнего существования, не было проведено никаких мер, которые изменили бы существенным образом его устройство и состав.

По положению [2]), в ГАУ сосредоточивалась инспекторская, техническая, ученая, учебная и хозяйственная части всего артиллерийского ведомства. На обязанности ГАУ лежало полное обеспечение потребности государства предметами вооружения. Оно должно было следить за всеми усовершенствованиями по артиллерийской части и вводить их по предварительном испытании. В частности, на артиллерийский комитет при ГАУ возлагалось: 1) обсуждение вопросов, касающихся теории, техники, практики и боевой подготовки артиллерии, также касающихся ручного оружия; 2) руководство исследованиями и опытами по всем этим предметам; 3) рассмотрение новых изобретений по артиллерийской части и различных инструкций и программ; 4) рассмотрение вопросов, касающихся артиллерийского образования; 5) распространение научных сведений между офицерами артиллерии.

Приведенного перечня достаточно, чтобы судить о чрезвычайной сложности и разносторонности огромной, ответственной работы ГАУ.

За время полувекового существования ГАУ был проведен в жизнь целый ряд мер, направленных к усилению вооружения и боевой готовности армии и к усовершенствованию обороны крепостей; весьма значительно увеличился состав армии и возведены новые крепости; материальная часть артиллерии усложнилась в высшей степени, введены на вооружение новые орудия, винтовки, пулеметы, боевые припасы, вспомогательные приборы для стрельбы и проч.; специальная техническая и тактическая подготовка артиллерии усложнилась; увеличилось число технических артиллерийских заведений и складов; образованы обширные запасы артиллерийского имущества и проч. Бюджет ГАУ, по сравнению с 1863 г., возрос более, чем в 6 раз, не считая чрезвычайных ассигнований—(с 6 миллионов в 1863 г. до 40 миллионов в 1910 году).

---

[1]) Показания ген. Кузьмина-Караваева. Стр. 99.
[2]) Св. В. Пост. изд. 1907 г. Кн. I.

Сообразно с этим прогрессивно возрастала и работа ГАУ. Между тем, во избежание увеличения ежегодного расхода на содержание ГАУ, организация и штаты его оставались почти без всяких изменений до 1910 года [1]).

В 1910 году дела по личному строевому составу артиллерии (инспекторская часть), по организации и мобилизации были переданы из ГАУ в главный штаб и в ГУГШ; штаты оставшихся в ГАУ хозяйственных отделений были усилены лишь 4 помощниками начальника отделения, 1 столоначальником и 3 помощниками столоначальника; организация артиллерийского комитета осталась без изменения, если не считать, что в состав комитета был назначен один совещательный член от ГУГШ; однако, „как представитель интересов войск и государственной обороны“ [2]), будучи единственным и притом лишь совещательным членом, он весьма слабо представлял эти интересы и часто даже вовсе не присутствовал в заседаниях артиллерийского комитета.

Опыт применения нового штата выяснил отрицательные результаты произведенных в 1910 году некоторых изменений в устройстве ГАУ. Организация хозяйственных отделений и артиллерийского комитета оставалась прежняя—неудовлетворительная; вопросы о назначениях на командные должности—командира батареи и выше передавались из главного штаба на заключение генерал-инспектора артиллерии, т.-е. попрежнему разрешались в ГАУ, отягощая его канцелярию за упразднением инспекторского отделения; вопросы боевой подготовки артиллерии, организационные и отчасти мобилизационные, в большинстве случаев, также передавались из ГУГШ на заключение артиллерийского комитета, крайне обременяя его работой, по существу для него даже не свойственной.

В артиллерийском комитете, и без того, должны были разрешаться все, без исключения, артиллерийские вопросы технического характера, какой бы важности они не были и где бы не возникали. Подобных вопросов возбуждалось огромное количество, вследствие крайнего разнообразия и сложности артиллерийского дела, при быстром развитии современной техники.

Все сколько-нибудь серьезные вопросы разрешались в общем собрании артиллерийского комитета. В общем собрании должны были присутствовать все члены комитета, специалисты по разным отраслям артиллерийской техники. Решения комитета иногда носили случайный характер, так как специалисты в одном каком-нибудь вопросе не всегда бывают достаточно компетентными в других специальных вопросах. Чаще всего

---

[1]) Записка помощника начальника ГАУ ген. Леховича, от 24 мая (7 июня) 1912 г.

[2]) Приказ по воен. ведомству 1910 г. № 496.

это случалось при решении вопросов тактического, организационного и мобилизационного характера.

Во всех отраслях сложного военного дела требуется специализация знаний и разделение труда в самых широких размерах. Сосредоточение крайне разнообразных специальных вопросов в артиллерийском комитете и разрешение большинства из них в общих собраниях комитета не отвечало современным требованиям.

При таких условиях, да еще при обилии подлежащих разрешению мелких дел, научная работа артиллерийского комитета была крайне затруднена, вследствие чего происходили крайне нежелательные промедления в разработке различных технических артиллерийских вопросов.

Полное преобразование ГАУ и состоящего при нем артиллерийского комитета являлось неотложно необходимым.

Подробный проект преобразования был составлен в ГАУ весною 1912 года.

Проектировалось создать в ГАУ особый учетно-распорядительный отдел снабжения, который будет устанавливать табели артиллерийского имущества и потребность в нем для армии, распоряжаться заготовлением необходимых предметов артиллерийского довольствия в соответственных отделах заготовления и снабжать ими армию. В этом отделе предполагалось сосредоточить все сведения о состоянии артиллерийского имущества в войсках и запасах, а также о ходе заготовления заказанных предметов, чтобы отдел снабжения всегда мог определенно указать, в каких войсках и запасах и каких предметов не хватает и когда недостающие заказанные предметы могут быть готовы и отпущены войскам.

Заготовительные отделы ГАУ, по проекту, должны были ведать заказами предметов вооружения по требованиям распорядительного отдела снабжения и являлись ответственными за своевременность заготовления. В одном из заготовительных отделов предполагалось сосредоточить управление техническими артиллерийскими заведениями, при чем начальником этих заведений являлся начальник отдела. При этом условии возможно было ожидать строгой согласованности в выполнении нарядов техническими артиллерийскими заведениями и устранить крайне несоответственный порядок, когда один и тот же завод или арсенал получал наряды от различных хозяйственных отделений ГАУ, не считавшихся ни с производительностью заводов, ни с перегруженностью их заказами.

По проекту, артиллерийский комитет преобразовывался в техническую часть, подразделенную на самостоятельные отделы по той или иной специальности; в каждом отделе должно было разрешаться окончательно большинство дел по данной специальности. Отделы предполагалось приблизить, с одной стороны, к живому делу техники и строя, с другой

стороны, к соответственным отделениям ГАУ, с которыми, а равно с соответствующими заводами отделы должны были находиться в постоянном непосредственном общении.

В случае возникновения в отделениях ГАУ маловажного технического вопроса, он должен был разрешаться, не выходя из отделения, путем приглашения для консультации лиц из соответствующих отделов технической части (арт. комитета) или специалистов с заводов, не возбуждая излишней переписки.

При невозможности решить вопрос таким путем или при разрешении вопроса, возникающего помимо отделений ГАУ, он передавался на обсуждение подлежащего отдела технической части. К обсуждению должны были привлекаться не только причастные лица соответствующих отделов и отделений ГАУ, но и друдие специалисты, и при том не только военные, которые могли быть полезными в этом случае.

Подобным же образом предполагалось разрешать вопросы о новых изобретениях в области артиллерии, но при обязательном участии приглашаемых для этого специалистов военного и посторонних ведомств, а также представителей от войск, в зависимости от характера разрешаемого дела.

Только в исключительных случаях для разрешения наиболее серьезных общих вопросов предполагалось допускать общие собрания всех или только некоторых отделов технической части и также с обязательным участием приглашаемых специалистов по обсуждаемому вопросу, представителей от войск, от ГУГШ и проч.

В состав технической части предполагалось включить отдел „по образованию артиллерии и по изданию специальных артиллерийских уставов, положений и руководств", в котором признавалось необходимым сосредоточить все подобные вопросы, разбросанные по различным отделениям ГАУ и ГУГШ и по разным комиссиям [1]) (наиболее деятельной из них была комиссия по разработке артил. руководств, образованная под председательством начальника артиллерии Петроградского военного округа ген. Краевского из представителей от ГУГШ, от ген.-инспектора артиллерии, арт. комитета, офиц. артил. школы и строевых арт. частей; комиссия работала с 1911 г. до начала войны; ею изданы почти все описания материальной части скорострельной полевой артиллерии и другие руководства арт. службы).

Составленный в ГАУ проект реорганизации дважды возвращался для переработки, как неодобренный военным министром. В начале 1913 года основные положения для преобразования ГАУ были выработаны помощником военного

---

[1]) Записки о реорганизации ГАУ ген. Леховича, ген. Дымша и автора этого труда.

министра. Пересоставленный до неузнаваемости на предуказанных началах проект был утвержден законодательными учреждениями весною 1914 года. Преобразование ГАУ настолько не соответствовало предположениям первоначального проекта, что, по личному мнению начальника ГАУ, ген. Кузьмина-Караваева, было не жизненно.

Утверждение проекта дало возможность несколько усилить личный состав ГАУ, в котором недостаток работников дошел до крайности. Но проект не был проведен в жизнь, так как с началом войны 1914 года помощник военного министра признал не своевременным изменять работу ГАУ по новому его переустройству [1]).

в) Число орудий в артиллерии—действующих и запасных.

До мировой войны при расчетах числа орудий для вооружения армии обычно придерживались нормы наполеоновской эпохи: 4—5 орудий на тысячу штыков и сабель. Базируясь на принципах наступательной войны, крайне опасались перегрузить армию артиллерией, связать тыл армии массою требующихся для артиллерии тяжеловесных боевых припасов, сделать ее малоподвижною и неспособною к активным действиям.

В 1914 году, к началу войны, число орудий в русской армии не достигало даже указанной наполеоновской нормы и составляло на тысячу бойцов не более 3 действующих полевых орудий всех родов—пушек и гаубиц легких, горных и полевых тяжелых; на корпус из двух дивизий попрежнему имелось лишь 108 полевых орудий (96 пушек и 12 гаубиц).

По мобилизационному расписанию, составленному по данным организации армии 1910 года, должно было состоять в войсках [2]) число батарей, показанное в таблице на стр. 110.

Недостающие 42 конных и 16 горных пушек были изготовлены и переданы войскам перед началом войны. Возможно считать, что мировую войну Россия начала, имея всю полевую артиллерию, положенную для обеспечения армии по мобилизационному расписанию 1910 года.

Так было в 1914 году, но если бы война началась года на два раньше, то значительная часть мортирной и вся полевая тяжелая артиллерия, включенная в мобилизационное расписание 1910 года, оказалась бы без орудий и прочей материальной части.

Мобилизационное расписание 1910 года разрабатывалось в ГУГШ без всякого участия ГАУ, которое не посвящалось в ход работ даже по специально артиллерийской части. Дей-

---

[1]) Показания ген. Кузьмина-Караваева, стр. 100.

[2]) Доклад ГАУ военному министру 1910 г. № 700. А. А. Маниковский. „Боевое снабжение русской армии". Ч. II. Стр. 7—11.

„Свод сведений", собранных для верховной следствен. комиссии, учрежденной 25 июля 1915 г.

Наименование орудий.	Число батарей.	Положено число оруд.		К началу войны оруд.	
		В батарее.	Всего в войсках.	Состояло в войск.	+ −
3-*дм.* скор. легкие пушки	685	8	5.480	5.480	0
„ „ конные „	72	6	432	390	—42
„ „ горные „	45¹/₄	8	362	346	—16
„ „ конно-горные пушки . . .	7	6	42	42	0
„ „ скор. конно-горн. пушки Заамурск. погран. стражи	5	4	20	20	0
48-*лин.* полевые гаубицы	85¹/₃	6	512	512	0
6-*дм.* полевые тяжелые гаубицы . .	41	4	164	164	0
42-*лин.* „ „ пушки . . .	19	4	76	76	0
Итого	959	—	7.088	7.030	—58

ствуя совершенно самостоятельно, ГУГШ не учитывало главнейшего элемента — времени, необходимого на изготовление материальной части, недостающей для вооружения батарей, включаемых в мобилизационное расписание.

В результате оказалось, что в случае мобилизации не только в 1910 году, но и в позднейшие 3—4 года Россия не в состоянии была вооружить всю артиллерию, включенную в расписание, за недостатком орудий и прочей материальной части. До нормы мобилизационного расписания в 1910 году не хватало орудий: на 1 полевую легкую батарею, на 6 горных батарей, на 56 мортирных и на все 60 полевых тяжелых батарей.

Получив из ГУГШ мобилизационное расписание 1910 года для исполнения, ГАУ 25 мая (7 июня) 1910 года [1]) вынуждено было доложить военному министру, что боевую готовность армии по этому расписанию в отношении артиллерии нельзя считать обеспеченной, так как до заготовления недостающей материальной части нельзя будет сформировать все включенные в расписание артиллерийские части и что особые за-

[1]) Доклад ГАУ военному министру 1910 г. № 700. А. А. Маниковский. „Боевое снабжение русской армии". Ч. II. Стр. 7—11.

труднения предвидятся в снабжении армии полевыми тяжелыми орудиями, так как „после утверждения образцов их потребуется на изготовление около 3 лет, а потому проектируемая тяжелая артиллерия будет у нас не ранее 1915 или 1916 года" [1]).

Начиная с 1908 года военный агент в Берлине ген. Михельсон доносил о чрезвычайном увеличении германских вооруженных сил, в особенности артиллерии, а в 1909 и в 1910 годах он представлял в ГУГШ даже боевые расписания войск Германии [2]). Достаточно определенные сведения имелись в ГУГШ и об австро-венгерской армии.

По данным ГУГШ [3]) к 1 (14) января 1914 года полевая артиллерия, считая и тяжелую, но без осадной, состояла: в Германии из 1.432 батарей при 8.392 орудиях, в Австро-Венгрии—из 688 батарей при 3.750 орудиях.

По тем же данным в 1914 году, ко времени войны, на пехотную дивизию приходилось следующее количество артиллерии:

Германия

12 полевых легких 6 орудийных бататерей (в том числе $1\frac{1}{2}$ легких гаубичный батарей)	72 ор.
2 полевых тяжелых 4-орудийных батареи	8 „
Всего 14 батарей	80 ор.

Австро-Венгрия

6 полевых пушечных 6-орудийных батарей	36 ор.
2 легкие гаубичные 6-орудийные батареи	12 „
1 тяжелая гаубичная 4-орудийная батарея	4 „
$\frac{1}{2}$ горной батареи	2 „
Всего $9\frac{1}{2}$ батарей	54 ор.

Россия

6 легких пушечных 8-орудийных батарей	48 ор.
1 легкая гаубичная 6-орудийная батарея	6 „
Всего 7 батарей	54 ор.

Таким образом, на каждую русскую пехотную дивизию было вдвое меньше батарей, чем в Германии и на $2\frac{1}{2}$ ба-

[1]) Доклад ГАУ военному министру 1910 г. № 700. А. А. Маниковский. „Боевое снабжение русской армии". Ч. II. Стр. 11.

[2]) А. А. Маниковский „Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 г.г." Ч. II. Стр. 17—18.

[3]) „Очерк вооруженных сил Германии, Австро-Венгрии и Румынии к 1 января 1914 г. г." изд. ГУГШ.

тареи меньше, чем в Австрии, но при тех же 54 орудиях, при чем в Австрии в число этих 54 орудий входили 4 тяжелых гаубицы.

По сведениям Гаскуэна [1]), в германской дивизии состояло 9 легких пушечных 6-орудийных батарей и 3 легких гаубичных 6-орудийных батареи, всего 12 батарей с 72 орудиями; и по этим сведениям, германская дивизия обладала значительно сильнейшей артиллерией.

Если же принимать во внимание численность только перволинейных войск, выставленных к началу мировой войны,

ГОСУДАРСТВА.	Выставлено перволинейных войск.		Число орудий на тысячу штыков или сабель.
	Штыков и сабель.	Орудий.	
Россия	1.939.000	6.720	3,4
Франция	1.128.000	4.248	3,8
Всего	3.067.000	10.968	3,6
Германия	1.351.000	6.004	4,4
Австрия	877.000	3.090	3,5
Всего	2.228,000	9.094	4,1

то, как видно из таблицы, количество орудий, приходящихся на тысячу штыков или сабель, составляло: в России 3,4, во Франции 3,8, в Германии 4,4 и в Австрии 3,5 орудия, т.-е. Россия была значительно слабее Германии.

Из этой таблицы видно, что по числу орудий на тысячу штыков Россия с Францией вместе были слабее Германии с Австрией.

Между прочим, при рассмотрении сметы ГАУ на 1913 год, государственная дума обратила внимание военного министра, что некоторые иностранные армии превосходили русскую не только организацией артиллерии, но и числом орудий, приходящихся на каждую тысячу штыков. Представитель военного министерства объяснил тогда, что вопрос о преимуществе того или иного соотношения между численностью пехот-

[1]) Гаскуэн. „Эволюция артиллерии во время мировой войны". Стр. 10—13.

ных и артиллерийских частей, составляющих одну боевую единицу, „признается весьма спорным“ [1]). Объяснение неопределенное и необоснованное. Вскоре после того, военное министерство вошло с представлением в государственную думу об усилении армии по большой программе 1913 года и, главным образом, артиллерии (см. главу IV).

В особенности значительно превосходила Германия по количеству гаубичной и тяжелой артиллерии. По данным, имевшимся в ГУГШ к 1 января 1914 года, германская тяжелая артиллерия состояла из 381 батареи при 1.396 орудиях, в том числе 100 полевых тяжелых батарей с 400 орудиями и 281 батарея осадного типа с 996 тяжелыми орудиями.

По сведениям штаба Западного фронта [2]) германская тяжелая артиллерия состояла при мобилизации, считая полевые, резервные, ландверные, запасные, ландштурменные и сверхкомплектные части, всего из 815 батарей с 3.260 орудиями; в том числе полевая тяжелая артиллерия из 100 батарей с 400 тяжелыми 15-*см* гаубицами и 36 батарей с 144 тяжелыми мортирами калибра 21-*см* (8,2 *дм.*).

По французским источникам, германская тяжелая артиллерия имелась при корпусах — 16 тяжелых 150-*мм* гаубиц на корпус и при армиях — различное число групп, вооруженных частью 210-*мм* мортирами, частью длинными 10, 13 и 15-*см* пушками; всего же в германской тяжелой артиллерии насчитывалось приблизительно 1.000 тяжелых 150-*мм* гаубиц и 1.000 тяжелых 210-*мм* мортир и длинных пушек, пригодных для полевой войны. По тем же источникам в германской артиллерии при дивизиях состояло по 18 легких 105-*мм* гаубиц на дивизию, а всего около 1.500 легких 105-*мм* гаубиц. Сверх того, у немцев было значительное число осадных орудий, большей частью устарелых.

Между тем, на вооружении русской армии было лишь 512 легких 48-лин. гаубиц, т.-е. втрое меньше, чем у немцев, и 240 полевых тяжелых орудий (42-*лин.* пушек—76 и 6-*дм.* гаубиц—164), т.-е. в 4 раза меньше, а тяжелой артиллерии осадного типа, которую возможно было бы использовать в полевой войне, по мобилизационному расписанию 1910 года вовсе не предусматривалось.

В отношении легких гаубиц и тяжелой артиллерии русские уступали даже австрийцам, у которых к 1914 году имелось на вооружении армии 944 легких гаубицы, 168 полевых тяжелых орудий и 338 разных тяжелых осадных орудий, пригодных для полевой войны, т.-е. почти вдвое больше.

Таким образом, в отношении обеспечения армии артиллерией, русские пренебрегли одним из принципов военного

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 186—918.

[2]) „Германская армия“, изд. 1917 г. штаба главнокомандующего армиями Западного фронта.

искусства, установившихся при Наполеоне, — „не уступать в вооружении противнику". И хотя в виду союза с Францией не предполагалось без ее участия вести войну с Германией и Австрией один на один, но все же следовало учесть, во-первых, то обстоятельство, что даже при направлении на западный фронт против Франции большей части своих сил, Германия с Австрией все же были бы значительно сильнее в артиллерии и, во-вторых, то, что союзница—Франция, так же, как и Россия, имела слишком мало тяжелой артиллерии.

Во Франции тяжелая артиллерия к началу войны в 1914 г. была в зачаточном состоянии лишь при армиях, а при дивизиях и при корпусах ее вовсе не было. На армию полагалось, в качестве тяжелой армейской артиллерии, несколько групп (3, 4, 5 — сообразно задаче, возлагавшейся на армию). Во всех группах, сформированных в период мобилизации перед началом мировой войны, было около 300 орудий разных типов: весьма мало 105-*мм* длинных пушек обр. 1913 года новой системы, все остальные устаревших систем—120-*мм* короткая пушка обр. 1890 года типа легкой гаубицы, 120-*мм* длинная пушка обр. 1878 г. и 155-*мм* гаубица Римальо обр. 1904 г. [1]).

Интересно сопоставить общее число батарей и орудий, какое оказалось в 1914 году на вооружении армий России и Франции, с одной стороны, Германии и Австрии, с другой.

Всего, за округлением цифр, к началу мировой войны состояло:

Название государств.	Общее число батарей.	Общее число орудий.
Россия	959	7.088
Франция [2])	1.075	4.300
Итого	2.034	11.388
Германия [3])	1.713	9.388
Австрия [4])	785	4.088
Итого	2.498	13.476

[1]) Гаскуэн. „Эволюция артиллерии в мировую войну", стр. 10 и 13.

[2]) Гаскуэн. „Эволюция артиллерии в мировую войну", стр. 13

[3]) По данным ГУГШ. По Гаскуэну около 1.710 батарей при 8.500 орудиях. По сведениям штаба Западного фронта, изданным в 1917 году, 1.607 батарей при 8.012 орудиях.

[4]) По данным ГУГШ к 1 января 1914 года.

Таким образом, не только Россия, но и ее союзница Франция, готовились к войне далеко не предусмотрительно и оказались к началу войны по количеству артиллерии значительно слабее своих противников-немцев.

Французы, будучи приверженцами исключительно наступательной тенденции, недостаточно учитывали то громадное значение, которое, по словам Гаскуэна, „суждено было приобрести артиллерии, технике и машинизму в последней войне“ [1]), и главное свое внимание сосредоточили на полевой легкой артиллерии. Закон о чрезвычайном усилении полевой легкой артиллерии (на 50%) французский парламент принял еще в начале 1909 года и даже „вопреки мнению многих офицеров генерального штаба и строевых офицеров всех родов оружия“ [1]).

Русские, во многом разделявшие в то время взгляды французов, однако, не последовали за ними в отношении своевременного увеличения полевой легкой артиллерии, несмотря на уроки русско-японской войны и несмотря на неоднократные заявления генерал-инспектора артиллерии о настоятельной необходимости реорганизации и усиления артиллерии. Количество орудий с относящейся к ним материальной частью, какое следовало содержать в запасах военного времени, установлено было военным министром по докладу ГУГШ в 1910 г. (см. главу III) [2]).

В приводимой ниже таблице указано, сколько орудий должно было состоять в запасах по мобилизационному расписанию 1910 года и сколько их оказалось к началу войны — к 20 июля 1914 года:

НАИМЕНОВАНИЕ ОРУДИЙ.	Должно было состоять орудий в запасах.		К началу войны состояло орудий в запасах.	
	%	число	число	±
3-*дм.* полевые пушки	15	781	785	+ 4
3-*дм.* конные „	15	61	17	— 44
3-*дм.* горные „	15	57	32	— 25
48-*лин.* полев. гаубицы	15	74	22	— 52
6-*дм.* полев. тяж. гаубицы . . .	10	16	9	— 7
42-*лин.* полев. тяж. пушки . .	10	8	8	0
Итого	—	997	873	— 124 (12%)

[1]) Гаскуэн. „Эволюция артиллерии в мировую войну“, стр. 13.
[2]) Дело В.-Уч. Архива 130[illegible]-669.

Кроме того, для 28 батарей государственного ополчения должно было состоять 224 поршневых пушки обр. 1895 г., а имелось 125 пушек, т.-е. нехватало 99 пушек или 45.%.

Недостаток орудий в запасах не был особенно угрожающим; запасы орудий были пополнены в ближайшие месяцы войны. Но при общей слабости вооружения русской артиллерии, по сравнению с артиллерией Германии, недостаток этот являлся одним из показателей недостаточно серьезного отношения к столь могущественному фактору современной войны, каким является артиллерия.

г) Материальная часть артиллерии—орудия и снаряды.

Образованная при ГАУ, с представителем от ГУГШ, комиссия по выбору систем орудий (см. главу II), в конечном результате, остановилась на следующих образцах орудий для артиллерии:

а) для полевой легкой гаубичной — 48-лин. гаубица образца 1909 года.
б) для полевой тяжелой артиллерии — 42-лин. пушка " 1910 "
" " " " — 6-дм. полевая гаубица обр. 1910 "
в) для осадной тажелой артиллерии— 6-дм. креп. гаубица " 1910 "
" " " " — 6-дм. осадная пушка " 1910 "
" " " " — 8-дм. осадная гаубица " 1911 "
" " " " —11-дм. осадная мортира " 1912 "

Как приводилось выше, к началу мировой войны в 1914 году в войсках состояли полностью 48-лин. и 6-дм. полевые тяжелые гаубицы и 42-лин. пушки, положенные по мобилизационному расписанию 1910 года. Из орудий осадной тяжелой артиллерии к началу войны имелись лишь единичные экземпляры осадных 6-дм. пушек (Шнейдера) и несколько 6-дм. (тяжелых) крепостных гаубиц. Этого ничтожного количества осадных орудий не стоит принимать во внимание при оценке состояния артиллерии к началу войны. Прочие орудия, принятые для осадной тяжелой артиллерии, были частью заказаны, при чем сдача первых изготовленных орудий ожидалась в 1915—1916 году, частью находились в периоде дальнейших испытаний с целью усовершенствования образцов.

В нижеприводимых двух таблицах А и Б [1]) помещены данные об основных свойствах орудий и снарядов к ним, состоявших в 1914 году на вооружении полевой артиллерии русской, французской и немецкой.

Об основных свойствах 3-дм. легкой полевой пушки и ее снарядов, а также о свойствах 3-дм. горной пушки образца 1909 года сказано было выше (см. главу I и II).

---

[1]) „Свойства орудий и краткие указания для их применения". Изд. 1916 г. Штаба верховного главнокомандующего.

Л. Гобято. „Артиллерия полевых армий". Изд. 1913 г.

„Пособие по стрельбе полевой артиллерии". Изд. 1911 г., под редакцией ген. Краевского.

А. Полевая легкая артиллерия.

Род орудий.	НАЗВАНИЕ ГОСУДАРСТВ.	СИСТЕМА.	Калибр в дм.	Вес в фунтах.		Число пуль в шрапнели.	Начальная скорость — фут. в секунду.	Наибольшая дальность в саж.		Вес системы в пуд.		Предельн. число выстр. в секунду.
				Снаряда.	Разрывн. заряда.			Гранаты.	Шрапнели.	Походное положение.	Боевое положение.	
Пушки.	Россия	3-дм. полев. скор. пушка обр. 1902 г.	3,00	16	2	260	1.930	4.000	3.900 [1]	123	65	10
	Россия	3-дм. горная скор. пушка обр. 1909 г.	3,00	16	2	260	1.250	3.300	3.300 [2]	75	38	10
	Франция	75-*мм* скоростр. пушка обр. 1897 г.	2,95	17	2	290	1.740	4.000	3.760	114	69	15
	Германия	77-*мм* полев. модель П. А. 96	3,03	16,7	0,4	300	1.525	3.940	2.500	116	62	10
	Австрия	76,5-*мм* полев. модель М. 5.	3,02	16,3	0,5	315	1.640	3.200	2.850	111	60	10
Гаубицы.	Россия	48 лин. полев. гаубица обр. 1909 г.	4,80	56	$11^3/_4$	500	1.100	3.600	3.600 [3]	145	90	2
	Франция	120-*мм* коротк. пушка Шнейдера	4,70	48,8	10	650	—	3.780	3.250	136	86	2
	Германия	10-*см* легкая полевая гаубица обр. 1909 г.	4,10	38,7	4,4	500	1.050	3.280	2.450	135	73	2
	Австрия	10-*см* легкая гаубица модель М. 99	4,10	35	3	450	950	2.850	2.600	113	60	2

[1]) При 34 сек. трубке, а при 22 сек. трубке лишь 2.600 саж. [2]) При 36 сек. трубке, а при 22 сек. трубке около $3^1/_2$ верст. [3]) При 45 сек. дистанц. трубке.

Рассмотрение сравнительных данных таблицы А приводит к заключению, что русская армия обладала 3-дм. легкой полевой пушкой образца 1902 года—одной из лучших полевых пушек подобного типа, существовавших в то время.

Наибольшая дальность стрельбы русской 3-дм. легкой полевой пушки, как и французской, до 8 верст считалась тогда достаточной для полевого маневренного боя, но во время мировой войны к полевым пушкам 34 сек. дистанционные трубки не отпускались, а с 22 сек. трубками дальность 3-дм. шрапнели получалась лишь 2.600 саж. Наибольшая дальность германской 77-*мм* пушки около 7 верст, а полевой австрийской пушки еще меньше—для гранаты около 6 верст.

Русская 3-дм. пушка имеет самую большую начальную скорость снаряда по сравнению с пушками других государств и обладает чрезвычайно настильной траекторией. При сравнении балистических свойств пушек необходимо сравнивать скорость полета снаряда на разном расстоянии от орудия, которая зависит от наивыгоднейшей комбинации начальной скорости, веса и конструкции снаряда.

Русская 3-дм. шрапнель не приспособлена к сохранению большой начальной скорости и поэтому уже в начале ее полета происходит быстрое падение скорости. В результате русская пушка, имеющая начальную скорость больше, чем у французской 75-*мм* пушки, преобладает над нею приблизительно лишь до $3^1/_2$ *км*, а дальше $3^1/_2$ *км*—французская пребладает над русской. Германская полевая пушка, в смысле сохранения скорости снаряда на дальней дистанции, лучше других, и если, тем не менее, дальность ее шрапнельного огня является наименьшей по сравнению с другими, то это можно объяснить дистанционной трубкой, которая не дает большого времени горения, а также малым весом шрапнельных пуль, которые требуют больших окончательных скоростей шрапнели, чтобы наносить поражение.

Большая начальная скорость делает русскую 3-дм. пушку менее устойчивой при выстреле, что в связи с отсутствием независимости прицельных приспоблений вредно отзывается на скорострельности пушки; по скорости стрельбы русская пушка значительно уступает французской.

О положительном свойстве 3-дм. пушки—губительность шрапнельного огня по открытым целям и об отрицательных свойствах—малая подвижность (по весу системы в походном положении она значительно тяжелее всех других) и бессилие шрапнельного огня против укрытых целей сказано выше. (См. I и II главы).

Там же указаны средства к возможному ослаблению этих отрицательных свойств.

Для сопровождения пехоты в бою может служить горная 3-дм. пушка [1]). Французский артиллерист, майор генерального штаба Бруссо, в своем предисловии к переводу на французский язык русского: „Наставления для действия полевой артиллерии в бою“ (изд. 1912 г.), приветствует идею использования горной артиллерии в полевом бою для работы в ближней связи с пехотой в качестве артиллерии могущей двигаться везде, „где проходят люди“. Коснувшись этого вопроса, наиболее неопределенного во всех европейских уставах того времени, М. Бруссо высказывает, что опыт русско-японской войны ясно доказал следующее:

а) на трудно проходимой местности горная пушка всегда должна быть предпочтена полевой;

б) наличность нескольких орудий на линии передовых стрелковых цепей дает решительный перевес как при атаке, так и при обороне;

в) использование для последней цели громоздких полевых орудий является делом очень „деликатным“, опасным и часто совершенно невыполнимым.

По мнению М. Бруссо, горные орудия отличаются до 3.000 метров такими же балистическими свойствами, как полевые (легкие) орудия до 5.000 метров; поэтому на линии стрелковых цепей горные пушки будут обладать могуществом полевых, при несравненно большей способности к передвижениям и к использованию всякого рода встречающихся на местности закрытий.

По словам м. Бруссо, „горная артиллерия это,—лучшая артиллерия для сопровождения атакующей пехоты [2]).

Русская горная пушка обр. 1909 г., как видно из нижеприводимой таблицы, несколько уступая полевым легким пушкам по балистическим качествам, значительно превосходила горные пушки, имевшиеся в 1914 году на вооружении только во Франции, Австрии и Японии, но была тяжелее последних [3]).

Горная пушка, по существу, является гаубицей и потому может действовать по закрытым целям несравненно успешнее, чем полевая легкая пушка, но по мощности снаряда горная пушка, имея меньший калибр, слабее гаубицы.

Система лафета горной пушки обр. 1909 г., разбирающегося на две части—лобовую и хоботовую для перевозки на вьюках, недостаточно прочна; особенно сильно расшатывались лафеты в местах соединения лобовой и хоботовой части при колесном движении; узкий ход лафета, передка и зарядного

---

[1]) В особенности, если систему 3-дм. горной пушки обр. 1909 г. сделать неразборной и несколько облегчить.

[2]) A. Broussaud. „Instruction russe pour l'emploi de l'artillerie de compagne au combat“. Paris. 1912.

[3]) Л. Гобято. „Артиллерия полевых армий“ ч. I. Изд. 1913.

	Система	Калибр дм.	Вес в фнт.		Число пуль в шрапнели	Начальная скорость в фут.	Наиб. дальн. в саж.		Вес сист. в пуд.	
			Снаряда	Разрывн. снаряда			Гранаты	Шрапнели	Походн. положен.	Боевое положен.
Россия горн. пушка . .	Обр. 1909	3,00	16,00	2,00	260	1.250	3.300	3.300	75	38
Франция горн. пушка . .	Дюкре 1909	2,49	11,12		138	1.085	2.350	2.350		24,4
Австрия горн. пушка . .	м. 1899	2,90	11,75	1,75	216	930	2.400	1.900		19,7
10-*см* горн. гаубица	м. 1908	4,00	г. 36,7 ш. 31,7			920	2.800	2.600		
Япония горн. пушка . .	Шнейд 1911	2,95	13,75			1.340	3.000			31,2

ящика затруднял колесное движение на быстрых аллюрах, так как на поворотах происходило довольно часто опрокидывание лафета и порча материальной части.

В виду других превосходных качеств горной пушки обр. 1909 г. было весьма желательно сделать ее удобной для колесного движения, чтобы создать более подвижные батареи для маневрирования с пехотой и заменить малоподвижные 3-дм. пушки обр. 1902 г. в конных батареях горными. На Путиловском заводе в 1912—1913 г.г. делались соответствующие приспособления в материальной части горной пушки обр. 1909 г.—лафет делался неразборным и несколько упрощенным, уширялся колесный ход лафета, передка и зарядного ящика во избежание опрокидывания и проч. Но работа эта не получила реального осуществления к началу мировой войны.

В 1913 году решено было перевооружить конную артиллерию новой облегченной и более скорострельной пушкой Шнейдера обр. 1913 г., заказанной в количестве нескольких сот экземпляров Путиловскому заводу, но пушки эти не были заводом изготовлены не только к началу, но и к концу войны.

Гаубица, как известно, является орудием средним между длинной пушкой с отлогой настильной траекторией и короткой мортирой с крутой навесной траекторией и предназна-

чается, главным образом, для разрушения земляных и прочих закрытий сильным фугасным действием ее бомбы. Чем больше полезный груз бомбы (отношение веса взрывчатого вещества, помещающегося в снаряде, к весу снаряда), тем фугасное действие бомбы сильнее. В этом отношении бомба 48-лин. гаубицы является наиболее мощной по абсолютному своему весу и весу разрывного заряда: 56 фн. абсолютный вес и почти 12 фн. взрывчатого вещества. Гаубичная шрапнель применяется для поражения закрытых целей, занимающих более или менее широкий район; в виду относительно небольшой меткости гаубиц, для хорошего поражения узких целей требуется значительный расход шрапнелей, который не всегда может окупиться достигаемыми результатами. Вообще гаубичная шрапнель слабее пушечной и считается второстепенным снарядом для гаубиц.

По дальности стрельбы—несколько более 7 верст 48-лин. гаубица самая дальнобойная.

Обладая мощным фугасным снарядом, достаточной дальнобойностью и скорострельностью, русская 48 - лин. гаубица является и самой тяжелой. Вес ее в порядке для движения—145 пуд. значительно превосходит предельный груз, допускаемый при 6-ти конной тяге—не более 115—120 пудов, вследствие чего она громоздка и не всегда может поспевать за войсками в маневренной войне; вес ее в положении для боя—90 пуд. также чрезмерно велик, что затрудняет и утомляет людей, обслуживающих гаубицу во время стрельбы.

Меткость гаубицы можно считать удовлетворительной.

Из рассмотрения таблицы Б можно убедиться, что по системе орудий и по мощности снарядов русская полевая тяжелая артиллерия в общем превосходила германскую (но не организацией и численностью).

Как видно из таблицы, русская 42-лин. пушка значительно превосходит германскую и австрийскую 10-*см.* пушку и по своей меткости, настильности траектории и дальнобойности—10 верст шрапнелью и 12 верст гранатой (французского образца) является лучшей пушкой типа полевой тяжелой артиллерии. Действие ее шрапнели губительнее 3-дм. шрапнели (600 пуль, а у 3-дм. шрапнели 260) и поражаемая площадь обширнее на средней дистанции около 4 *км.*—до 350-400 саж. в глубину при незначительной ширине 15-20 саж.

Вследствие громадной начальной скорости и большой настильности траектории действие 42-лин. пушки, как и 3-дм. легкой, по укрывшемуся противнику совершенно ничтожно. Граната 42-лин. пушки, имея небольшой полезный груз ($5^3/_4$ фун. взрывчатого вещества) немногим превосходит по силе фугасного действия 3-дм. гранату. Однако, дальность гранатного огня 42-лин. пушки до 12 верст является весьма

Б. Полевая тяжелая артиллерия [1])

Род орудий	Название государств	Система	Калибр в дм.	Вес в фунтах		Число пуль в шрапнели	Начальн. скор. фут. в сек.	Наибольш. дальн. в саж.		Вес системы в пудах		Предельн. число выстрелов в минуту
				Снаряды	Разрывного заряда			Гранаты (бомбы)	Шрапнели	Походн. полож.	Боевое полож.	
Пушки	Россия	42-лин. скор. пушка обр. 1910 г.	4,2	40	5	600	1.900	5.000/6.000 [2])	5.000 [3])	154	130	5
	Франция	105-*мм* скор. пушка обр. 1913 г.	4,2	39	5	600	около 2.000	5.800	5.800	162	140	6
	Германия	10-*см* скор. пушка обр. 1904 г.	4,1	44	5	680	1.840	4.820	4.700	214	167	—
	Австрия	10,5-*см* пушка тяж. полев. арт.	4,1	39	—	700	1.970	5.750	5.750	222	171	—
Гаубицы	Россия	6-дм. полев. гауб. обр. 1910 г.	6	100	21,5	690	1.100	3.600	3.600 [3])	154	130	2
	Россия	6-дм. креп. гаубица обр. 1909 г.	6	100	21,5	690	1.250	4.100	4.100 [3])	187	170	2
	Франция [4])	155-*мм* коротк. полев. пушка обр. 1915 г.	6,1	105	29,3	654	950	4.500	4.450	226	198	1
	Германия	15-*см* тяж. полев. гауб. обр. 1902 г.	5,9	98	17	шрапн. нет	1.065	3.500	—	160	128	2
	Австрия	15-*см* батар. гауб. обр. 1899 г.	5,9	92	18	380	890	2.620	2.340	181	163	—

[1]) „Свойства орудий и краткие указания для их применения“ изд. 1916 г. Штаба верховного главнокомандующего.
Л. Гобято „Артиллерия полевых армий“ изд. 1918 г.
П. Карачан „Записки по тактике полевой артиллерии“ изд. 1915 г.

[2]) При удлиненной гранате французского образца.

[3]) При 45-сек. дистанционной трубке.

[4]) К началу мировой войны Франция этих пушек (гаубиц) не имела, она имела 155-*мм* гаубицы Римальо обр. 1904 г. с дальностью до 6.000 *м*.

ценным свойством для поражения противника на больших дистанциях, находящегося в походных колоннах или в глубоких резервах, или для поражения дальнобойной неприятельской артиллерии, занявшей позицию далеко за боевыми своими линиями, для стрельбы по наблюдательным аэростатам противника и проч. При всех своих отличных балистических качествах 42-лин. пушка относительно легка, — 154 пуда в походном положении и 130 пуд. в положении для боя.

Легкость 42-лин. пушки на походе делает возможным участие ее в составе авангарда в наступательных и, в особенности, во встречных операциях. Противник, попавший под хороший дальний огонь 42-лин. пушки, вынужден будет преждевременно развернуться из походного в боевой порядок или остановиться в невыгодных для себя условиях; все это способствует захвату инициативы, что является залогом успеха в бою.

Скорострельная 6-дм. гаубица полевой тяжелой артиллерии обладает большой дальностью стрельбы и мощным фугасным снарядом. Дальность ее—7 верст 100 саж. несколько превышает дальность германской 15-*см* гаубицы, а 15-*см.* австрийской гаубицы—почти на 2 версты. Фугасная 6-дм. гаубичная бомба весит $2^1/_2$ пуда при 21,5 фунта взрывчатого вещества (германская и австрийская 15-*см.* бомбы несколько слабее); она пригодна для разрушения не только земляных укреплений, но и других более прочных построек, не исключая убежищ из бетона или прикрытых 1—2 саж. слоем земли. 6-дм. гаубица имеет шрапнель весьма сильную (около 700 пуль), но шрапнель вообще несвойственна гаубицам и в особенности крупного калибра, главное и прямое назначение которых—разрушение укрытий, а не поражение живых целей. Наличие шрапнели при 6-дм. гаубицах является скорее даже вредным, чем полезным, так как в боевом комплекте, во избежание его перегрузки, приходится содержать меньше бомб; кроме того, у некоторых начальников, недостаточно знакомых со свойствами артиллерии, возникает желание пострелять из гаубиц шрапнелью в ущерб основному огню бомбой.

Крепостная 6-дм. гаубица обр. 1909 г., как видно из таблицы „Б“, была дальнобойнее полевой тяжелой обр. 1910 г. Как уже упоминалось, к началу войны Россия не имела тяжелых осадных орудий новейших систем.

Между тем, по сведениям, полученным ГУГШ в 1913 году из негласных, но достоверных источников, в Германии на вооружении состояли весьма мощные тяжелые орудия осадного типа [1]), а именно:

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива, 179—489.

21-*см* (8,25-дм.) мортира—снаряд один (тонкостенная бомба) весом 119 *кг* ($17^1/_4$ пд.), наибольшая дальность 7.700 метров, вес системы в походном положении 4.300 *кг*; принята была на вооружение полевой тяжелой артиллерии и предназначалась для разрушения сильно укрепленных мест, хорошо действовала по земляным закрытиям, по сводам старого образца и даже по бетонным сводам, но при условии попадания в одно место нескольких снарядов; предназначалась также для отравления орудийной прислуги противника пикриновыми газами.

28-*см* мортира на колесном ходу, стреляющая без платформы—снаряд весом 340 *кг* (21 пд.), начальная скорость 340 метров, наибольшая дальность до 11.000 метров, вес системы в походном положении 8.930 *кг*, перевозилась двумя автомобилями; предназначалась для разрушения бетонных сводчатых и новейших бронированных построек. По сведениям ГУГШ, в Германии имелось в 1913 году 6 батарей таких мортир, по 2 мортиры в батарее. Кроме того, в том же 1913 году в Германии вводилась еще более сильная 32-*см* мортира, при чем уже имелось 2 батареи по 2 таких мортиры в батарее.

В Австро-Венгрии вводилась в 1913 году мощная 30-*см* гаубица, перевозимая на 3 автомобилях (на одном орудие, на другом лафет, на третьем платформа),—вес снаряда 390 *кг* с разрывным зарядом в 30 *кг*, наибольшая дальность 9.600 метров [1]).

В 1914 году русская артиллерия оставалась с двумя основными типами снарядов: шрапнель и фугасная граната (свойства их см. главу I и II).

В виду слабости 3-дм. шрапнели для действия по закрытым целям и для поражения прислуги щитовой артиллерии (шрапнельные пули не пробивают щитов), с 1912 года испытывалась предложенная заводами Круппа, Рейнским металлическим и Шнейдера особая бризантная шрапнель, с головкой, снаряженной тротилом, детонирующей от удара, и с пулями, залитыми также тротилом. Опыты показали, что бризантная шрапнель при дистанционной стрельбе по войскам может заменить обыкновенную 3-дм. шрапнель, при чем головка усиливает действие шрапнели, и что при попадании в щит орудия бризантная шрапнель, разрываясь во время прохождения щита, производит сильное разрушение материальной части и поражает людей, скрытых за щитом. В виду таких преимуществ, в мае 1913 года заказана была первая партия бризантных шрапнелей германскому заводу Эргарда с правом установления их производства на русских казенных заводах, но через год началась война, и командированные на завод

[1]) Л. Гобято „Артиллерия полевых армий". Ч. I Изд. 1913 г. Стр. 287.

Эргарда приемщики оказались в германском плену, не успев выслать шрапнелей в Россию [1]).

Химических снарядов, которыми возможно было бы поражать прислугу щитовой артиллерии и до некоторой степени поражать укрывшегося противника, даже не начинали испытывать, и к мировой войне в 1914 году Россия их не имела.

Тем более она не имела снарядов зажигательных, светящихся, дымовой завесы и проч. Предполагая вести наступательную маневренную войну, не придавали серьезного значения этим второстепенным снарядам.

д) Винтовки и пулеметы.

Мобилизационное расписание 1910 года, определяющее состав армии и численность войсковых частей, штаты и табели вооружения этих частей, нормы мобилизационного запаса винтовок и пулеметов, установленные ГУГШ и утвержденные военным министром (см. главу III)—вот те данные, на основании которых в ГАУ была исчислена общая потребность армии в винтовках и пулеметах. Исчисление производилось путем простого арифметического подсчета и проверялось в ГУГШ, поэтому нельзя предполагать, что оно было неправильно. Между тем, большой недостаток винтовок обнаружился сразу же по окончании общей мобилизиций армии, произведенной с объявлением войны в 1914 году. Как видно из ниже приводимой таблицы [2]) в запасах состояло к началу войны винтовок даже больше, чем их полагалось [3]), а потому причина недостатка винтовок, обнаружившегося при мобилизации, кроется в другом,—в ошибочности тех основных данных, по которым определялась потребность армии в винтовках.

Ошибка произошла, главным образом, вследствие недостаточно правильного учета числа запасных и ратников ополчения, призываемых в армию при приведении ее на военное положение, вооружение которых не было предусмотрено.

Численность русской армии по окончании мобилизации в августе 1914 года была не менее 4.900.000 человек [4]). Между тем, положено было иметь всего 4.559.000 винтовок, включая в это число винтовки, положенные к содержанию в 10% и 5% запасах военного времени, имевшие особое назначение—пополнение убыли винтовок в войсках, а не вооружение ими запасных или ратников, призываемых по мобилизации.

---

[1]) Показания ген. Кузьмина-Караваева.

[2]) Дело В.-Уч. Архива 130. 669.

[3]) „Свод сведений, собранных для верховной следственной комиссии в 1915 г. Из запасов даже были изъяты 400.000 винтовок Бердана, как излишние (см. главу III).

[4]) „Свод сведений, собранных для следственной комиссии в 1915 году“.

НАИМЕНОВАНИЕ ОРУЖИЯ.	Положено содержать в войсках и запасах.	Состояло в войсках и запасах к началу войны 1914 года.	±
3-лин. винтовок пехотных	3.270.320	3.427.077	+ 156.757
„ „ драгунских	464.405	540.272	+ 75.867
„ „ казачьих	189.598	204.394	+ 14.796
Итого	3.924.323	4.171.743	+ 247.420
3-лин. карабинов [1])	286.259	118.657	— 167.602
4,2-лин. берданок	348.421	362.019	+ 13.598
Всего ружей	4.559.003	4.652.419	+ 93.416
Револьверов [1])	436.210	424.434	— 11.776
3-лин. пулеметов Максима [2])	4.798	3.901	— 897

В 1914 году еще не было закончено приспособление 3-лин. винтовок для стрельбы остроконечной пулей (см. главу II и IV). В октябре 1913 года военное министерство заявляло государственной думе, что на окончание этого приспособления необходимо 2.826.000 руб., в счет которых испрашивало к отпуску на 1914 год лишь 200.000 руб. [3]).

Перед самым началом войны приняты были меры к ускорению переделки 3-лин. винтовок, но все же работу эту не успели закончить и отладка винтовок производилась для некоторых войсковых частей уже во время войны в мастерских при тыловых армейских складах [4]).

Недостаток около 900 пулеметов объясняется, до некоторой степени, ассигнованием кредитов на изготовление пулеметов небольшими суммами с рассрочкой на несколько лет. На окончание изготовления пулеметов по основному плану, утвержденному еще в июле 1906 года, требовалось в конце

[1]) Недостаток 167.602 карабинов и револьверов падал, главным образом, на артиллерию, вооружение которой карабинами решено было незадолго до начала мировой войны.

[2]) Пулеметов не хватало в командах второй очереди и 385 пулеметов в 10% запасе военного времени.

[3]) Дело В.-Уч. Архива. 179—489.

[4]) Показания ген. Кузьмина-Караваева.

1913 года, т.-е. через 7 лет, еще отпустить 1 милл. рублей, в счет которых на 1914 год испрашивалось только 517.000 руб.

Производительность Тульского оружейного завода была усилена, как только началась война, в результате чего до 1 января 1915 года было изготовлено 828 пулеметов [1]) и недостаток был почти пополнен.

В общем, пулеметов было мало, так как по 2 пулемета на батальон, а если принять во внимание всех вооруженных винтовками в пехоте, то приблизительно по 1 пулемету на 1.000 человек, как это было в 1914 году, нельзя было признать достаточным.

е) Огнестрельные припасы. В главе III настоящего труда указывалось, что запас 3-лин. винтовочных и пулеметных патронов был определен не по установленным нормам, а общей цифрой, главным образом, в зависимости от ассигнования денежных сумм, какие министерство финансов признавало возможным отпустить на их изготовление. Общая цифра потребности армии в 3-лин. патронах приводится в разных документах разная; согласно показаниям бывшего начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева 2.990.700 тыс. патронов, по „своду сведений верховной следственной комиссии" 2.745.700 тыс. шт., а по докладу бывшего члена государственной думы Савича, сделанному при рассмотрении сметы чрезвычайных расходов военного министерства на 1913 год, 2.895.741 тыс. штук [2]).

Если приблизительно принять, что было около 4.500 действующих пулеметов, для которых по установленной норме—75.000 патронов на пулемет требовалось около 350 миллионов 3-лин. патронов, и что в армии в начале войны было около 3 миллионов вооруженных винтовками бойцов, то на каждую винтовку придется около 850 патронов, т.-е. значительно меньше установленной нормы—1.000 патронов на винтовку.

Фактически же к началу войны в 1914 году состояло в запасах всех категорий около 2.600 милл. 3-лин. патронов (по „своду сведений верховной следственной комиссии" 2.446 милл., а по докладу члена государственной думы Савича 2.503 мил.[3]).

Таким образом, не хватало около 400 милл. патронов даже по преуменьшенной норме; если же принять во внимание установленную норму в 1.000 патронов на винтовку, то недостаток патронов выразится в гораздо большей сумме.

Такой недостаток винтовочных патронов образовался вследствие ежегодных урезок из ассигнования на патроны, делаемых по настоянию министерства финансов. Сокращения денежных отпусков доходили до того, что патронные заводы не могли работать в полной мере, и, например, в 1911 году

---

[1]) А. А. Маниковский. „Боевое снабжение русской армии". Ч. I.
[2]) Дело В.-Уч. Архива. 179—489.
[3]) Там же.

работали лишь по 5 дней в неделю, так как военный совет не разрешал работ, не обеспеченных ассигнованным кредитом [1]).

Только с 1912 года, по настоянию государственной думы, разрешено было ГАУ давать наряды патронным заводам на полную их производительность. Но все же патроны не могли быть своевременно изготовлены в требуемом количестве, так как производительность патронных заводов и отчасти пороховых оказалась недостаточной.

На усиление производительности заводов необходимы были деньги, а их мало отпускали или вовсе не отпускали, опять-таки по настоянию министерства финансов. По весьма скромному исчислению ГАУ, в 1913 году на расширение помещений и усиление механических средств всех технических артиллерийских заведений требовалось 15.138.000 руб., а по соглашению с контролирующими министерствами испрашивалось к отпуску на 1914 год лишь 3.000.000 руб. [2]).

Тревожные сведения о недостатке ружейных патронов в действующих армиях стали поступать в ГАУ лишь в начале 1915 года [3]). Первые 5—6 месяцев войны, пока были 3-дм. пушечные патроны, несомненная нехватка ружейных патронов не беспокоила верхи армии. Напротив, в декабре 1914 года, по просьбе начальников артиллерийских снабжений фронтов, была даже приостановлена высылка 3-лин. патронов в армию, и тогда же было отпущено Сербии 80 миллионов патронов [4]).

Относительно небольшой расход ружейных патронов в первые месяцы войны 1914 года объясняется тем, что в период маневренной войны центр тяжести огневого боя лежал на артиллерии [5]).

Норма выстрелов на орудие была установлена в 1910 году (см. главу III). Неоднократно после того поднимался вопрос об увеличении боевого комплекта только для 3-дм. полевых пушек, в связи с получаемыми сведениями о норме пушечного боевого комплекта в иностранных армиях. Об увеличении запаса выстрелов к гаубицам и к пушкам более крупного калибра вопрос не возбуждался.

По мнению начальника генерального штаба ген. Жилинского, высказанного в 1911 году, следовало иметь по 1.500 патронов на 3-дм. пушку, а не по 1.000 [6]). Затем в 1912 году генерал-квартирмейстер ГУГШ, ген. Данилов сообщил началь-

---

[1]) Показания ген. Кузьмина-Караваева.

[2]) Дело В.-Уч. Архива. 179—489.

[3]) Показания ген. Кузьмина-Караваева. Стр. 18.

[4]) „Свод сведений верховной следственной комиссии, собранных в 1915 году“.

[5]) Телеграмма военному министру начальника штаба верховного главнокомандующего. 1914 г. № 652. А. Маниковский. „Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 г.г.“ Ч. III. Стр. 79.

[6]) Дело В.-Уч. Архива 187—896.

нику ГАУ, что во французской армии решено увеличить боевой комплект до 3.000 патронов на 3-дм. пушку; в то же время в ГУГШ имелись другие сведения, что во французской армии предполагают увеличить боевой комплект ружейных патронов до 3.000 на винтовку, а 75 *мм* пушечных с 1.200 до 1.500—1.800 патронов на орудие [1]).

В конце 1912 года, по настоянию ген. Жилинского, ГАУ получило 10 милл. рублей, чтобы приступить к увеличению боевых комплектов полевой артиллерии. Но это небольшое ассигнование не могло иметь существенного значения, тем более, что в то время русские заводы были перегружены заказами боевых припасов для удовлетворения установленной нормы боевого комплекта и сверх полученных заказов, приблизительно ранее 1915 года, не могли ничего изготовить; заказывать боевые припасы за границей было вообще нежелательно, а в 1914 году наступила война.

Точных сведений о боевом комплекте Германии не было, но с большою достоверностью можно предполагать, что к началу мировой войны он не превосходил 1.500 выстрелов на пушку; что же касается французов, то у них к началу войны состояло по 1.300 выстрелов и не свыше 1.500 выстрелов на 75 *мм* пушку [2]). Словом, установленный для русской артиллерии боевой комплект был уж не так мал по сравнению с комплектом, принятым в иностранных армиях. Тем не менее, с самого начала войны в русской армии оказался недостаток в 3-дм. пушечных патронах. 29 августа 1914 года начальник штаба верховного главнокомандующего писал военному министру", что вопрос о патронах для артиллерии — ужасный кошмар" [3]). Причина этого „кошмара" не в ошибочности установления нормы боевого комплекта и, как увидим ниже, даже не в том, что артиллерийское ведомство оказалось будто бы неспособным удовлетворить требования, предъявленные ему ГУГШ в 1910—14 гг. Причины другие, и главная из них — невозможность вести войну на одни запасы, заготовленные в мирное время; причина—правильно указанная ген. Смысловским (см. главу III). По той же причине и немцы, и французы, почти одновременно с русскими, переживали кризис недостатка боевых припасов.

Число выстрелов к орудиям, какое положено было содержать в боевом комплекте по нормам, установленным в 1910 г., и какое действительно состояло в 1914 году к началу войны, показано в таблице [4]).

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива. 182—090.

[2]) Гаскуэн. „Эволюция артиллерии во время мировой войны".

[3]) Красный архив, т. I. „Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем".

[4]) „Свод сведений верховной следственной комиссии, собранных в 1915 г."

Как видно из таблицы, к началу войны состояло выстрелов к 3-дм. пушкам даже несколько больше положенного— на 216 тыс. патронов.

НАЗВАНИЕ ОРУДИЙ.	Положено выстрелов.			Состояло выстрелов к началу войны.	+ —
	На одно оруд.	Всего.	В том числе в мест. парках.		
3-дм. скор. легк. пушка	1.000	5.252.700	3.256.064	5.774.780	+ 90.080
3-дм. скор. конная пушка . .	1.000	432.000			
3-дм. скор. горная пушка . .	1.200	531.600	365.600	657.825	+ 126.225
48-лин. гаубица .	1.000	512.000	351.636	449.477	— 62.523
6-дм. пол. тяж. гаубица	900 [1])	164 000	115.840	99.910	— 64.090
42-лин. пол. тяж. пушка	1.200	91.200	72.480	22.344	— 68.856
Итого . . .	—	6.983.500	4.161.620	7.004.336	+ 20.836

Примечание. Для 3-дм. легких, конных и горных пушек полагалось иметь 6/7 патронов в шрапнелях и 1/7 в мелинитовых гранатах; для 48-лин. гаубиц—1/2 в мелинитовых бомбах и 1/2 в шрапнелях.

По показаниям быв. начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева в боевом комплекте должно было состоять 5.654.300 выстрелов к 3-дм. пушкам, в действвтельности же состояло менее,—приблизительно на 500.000, так как 3-дм. патроны, израсходованные на только что законченную перед войной практическую стрельбу, не были еще восполнены из боевых припасов, заказанных, но еще не поступивших с заводов.

Во всяком случае, возможно считать, что положенное по мобилизационному расписанию 1910 года количество выстрелов к 3-дм. пушкам состояло к началу войны полностью, но выстрелов, а не собранных патронов. В собранном виде 3-дм. патроны полагалось иметь только в батареях и в артиллерийских (полевых) парках или в, так называемом, возимом запасе.

---

[1]) В комиссии ген. Поливанова при ГУГШ установлено на 6-дм. тяж. гаубицу по 1.000 выстрелов, а журналами арт. комитета 1912 г. № 302 и 1913 г. № 414 по 900 выстрелов.

Возимый запас 3-дм. патронов, в количестве 428 на 3-дм. легкую пушку, состоял к началу войны при войсках полностью; остальные выстрелы, по 572 на пушку, состояли в местных парках, частью в патронах (в местных парках типа А), частью в виде составных частей патронов и подлежали высылке на театр военных действий по мере окончательного снаряжения патронов.

В первое время войны в распоряжение командующих армиями, сверх возимого запаса готовых 3-дм. патронов, могла поступить только часть окончательно снаряженных местных парков; остальные местные парки должны были отправляться в армию постепенно, по мере готовности, в течение весьма долгого срока (по первоначальным соображениям ГУГШ, составленным в 1910 году, последний местный парк должен был быть готов к выступлению в поход на 481 день после объявления мобилизации)[1].

Таким образом, имея в боевом комплекте боевые припасы на 1.000 выстрелов на 3-дм. пушку, в действительности полевая легкая артиллерия выступила на войну приблизительно с 500—600 готовыми 3-дм. патронами на орудие, что, конечно, заставляло быть бережливым в расходовании патронов с первых же дней боевых столкновений, несколько связывало порыв к наступлению и неблагоприятно отражалось на боевых операциях.

Это серьезное обстоятельство не было в достоточной степени учтено ГУГШ при разработке плана войны, хотя оно вполне было осведомлено об условиях содержания парковых артиллерийских запасов.

Всего по мобилизационному расписанию 1910 года в русской армии было 112 легких местных артиллерийских парков. В каждом парке должно было содержаться по 29.072 пушечных и по 14 милл. ружейных патронов.

Бездымный порох и взрывчатые вещества портятся от продолжительного хранения в негерметической укупорке. Во избежание порчи при хранении в мирное время, патроны должны постоянно освежаться выдачей на текущую потребность; расход патронов на ежегодные практические стрельбы в армии был настолько мал (практических стрельб было немного, в целях экономии казны), что своевременное освежение возможно было лишь не более, как для 10% пушечных и для 33% винтовочных патронов всего боевого комплекта, положенного к содержанию во всех легких местных парках.

По степени готовности парки разделялись на три типа А, Б и В.

---

[1]) Доклад ГУГШ. Часть I обер-кварт. 3 марта 1911 года № 48. Дело В.-Уч. Архива 187-896.

Тип А—винтовочные патроны окончательно снаряжены, пушечные патроны в неокончательно снаряженном виде, т.-е. патроны вполне собраны, но без ввернутых в шрапнели дистанционных трубок (во избежание порчи трубок, предполагалось отправлять их в армию в герметической укупорке и ввертывать в шрапнели только в войсках).

Таких парков было 19.

Тип Б—винтовочные патроны снаряжены, а пушечные в разобранном виде (готовые заряды в герметических ящиках, гильзы отдельно, шрапнели с пулями, но без пороха, капсюльные втулки и трубки в герметической укупорке).

Таких парков было 25.

Тип В—винтовочные и пушечные патроны все в разобранном виде.

Таких парков было 68.

Снаряжение пушечных патронов требует специального станка для сборки снаряда с гильзою, но производится просто; снаряжение винтовочных патронов, наоборот, представляет сложную операцию, требующую особой снаряжательной мастерской, оборудованной специальными станками и механизмами.

Парки, расположенные в одном пункте, предполагалось мобилизовать и снаряжать последовательно один за другим: парки Б—1-й парк к 12 дню мобилизации, каждый последующий через 7 дней после предыдущего; парки В—1-й парк к 60 дню мобилизации, каждый последующий парк через 30 дней после предыдущего.

Местные парки горные, гаубичные и полевой тяжелой артиллерии, как не имеющие 3-лин. патронов, отнесены были к двум типам А и В.

Все парки типа А, типа Б и 12 парков типа В были расписаны по армиям, о чем были поставлены в известность соответствующие командующие войсками округов; остальные 56 парков типа В предназначались в резерв, в распоряжение военного министра.

В докладе ГУГШ начальнику генерального штаба 10/XII 1911 года № 219 [1]) указанное распределение местных парков объяснялось следующими соображениями: а) запасы парков расчитаны на продолжительное ведение войны, и потому нет надобности в первый же период кампании иметь при армиях все парки; б) условия обстановки могут заставить главнокомандующего изменить состав той или иной армии и соответственно количество потребных ей огнестрельных запасов; в) первые столкновения с немцами на линии р. р. Бобр и Нарев возможны на 12 день, а с австрийцами на 15 день. Участие в боевых столкновениях в первые две не-

[1]) Дело В.-Уч. Архива 187—896.

дели могут принять лишь 1 и 2 армии, а они к тому времени могут иметь патронов и выстрелов:

1 армия на пех. винтовку 648,	на легк. орудие 785,	на гаубицу 558	
2 " " " " 650,	" " " 737,	" " 629,	

т.-е. свыше 50% всего положенного боевого комплекта.

Этого количества ГУГШ считало достаточным, имея в виду что боевой комплект, утвержденный военным министром в 1910 году, расчитан на год войны.

Распределение местных парков, пункты их формирования и намеченные сроки их готовности в военное время представлены были помощником военного министра ген. Поливановым военному министру ген. Сухомлинову, которым и утверждены 5 марта 1911 года.

Из подробного расписания местных легких парков (см. приложение табл. 1), можно сделать следующие выводы о сроках мобилизационной их готовности:

Число парков.	Готовность к отправке в армию.
19 парков в	1-й д. моб.
8 " через	12 дней
6 " "	19 "
5 " "	26 "
2 " "	30 "
Итого 40 парк. в 1-й мес.	
2 парка через	33 дня
1 " "	40 "
1 " "	47 "
8 " "	60 "
Итого 12 парк. во 2-й мес.	
1 парк через	61 день
1 " "	68 "
8 " "	90 "
Итого 10 парк. в 3-й мес.	

Число парков.	Готовность к отправке в армию.
7 парков через	120 дней
7 " "	150 "
6 " "	180 "
5 " "	210 "
5 " "	240 "
4 " "	270 "
3 " "	300 "
3 " "	330 "
3 " "	360 "
2 " "	390 "
2 " "	420 "
2 " "	450 "
1 " "	480 "
Всего 112 парков через 1 год 4 месяца после объявления мобилизации.	

При существовавшем убеждении, что предстоящая большая война будет молниеносной, 2—6 месяцев, подобный чрезвычайно длительный срок мобилизации парков возможно было допустить разве только при полной уверенности, что значительная часть парков вовсе не понадобится в течение предполагаемой краткосрочной войны [1]).

[1]) В ГУГШ существовало и другое предположение, что война может затянуться на год, так как все расчеты норм запаса патронов и пушечных выстрелов делались на год войны (см. ниже стр. 145 и другие).

Количество огнестрельных припасов, каким могла располагать армия в первое время мобилизации, сосредоточения и начала войны, определено было в ГУГШ [1]) и считалось достаточным.

Количество это показано в нижеприводимых таблицах.

Армии.	Число 3-дм. и 3-лин. патронов на единицу оружия.									
	12-й день мобилиз.		21-й день мобилиз.		33-й день мобилиз.		47-й день мобилиз.		68-й день мобилиз.	
	Пех. винт.	Легк. пуш.	Пех. винт.	Легк. пуш.	Пех. винт.	Легк. пуш.	Пех. винт.	Легк. пуш.	Пех. винт.	Легк. пуш.
1 . .	648	785	601	678	610	690	605	690	605	690
2 . .	650	737	641	682	701	724	701	724	701	724
3 . .	492	652	416	558	479	605	466	603	466	603
4 . .	1.156	—	386	520	339	496	385	537	454	590
5 . .	250	432	335	508	312	480	374	529	435	577
6 . .	739	766	665	800	669	704	606	704	725	795
7 . .	471	701	534	664	667	778	667	778	667	778

Примечание. 47-й день считался приблизительно концом сосредоточения армий [2]).

Армии.	Число 3-дм. горн. патр. и 48-лин. гауб. выстр. на един. оружия.									
	12-й день мобилиз.		21-й день мобилиз.		33-й день мобилиз.		47-й день мобилиз.		68-й день мобилиз.	
	Горн. пуш.	Легк. гауб.	Горн. пуш.	Легк. гауб.	Горн. пуш.	Легк. гауб.	Горн. пуш.	Легк. гауб.	Горн. пуш.	Легк. гауб.
1 . .	—	558	—	511	—	511	—	511	—	511
2 . .	—	629	—	629	—	629	—	629	—	629
3 . .	838	982	838	478	665	453	990	453	990	453
4 . .	—	—	—	276	—	453	—	453	—	453
5 . .	—	276	—	276	—	453	—	453	—	629
6 . .	1.270	276	1.270	629	1.270	982	1.270	982	1.270	982
7 . .	—	—	—	—	—	982	—	982	—	982

Снаряжение гаубичных местных парков типа В могло быть закончено к 60-му дню мобилизации, и если бы они поданы были на фронт, то число выстрелов к 48-лин. гаубицам

[1]) Дело В.-Уч. Архива 187—896.
[2]) Дело В.-Уч. Архива 182—090.

было бы больше показанного в таблице и приблизительно на 68—70-й день выражалось бы следующими цифрами:

1 армия	886	выстрел.	5 армия	1.004	выстрел.
2 „	1.004	„	6 „	1.357	„
3 „	828	„	7 „	1.357	„
4 „	828	„			

К концу года войны, по расчету ГУГШ [1]), армии имели бы патронов на единицу оружия:

Армии.	На винтовку.		На 3-дм. легк. пушку.
1	996		986
2	1.096		1.020
3	861		899
4	849		886
5	830		873
6	1.201	(к 180 дню)	1.157
7	1.062		1.074

Приблизительно за год русско-японской войны средний расход на винтовку составлял около 880 патронов и наибольший 1.086—1.376 патронов, а средний расход 3-дм. пушечных патронов в I Манчжурской армии по—1.057 патронов на пушку, во II—по 708, в III—по 944.

Принимая во внимание расход патронов по опыту русско-японской войны и имея в виду, „что источником пополнения патронов во время войны будут заводы“, ГУГШ признавало „запас винтовочных патронов в общем достаточным, а 3-дм. скорострельные пушки армий обеспеченными снарядами, по крайней мере на год войны“ (доклад ГУГШ начальнику генерального штаба 10 декабря 1911 г. № 219) [1]).

Но в том же докладе ГУГШ обращало внимание на крайнюю медленность наростания патронов с 3—4 месяца войны: приблизительно по 60 патронов на винтовку и по 30 патронов на легкую пушку в месяц.

По мнению ГУГШ, „крупные боевые столкновения уже начнутся со второго месяца войны“, один большой бой может потребовать „расхода большей части положенного запаса патронов, а пополнение израсходованных патронов необходимо произвести с возможной быстротой“. В виду этого, ГУГШ находило „крайне желательным время, определенное для окончательного снаряжения легких местных парков типа В, сократить, насколько возможно“. Во всяком случае, ГУГШ

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 187—896.

считало необходимым 7 парков, готовность которых определялась с 360 по 480 день, „снарядить в первый год войны".

На докладе № 219 имеются резолюции начальника генерального штаба ген. Жилинского об увеличении боевого комплекта винтовочных и пушечных патронов до 1.500 на орудие и, между прочим, следующего содержания: „изготовление снарядов в первые месяцы надо усилить, ибо в Европе война будет вестись и скорее и интенсивнее, чем в Манчжурии, и размер армий будет иной и подвоз легче и проч."

На увеличение боевого комплекта пушечных патронов, как уже упоминалось, было отпущено 10 милл. рублей в конце 1912 года, но никаких существенных результатов от этого не получилось. Что же касается пожелания ген. Жилинского об усилении снаряжения местных парков в первые месяцы войны, то о нем, повидимому, вовсе не сообщалось в ГАУ.

Для приведения в готовность местных парков, даже в указанные весьма медленные сроки, требовалось устроить и оборудовать несколько специальных снаряжательных мастерских, что предусматривалось в 1910 году комиссией о запасах, образованной при ГУГШ.

Вопрос с устройством снаряжательных мастерских чрезвычайно затянулся. ГАУ не знало, где их строить до марта 1911 года, т. е. до утверждения военным министром расписания и пунктов расположения местных парков; затем началось составление предварительных смет и соображений для выяснения расхода, затем представления в военный совет и в Государственную Думу об отпуске кредита на постройку и проч.

Тем временем, с разных сторон стали поступать в ГУГШ тревожные заявления по поводу сроков готовности местных парков. Первым возбудил вопрос начальник штаба Киевского военного округа ген. Алексеев [1]), который 1/VI — 1911 г. №№ 1882/433 сообщил начальнику генерального штаба, что Киевский округ обеспечен к открытию войны лишь 49% винтовочных и 29% пулеметных патронов, положенных в боевом комплекте по новым нормам 1910 года, и что необходимо к концу 3 недели мобилизации иметь в округе, по крайней мере, по 500 патронов на винтовку, по 50.000 на пулемет и по 500 на орудие, но с тем, чтобы в течение первых 4-х месяцев войны изготовлялось ежемесячно не менее 1.500 патронов на винтовку и на орудие.

В декабре 1911 года командующий войсками Киевского округа возбудил вопрос о необходимости усиления снаряжательных мастерских, чтобы изготовление патронов в местных парках закончить в 3-месячный, а не годовой срок.

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 187—896.

Начальник генерального штаба ген. Жилинский, 20/I—1912 года № 110 [1]), уклончиво ответил ген. Алексееву, что прежде всего нужно довести боевой комплект до установленной нормы, а затем поднимать вопрос об увеличении нормы и расширении снаряжательных мастерских. Ответ ген. Жилинского заканчивался так: „вполне сочувствуя пожеланию относительно усиления запаса патронов, полагаю более правильным идти к нему планомерно, так как повышенные требования могут повести лишь к тому, что вопрос будет разрешен только теоретически".

В том же 1911 году по мобилизационному отделу ГУГШ возбуждался вопрос о необходимости отпуска дополнительных кредитов на устройство всех 6-снаряжательных мастерских в 1912 году с тем, чтобы в 1913 году возможно было произвести снаряжение всех патронов в местных парках. Вопрос остался не разрешенным.

В феврале 1912 года в ГУГШ по поводу готовности местных парков была составлена записка, в которой указывалось, что быстрота снаряжения местных парков зависит от степени работоспособности снаряжательных мастерских и что армии были бы снабжены патронами по норме к концу года войны лишь в том случае, если бы к началу войны были готовы, оборудованы и снабжены всем необходимым снаряжательные мастерские, намеченные в Курске, Раеве и Томылове.

Тогда же, в начале 1912 года, для увеличения готовности парков часть парков типа Б переведена была, путем снаряжения патронов, в тип А. Но так как на пополнение патронов, отпускаемых войскам на практическую стрельбу, в местные парки поступали с заводов не патроны, а огнестрельные припасы в виде составных частей, то готовность парков в общем не повысилась.

Совещание начальников штабов округов, собранное в ноябре 1912 года для обсуждения нового плана войны, разработанного в ГУГШ в связи с реорганизацией армии 1910 года, пришло к заключению, что готовность местных парков по расписанию 1910 года не обеспечивает снабжение армий огнестрельными припасами после первых 2—3 боев (в течение 1—2 месяцев войны).

Совещание пришло к следующим выводам: 1) местные парки, назначенные в непосредственное распоряжение армий, должны прибыть в районы сосредоточения не позже 40—45 дня мобилизации; 2) все остальные парки должны быть изготовлены в первые 3 месяца с таким расчетом, чтобы пушечных патронов было к 45 дню по 370 на орудие, на 60 день еще по 130 и на 90 день все остальные запасы, а винтовочных

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 182—090.

в течение 1—2 месяцев по 500 на винтовку, к 3 месяцу еще по 250 и к 4 месяцу весь остальной запас.

Об этом решении совещания ГУГШ сообщило в ГАУ только в апреле 1913 года с потерей около 5 месяцев времени. С своей стороны ГАУ, рассчитывая на распоряжения ГУГШ, никаких мер не предпринимало, и сроки изготовления парков, установленные совещанием, остались непроведенными в жизнь.

В июне 1914 года, когда неизбежность войны стала очевидной, вновь возникли (на этот раз со стороны ГАУ) вопросы о сроках готовности парков и о постройке снаряжательных мастерских в Курске и Кременчуге. ГУГШ ответило в июне 1914 года, что по оперативным соображениям все парки должны быть готовы не позднее 3 месяца мобилизации, при чем половина всех парков—не позднее 30 дня мобилизации и 75%—не позднее конца 2 месяца. О снаряжательных мастерских ГУГШ ответило уже в сентябре (как бы для „исполнения входящего номера"), что „постройку снаряжательной мастерской и хранилищ для местных парков в Курске нужно отложить до окончания войны", а вопрос о постройке снаряжательной мастерской в Кременчуге оставило без ответа [1]).

17 июня 1914 г. и после, до начала войны, состоялось еще несколько совещаний об ускорении подачи огнестрельных запасов у начальника генерального штаба ген. Янушкевича и в ГАУ [2]).

Многочисленные совещания в 1914 году являлись запоздавшими и не могли привести к сколько-нибудь действительным результатам.

Для осуществления пожеланий, намеченных совещанием, необходимо было провести в жизнь целый ряд мероприятий организационного и хозяйственного харвктера. В том числе нужно было удвоить мощность 5-ти проектированных снаряжательных мастерских, на что требовалось около 2—3 лет времени, тогда как постройка мастерских, намеченных в 1910 г., частью едва закончилась к началу войны (в Луганске и Томылове), частью вовсе не начиналась.

Среди мероприятий военного министерства, на осуществление которых испрашивался кредит в 1913 году, значилась постройка мастерских для снаряжения патронов. В счет 2.236.000 р., необходимых на эту постройку, испрашивалось к отпуску на 1914 год только 1.200.000 руб. (см. главу IV). Отсюда ясно, что снаряжательные мастерские не могли быть готовы к началу войны.

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 124—985.

[2]) А. А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии, часть III, стр. 43.

Организационно-мобилизационные изменения, вызываемые усилением гововности местных парков, как-то: увеличение штатного состава, наем добавочных рабочих, установление новых сроков готовности и проч., также не были проведены в жизнь, так как ГУГШ по данному вопросу не сделало распоряжений по округам, а ГАУ не могло сделать, так как округа ему не были подчинены.

По поводу местных парков в течение около 4 лет, в 1910—1914 гг., велась довольно бесплодная переписка между ГАУ и ГУГШ. Каждое из этих двух главных управлений надеялось друг на друга; они обменивались журналами разных совещаний и комиссий, спрашивали заключения друг у друга, но распоряжений в большинстве случаев не делали, считая исполнительную часть не своей обязанностью.

В результате, сокращение сроков готовности местных парков, признанное необходимым в совещании начальников штабов еще 6—7 ноября 1912 года, осталось только на бумаге.

Вообще в отношении подготовки мобилизации и обеспечения своевременной подачи парков на фронт сделано было очень мало. К началу войны в 1914 году огнестрельные припасы как в войсках, так и в окружных артиллерийских складах (местных парках) оказались в плачевном состоянии, которое быв. начальник ГАУ ген. Маниковский охарактеризовал „как полнейший хаос“ [1]).

Но с первых же дней мобилизации 1914 года почти все то, что было уже сделано в отношении местных парков по мобилизационному расписанию 1910 года начало подвергаться коренной ломке. Из 112 легких местных парков 98 подверглись тем или иным изменениям в отношении их типа, готовности и назначения. (См. приложение—табл. II) [2]). Вместо планомерной работы, заблаговременно подготовленной в мирное время, началась импровизация.

ГАУ по телеграфу распорядилось вести безостановочно круглые сутки работы по снаряжению всех без исключения местных парков, нанимая какое нужно число рабочих и служащих.

К работам повсюду приступили и через 4 месяца, вместо 480 дней, определенных расписанием 1910 года, все 112 парков отправлены на фронт (т.-е. с опозданием только на один месяц против постановления совещания начальников штабов в ноябре 1912 года).

В виду указанных выше крайне неблагоприятных условий, такой результат является поразительным и может быть

---

[1]) А. А. Маниковский, Боевое снабжение русской армии, часть III, стр. 50—55.

[2]) Показания верх. следствен. комиссии ген. Смысловского.

объяснен тем обстоятельством, что в местных парках почти все наличные винтовочные патроны состояли в 1914 году в собранном виде, за исключением 60 милл. (должны были бы содержаться в составных частях именно те около миллиарда патронов, которых не оказалось в местных парках до установленной нормы 1.000 патронов на винтовку. Снаряжение же пушечных 3-дм. патронов не представляло особых затруднений, так как приборы для снаряжения ГАУ успело своевременно заготовить.

Из доклада ГУГШ 1911 года № 219 [1]) видно, что норма в 1.000 патронов на пушку и винтовку считалась в общем достаточной на год войны; поэтому предполагалось, что общего запаса патронов, заготовленных по этой норме, не только хватит на кратковременную войну, но часть его даже не потребуется.

Вследствие уверенности в том, что война не может продолжаться свыше 6 месяцев, не было обращено должного внимания на то серьезное обстоятельство в деле снабжения армии огнестрельными припасами, что требуется не только полное обеспечение войск патронами по установленной норме, но и непрерывное пополнение этих запасов или, иначе говоря, незамедлительное снабжение армии патронами сверх существующих норм.

Правда, еще в декабре 1904 года военный совет, обратив внимание на громадные расходы патронов в русско-японскую войну, признавал желательным расширение технических артиллерийских заведений, чтобы они могли при напряженной работе выделывать в год то количество боевых припасов, какое в течение года войны будет расходоваться; только при этом условии была бы обеспечена, как полагал военный совет, боевая готовность армии и явилась бы возможность содержать в мирное время боевой комплект лишь в том размере, какой допускает своевременное его освежение на ежегодных практических стрельбах. Образованная при ГАУ в 1905 году комиссия по перевооружению полевой артиллерии определила годовой расход 3-дм. патронов в 3.600.000. В 1906 году комиссия по организации полевой артиллерии определила годовой расход в 1.000 патронов на пушку; при этом общий расход в течение года войны на всю полевую легкую артиллерию составил бы 5.654.300 патронов. По данным ГАУ, заводы были способны, при напряженной работе, к изготовлению в течение года войны до $5\frac{1}{2}$ миллионов 3-дм. патронов. Поэтому ГАУ считало этот вопрос благополучно разрешенным.

Между тем, ближайшие события мировой войны выяснили колоссальную потребность в 3-дм. пушечных патронах и

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 187—896.

опрокинули все даже самые осторожные расчеты мирного времени.

В конце августа и в начале сентября 1914 года начальник штаба верховного главнокомандующего сообщил военному министру, что батареи юго-западного фронта израсходовали по 1.000 патронов на пушку [1]), т.-е. в 1—2 месяца весь запас, положенный на год войны, и требовал высылки по $1^1/_2$ миллиона 3-дм. патронов ежемесячно.

Для начальника ГАУ „ясно обрисовалось беспомощное состояние армий юго-западного фронта, имеющих полевую артиллерию, обреченную на бездействие в продолжение многих месяцев“ [2]).

Привожу выписку из показаний начальника ГАУ верховной следственной комиссии:

„Произведенное расходование патронов по тысяче на пушку и требование высылки по $1^1/_2$ милл. в месяц свидетельствовали, что штаб и высшие войсковые начальники не знали ни о размере существовавшего запаса на время большой войны, ни о возможном успехе работы по восстановлению нарушенных запасов. При всех моих докладах помощнику военного министра я обращался к нему за содействием к непременному оповещению подлежащих старших начальников о существующем положении в деле снабжения огнестрельными припасами“.

„Как бы тяжело ни было командующим армиями остановить свои войска в то время, когда требовались активные действия, но их операции, естественно, должны были основываться на верных данных. Они должны были знать, что обеспечение батарей 3-дм. скорострельной артиллерии сводились к следующему:

1) при выступлении в поход батареи имели по 1.000 патронов на пушку, из коих 428 при себе, остальные 572 будут подаваемы постепенно, до пятого месяца войны;

2) восстановление расходуемого запаса патронов производится в России, и непрерывной работой заводов через год будет приготовлено по второй тысяче на каждую пушку;

3) к дополнительному изготовлению патронов будет приступлено за границей, но этот заказ подвержен многим случайностям, и получение заказываемого начнется, в лучшем случае, через $^1/_2$ года“.

В действительности, в первые 4—5 месяцев войны катастрофическое положение с 3-дм. патронами не должно было иметь место, если бы подача патронов на фронт происходила сколько-нибудь планомерно по заранее составленным расче-

---

[1]) Сведение это оказалось преувеличенным.

[2]) Показания верховн. следственной комиссии ген. Кузьмина-Караваева. Стр. 34 и 35.

там мирного времени, если бы в распоряжении военного министра или верховного главнокомандующего остался резерв в 56 местных парков (№№ 57—112), предусмотренный расписанием 1910 г., и если бы расход патронов в боях производился с должной предусмотрительностью. Но в первый период войны по части снабжения действующих армий патронами царил полный беспорядок; резерв местных парков сразу был разобран по частям в армии и фронты теми, кто умел быть настойчивым и искусным в требованиях; вследствие недостаточно умелого применения в бою полевой артиллерии, расход пушечных патронов бывал нередко чрезмерно расточительным, не вызывавшимся обстановкой.

Вопрос о снабжении армии огнестрельными припасами, весьма сложный, должен быть предметом особого исследования [1]).

Что же касается приведенной выписки из показаний начальника ГАУ, то, разумеется, верхи армии должны были знать, чем они могут располагать, чтобы строить свои оперативные соображения на действительных, а не на мифических или на неизвестных данных.

Еще в 1906 году комиссия генерал-инспектора артиллерии, при определении нормы боевого комплекта по опыту русско-японской войны, имела в виду, что стеснение батарей в расходовании боевых припасов действует угнетающим образом на войска и приводит к упущению удобных случаев нанести неприятелю существенный вред внезапным массовым огнем (см. главу II). Нельзя предпринимать ту или иную боевую операцию, если войска не обеспечены патронами настолько, что в них не будет недостатка, если заблаговременно не подготовлено непрерывное и достаточное питание армии огнестрельными припасами. В расчетах на молниеносность войны боевое питание армии маленькими порциями (с 4 месяца войны по 30—40 патронов на пушку и 50—60 патронов на винтовку в месяц) было ошибкой. Недопустимость подобного способа пополнения патронов в действующей армии сознавалось ГУГШ, но никаких серьезных мер к устранению его своевременно предпринято не было [2]).

К началу войны в боевых комплектах не доставало выстрелов к 48-лин. гаубицам около 62 тыс. или 12%, а к 42-лин. пушкам и 6-дм. гаубицам полевой тяжелой артиллерии около 133 тыс., или 52% (см. таблицу на стр. 130). Недостаток этот не особенно беспокоил верхи армии ни перед войной в 1910—1914 гг., ни даже в первый маневренный

---

[1]) В. ч. III труда А. А. Маниковского „Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг." вопрос этот освещен в достаточной степени, но с некоторым уклоном в сторону ГАУ.

[2]) Дело В.-Уч. Архива 187—896.

период войны. Причиной тому было установившееся общее убеждение, что участь войны решится быстрыми внезапными ударами в полевом бою и что центр тяжести всех боевых операций лежит в 3-дм. полевых пушках. Серьезная тревога о „тяжелых выстрелах" началась в 1916 году с переходом к позиционной войне, когда кровавым опытом стала выясняться роль тяжелой артиллерии. Задача усиления снабжения действующей армии выстрелами к тяжелым орудиям оказалась для ГАУ особенно трудной, вследствие непредусмотрительности и значительного запоздания с этим делом.

ж) Вооружение тяжелой (крепостной и осадной) артиллерии.

К началу мировой войны заказанные тяжелые орудия новейших систем еще не были готовы, поэтому сколько-нибудь существенных улучшений в тяжелой (осадной и крепостной) артиллерии не произошло, и она оставалась почти в том же состоянии, в каком была во время русско-японской войны.

Недостаток орудий в крепостях составлял в среднем около 45% положенного количества, а пулеметов около 35%; некомплект некоторых орудий доходил до 80—100%. Большинство орудий, состоявших на вооружении сухопутных крепостей, было устаревших образцов и не отвечало современным требованиям, хотя ко многим орудиям был применен бездымный порох и некоторые лафеты были усовершенствованы, что повысило балистические качества орудий и скорость стрельбы (см. главы I—IV).

Приморские крепости в отношении вооружения были в несколько лучшем состоянии, особенно укрепления побережья Финского залива.

В 1914 году осадной артиллерии уже не существовало. Она слилась с крепостной, а часть ее орудий передана была временно в полевую тяжелую артиллерию (42-лин. пушки, 6-дм. крепостные гаубицы, 6-дм. пушки в 120 пуд.).

Главнейшие данные о тяжелых орудиях, состоявших на вооружении артиллерии в 1914 году, сведены в таблицу В.

Некоторые из показанных в таблице орудий старых образцов с честью работали во время мировой войны, а 42-лин. пушка обр. 77 г. и 6-дм. пушка в 120 пуд. входили даже в состав полевой тяжелой артиллерии, восполняя недостаток скорострельных 42-лин. пушек и 6-дм. гаубиц обр. 1910 года.

Будучи ветеранами русско-японской войны 1904—05 гг., пушки эти с успехом работали наряду со скорострельными — настолько жизненной оказалась идея этих пушек и настолько прочной была их конструкция. Имея одинаковые снаряды с новейшей 42-лин. пушкой обр. 1910 г., старая 42-лин. пушка 77 года по дальнобойности уступала новой, приблизительно на 2—3 *кил*, и была несколько тяжелее. Наибольшая дальность 6-дм. пушки в 120 пуд. почти не отличалась от дально-

В. Тяжелая (осадная, береговая и крепостная) артиллерия [1]).

Название орудий.	Вес в фун.		Число пуль в шрапнели.	Начальная скорость фт. в сек.	Наибольш. дальн. в саж.		Вес системы в пудах.		Предельное число выстрелов в мин.
	Снаряда.	Разрывн. заряда.			Бомбы (гранаты).	Шрапнели.	Походное положение.	Боевое положение.	
Пушки.									
10-дм. береговой в 45 калибров	550	46	—	2.550	9.600	—	1.770	3.000	1/2
9-дм. берег. обр. 67 г.	260	20	—	1.510	4.800	—	925	2.000	1/3
11-дм. бер. 77 г. не скрепл.	520	57	—	1.570	5.500	—	1.750	3.500	1/3
6-дм. Кане	101	7	690	2.600	6.200	4.200	350	1.200	5
11-дм. бер. обр. 77 г. скрепл.	520	57	—	1.700	5.900	—	1.750	3.500	1/3
11-дм. бер. обр. 87 г.	840	21	—	2.050	5.800	—	2.920	5.000	1/3
12-дм. берегов.	1.090	75	—	2.850	14.800	—			1/3
6-дм. в 200 п. обр. 1904 г.	100	22	680	1.980	5.675	5.300	362	325	1
6-дм. в 190 п. обр. 77 года	81	13	520	1.500	4.100	3.100	328	290	1
120 *мм* в 50 кал. Обух. зав. (Виккерса)	56	7	650	3.050	6.500	5.400	382 + 120 земл. балласт	680	3
6-дм. скорострел. Шнейдера (имелось только 4 пушки)	100	14	680	2.100	5.800	5.300	250	350	3
6-дм. в 120 п. обр. 77 года	81	13	630	1.400	3.900	3.200	228	190	1 1/2
42-лин. обр. 77 г.	40	5	625	1.700	4.500	3.400	188	150	1 1/2
4,2-дм. батарейная 77 г.	38	4	340	1.350	2.500	1.500	120	75	1 1/2
3,4-дм. пол. 77 и 95 г.	20	3	20	1.460	3.000	1.500	105	60	2
57 *мм* берег. скорострельн.	7	3/4	65	2.140	2.800	1.120	45	105	
57 *мм* капонирн. скорострел.	7	—	65	1.260	—	400	28	57	
47 *мм* Гочкиса	4	1/3	—	2.000	500	—	70	59	

Примечание. Имелось еще несколько 6-дм. скор. гаубиц обр. 1909 г., сведения о которых помещены в таблице „Б“.

[1]) „Свойства орудий и краткие указания для их применения“ изд. 1916 г. штаба верхн. главнокомандующего.

Название орудий.	Вес в фун.		Число пуль в шрапнели.	Начальная скорость фт. в сек.	Наибольш. дальн. в саж.		Вес системы в пудах.		Предельное число выстрелов в мин.
	Снаряда.	Разрывн. заряда.			Бомбы (гранаты).	Шрапнели.	Походное положение.	Боевое положение.	
Мортиры.									
11-дм. берег. обр. 77 г.	715	145	—	1.000	4.100	—	638	1.600	1/8
9-дм. берег. обр. 77 г.	335	43	—	1.050	3.600	—	336	930	1/3
6-дм. пол. обр. 83 г.	75	16	685	760	1.750	1.750	110	80	2

Примечание. Имелось еще несколько 6-дм. скор. гаубиц обр. 1909 г., сведения о которых помещены в таблице „Б“.

бойности 6-дм. гаубицы 1909 г. и при стрельбе бомбой даже несколько превосходила дальнобойность 6-дм. гаубицы, но пушка была значительно тяжелее и имела бомбу более слабого фугасного действия.

Сухопутные крепости являлись наследием прошлых времен, когда крепостная артиллерия располагалась на фортах и на прифортовых батареях, а удалением фортов от ядра крепости стремились обеспечить внутренность крепости от бомбардировки.

С начала 900-х годов стали стремиться достигнуть обеспечение крепости от бомбардировки маскировкой и укрытыми помещениями, так как при быстром росте дальности современного артиллерийского огня расширение радиуса обвода крепости имело бы последствием непомерный рост крепостного гарнизона. Теперь артиллерия обороны, как и атаки, должна пользоваться для своего развертывания преимущественно закрытыми позициями; ей нужны только хорошие наблюдательные пункты и прочно сооруженные опорные пункты для ближнего боя. Необходимы броневые укрытия для артиллерийских наблюдателей, броневые батареи в опорных пунктах; необходима установка противоштурмовых орудий в броневых куполах и проч.

Между тем, в крепостях почти ничего этого не было.

Артиллерия располагалась в фортах, вблизи них и в ядре крепости, в большинстве случаев, при открытой установке на валгангах и на барбетах; броневых куполов и укрытий

почти нигде не было; в редких случаях артиллерия в опорных пунктах прикрывалась кирпичными сводами или слабым бетоном, тогда как разрушительность огня современной осадной артиллерии требовала бетонного укрытия в 9—10 фут. Противоштурмовая артиллерия в крепостях должна была в минуты отражения штурма выкатываться из убежищ на открытые барбеты по крутым аппарелям с подъемом около 2 сажен, и все это делать под убийственным артиллерийским огнем противника. Никаких броневых батарей не было.

Почти теми же недостатками отличались и береговые крепости. Приморские батареи, за исключением укреплений Финского побережья (Красная Горка, Поркаллауд, Ревель), были прежней постройки устаревшего типа и недостаточно были вынесены для обеспечения рейдов и портовых сооружений от бомбардировки; орудия, при открытой установке, были непомерно сгущены и требовали разрежения для уменьшения потерь, они не были обеспечены надлежащими укрытыми помещениями и проч.

Во всех крепостях ощущалась крайняя бедность в средствах связи, в воздухоплавательных, авиационных, осветительных и прочих вспомогательных средствах, крайне необходимых для успешного действия артиллерии [1]).

Несомненно, одной из основных причин неустройства крепостей в артиллерийском отношении являлось шатание и неопределенность мысли в крепостном вопросе в сухомлиновский период (см. главу III), доходившая до того, что артиллерийское ведомство в 1910—1913 гг. нередко даже не знало, какие же крепости и с какою целью нужно вооружать.

Обороноспособность даже таких крепостей, как Осовец, которые ни разу не предполагалось упразднить, оставалась к началу войны 1914 года неудовлетворительной.

В сентябре 1912 года произведена была опытная мобилизация кр. Осовец, чуть ли не первая и единственная за весь период существования русских крепостей. Мобилизация эта обнаружила крупные недочеты боевой готовности крепости как в артиллерийском, так и в инженерном и во всех прочих отношениях [2]).

Во время опытной мобилизации в кр. Осовец вовсе не оказалось положенных по табели:

48-лин. скоростр. гаубиц	18
42 „ „ пушек	19
3-дм. „ противоштурмов. пушек	48
3 „ „ пушек в башнях	29

[1]) Дело В.-Уч. Архива 179—489.

[2]) Отчет по опытной мобилизации кр. Осовец, произведенной 17—21 сентября 1912 года. Составлен был по инспекции артил. автором настоящего труда.

Не хватало против положенных по табели:

6-дм. скорострельных гаубиц	10
3 „ „ пушек	2
57 *мм* капонирных пушек	9
3-лин. пулеметов	24
6-дм. бомб	14.500
6 „ шрапнелей	4.080
3 „ патронов	26.527
3-лин. пулеметных патронов	678.780
Светящихся ядер к 1/2 пуд. морт.	332
Светящихся ракет	1.055
и проч.	

Большой недостаток оказался в средствах связи, вспомогательных приборах для стрельбы и т. д. Некоторые из имевшихся в крепости средств оказались неудовлетворительными: цены делений на разных приборах для стрельбы оказались разными, гониометры (угломерные приборы) собраны настолько неточно, что разница в показаниях различных гониометров доходила до 8°, электроосветительные аппараты были разных систем; все это крайне затрудняло обучение стрельбе и самую стрельбу; к 16 скор. 3-дм. пушкам вовсе не было прицелов и проч.

В общем, артиллерийское вооружение крепости совершенно не отвечало нормальной табели.

С другой стороны, крепость загромождалась массою излишествующего против табели ненужного ей имущества и, между прочим, имуществом и боевым комплектом 31 местного парка, который с объявлением мобилизации подлежал перемещению в Белосток (вместо того, чтобы находиться заранее там, если еще не в более глубоком тылу).

Расположение и оборудование батарей оказалось более, чем неудовлетворительным.

Из 18 батарей, так называемого, „дальнего боя“ только 4 батареи располагались довольно укрыто, применяясь к местности. Все прочие батареи стояли открыто или так слабо маскировались, что могли быть обнаружены противником по блеску выстрелов. Некоторые батареи находились так близко к прикрывающим их гласисам, приспособленным к ружейной обороне, что одновременная стрельба батарей и стрелков представлялась невозможной без опасности для стрелков. Батареи №№ 1, 2 и 3 расположены были непосредственно впереди центрального форта крепости в 100—200 саж. от главного вала, что представлялось крайне нецелесообразным: огонь противника, направленный против форта, поражал бы попутно (недолетами) батареи и тыл их; обратно огонь по батареям поражал бы (перелетами) форт. Одна батарея стояла

в 200 шагах от ангаров и навлекала бы на них огонь неприятельской артиллерии. Три батареи, по настоянию инженеров, установлены были совсем по старинному на барбетах, присыпанных к внутренней крутости гласиса, для стрельбы по прицелу поверх гласиса через прорытые в нем ложбины. Батареи эти были бы сразу обнаружены неприятелем и уничтожены огнем его артиллерии; между тем, стрелять по прицелу для них не было никакой нужды, так как к орудиям были приспособлены угломеры, и батареи эти предназначались не для отбития штурма, а для стрельбы на дальние дистанции.

Все противоштурмовые пушки располагались совершенно открыто, не имея для себя не только бронированных куполов, но никаких прикрывающих построек. Часть из них поставлена была заранее на своих местах, откуда им пришлось бы отбивать штурм; остальные должны были во время бомбардировки находиться в убежищах и выкатываться на свои места лишь с началом штурма, что едва ли было возможно сделать под неприятельским огнем, да еще, в большинстве случаев, на высокие валганги около 2 саж. по крутым аппарелям. Многие противоштурмовые пушки должны были стоять на валгангах недостаточной ширины—около 8 шагов, вследствие чего пушки эти (старых образцов, сильно откатывающиеся при выстреле) при откатах во время горячей стрельбы при отражении штурма могли даже свалиться с валгангов.

Крепостные пулеметы были на высоких колесных лафетах и не могли стрелять через амбразуры, проделанные в бетонных убежищах, так как колеса и щиты пулеметов упирались в стену убежища и не пропускали стволы пулеметов достаточно глубоко в амбразуру. Решено было даже отказаться от немногих бетонных убежищ для пулеметов и располагать их, пока не будут заменены пулеметами на низких станках, на валгангах, несмотря на то, что там они могли быть легко обнаружены неприятельской артиллерией.

Наблюдательные пункты для артиллеристов располагались на деревьях, на специально устроенных деревянных вышках, на железных вышках от прожекторов и в немногих имеющихся в крепости броневых куполах. Но командиры батарей и артиллерийских групп помещали в эти купола только наблюдателей, а сами не желали ими пользоваться, так как во-первых, они настолько были тесны, что в них нельзя было поместить необходимые для стрельбы приборы, и приходилось наблюдать только помощью бинокля, а во-вторых, входной люк в купол был устроен снизу так неудобно, что наблюдатель, если бы он был убит, ранен или отравлен газами придавил бы собою люк и отворить его снизу было бы невозможно.

На лучшей для наблюдения Скобелевой горе имелись купола лишь на 5—8 человек, тогда как на ней предполагалось поместить около 15 артиллерийских наблюдателей и коман-

диров, не считая некоторых начальствующих лиц из штаба крепости, от пехоты и инженеров, которым также необходимо было бы воспользоваться Скобелевой горой, как хорошим наблюдательным пунктом, командующим над всей окружающей местностью.

Связь в артиллерии была исключительно телефонная с воздушными проводами, подвешенными на столбах и деревьях, так как кабелей для подземных проводов не имелось. На Скобелевой горе образовалась густая паутина из телефонных проводов, которые, несомненно, порвались бы даже от собственных выстрелов (одна из батарей стояла в 40—50 шагах сзади одной из центральных телефонных станций с клубком в 30—40 проводов), не говоря уже о неприятельских снарядах, которые были бы, конечно, направлены и на Скобелеву гору и на расположенные за нею батареи.

Сказанного достаточно, чтобы судить о том состоянии, в каком находилось вооружение крепости Осовец, важность которой признавалась при всех вариантах планов войны, которая расположена была лишь в 22 *км* от прусской границы и через несколько часов после объявления войны могла быть лишена подвоза из внутренних областей России.

Нельзя думать, чтобы боевая готовность других крепостей, самое существование которых находилось в 900-х годах под сомнением, была в лучших условиях.

Опытная мобилизация 1912 года послужила серьезным толчком к усилению боевой готовности Осовца, но все же в течение полутора лет до начала мировой войны, многого сделать было нельзя; например, нельзя было в полной мере вооружить Осовец по нормальной табели, за неготовностью орудий по заказам ГАУ.

И если, несмотря на все это, оборона Осовца была во время войны столь долгой и упорной, то этому она обязана не столько силе верков и вооружению крепости, сколько стойкости гарнизона.

ГЛАВА VI.

Боевая подготовка артиллерии к началу мировой войны.

Специальная подготовка полевой артиллерии в техническом отношении, производившаяся по окончании русско-японской войны (см. главу I и II), доведена была к началу мировой войны до высокой степени совершенства и не оставляла желать лучшего. В тактическом отношении артиллерия была подготовлена значительно слабее [1]).

Искусные действия русской артиллерии в маневренный период войны 1914—1915 гг. не только получили должную высокую оценку со стороны своей пехоты, но вызывали даже удивление немцев и служили им примером.

Начальник штаба верховного главнокомандующего еще в начале войны 21, 27 и 29 августа (3, 9 и 11 сентября) 1914 г. писал и телеграфировал (№ 652) военному министру: „Вся тяжесть современных боев—на артиллерии. Она одна сметает смертноносные пулеметы противника и уничтожает его артиллерию. Пехота не нахвалится артиллерией“ [2])... „Стреляет она великолепно. Боясь нашей артиллерии, австрийцы стали предпринимать ночные нападения“ [3]).

Гинденбург, давая оценку русской армии в 1915 году, сказал: „русская артиллерия стреляет хорошо, хотя с огромным расходом снарядов“.

Известно также, что немцы, стрелявшие в начале войны с полузакрытых маскированных позиций и жестоко поэтому страдавшие от русской артиллерии, потом переучивались, заимствуя русские приемы закрытого расположения и правила стрельбы.

В отношении столь хорошей подготовки русская артиллерия обязана была, главным образом, своему генерал-инспек-

---

[1]) Дела В.-Уч. Архива 177—149 и 187—398.

[2]) А. А. Маниковский. „Боевое снабжение русской армии в 1914—1818 гг.“ Ч. III. Стр. 79.

[3]) Красный Архив, Т. I. „Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем“. Тяжесть боев, в смысле наибольших потерь, ложилась всегда на пехоту.

тору, который в течение десятилетия, предшествующего войне, все свои знания и влияние всецело отдавал делу боевой подготовки артиллерии. Если в области организации, усиления и снабжения артиллерии, непосредственно не подведомственной генерал-инспектору артиллерии, далеко не все его начинания получили осуществление, а некоторые встречали иногда противодействие со стороны высшей власти, то в области подготовки личного состава артиллерии он был почти полновластным хозяином.

Генерал-инспектор артиллерии ежегодно без предупреждения бывал на практических стрельбах в большинстве артиллерийских частей.

Особенное внимание им уделялось бывшей офицерской артиллерийской школе, через которую проводилось в жизнь все новое по части техники, тактики и стрельбы артиллерии и на которой лежала важная задача подготовки старшего командного состава.

Генерал-инспектор артиллерии лично знал почти весь старший командный состав артиллерии, так как без его заключения не проводилось ни одно назначение на должности командиров батарей и выше.

а) Подготовка старшего командного состава. Офицерская артиллерийская школа. Артиллерийская академия.

Офицерская артиллерийская школа имела целью: 1) подготовку артиллерийских капитанов и штаб-офицеров теоретическим и практическим путем к боевому употреблению батарей и группы батарей; 2) развитие и совершенствование в артиллерии искусства стрельбы в связи с маневрированием и установлением правильных взглядов на целесообразное применение артиллерийского огня в бою; 3) выработку способов ведения подготовки артиллерии к стрельбе и маневрированию, а также правильных приемов обучения [1]). В школе было два отдела: полевой и крепостной артиллерии [2]).

На летний период практических стрельб с маневрированием для обслуживания полевого отдела артиллерийской школы к ней прикомандировывались 3 артиллерийские бригады, 1 мортирный дивизион и 1 конная батарея; кроме того, должна была прикомандировываться воздухоплавательная или авиационная часть, но в действительности в распоряжении школы такой части никогда не бывало, вследствие чего в школе не обучались практическим путем стрельбе при помощи воздушного наблюдения.

Руководители школы избирались из артиллерийских штаб-офицеров, с академическим образованием, выдающихся по

---

[1]) Свод Воен. Постан. 1869 г., кн. XV, изд. 4 (по 1/14 января 1914 г.).

[2]) Временное положение о крепостном отделе офицерской артиллерийской школы в приложении к Св. В. Пост. 1869 г., кн. XV, изд. 4.

своим теоретическим и практическим познаниям в артиллерийском деле. Руководитель по тактике назначался из офицеров генерального штаба; на него возлагалась организация и ведение занятий по тактике с офицерами переменного состава школы, а также содействие помощнику начальника школы, ответственному за постановку учебного дела, в объединении взглядов и работы по тактике всех прочих руководителей школы.

Школа имела в своем распоряжении обширнейший, хорошо оборудованный полигон возле города Луги, позволяющий вести стрельбу с разных направлений на любую дистанцию, допускаемую полевыми орудиями того времени. Местность полигона, весьма разнообразная и пересеченная, была чрезвычайно поучительной как в смысле ведения стрельбы, так и в смысле маневрирования и тактического применения артиллерии в бою. С 1912 года стали увлекаться вырубкой леса на полигоне с целью расчистки и некоторого облегчения при разрешении задач стрельбы и тактики; этим до некоторой степени испортили поучительность полигона.

В переменный состав школы ежегодно с 1/14 февраля по 10/23 сентября командировались из частей полевой артиллерии около 108 капитанов (кандидатов на должность командира батареи) и 36 штаб-офицеров (кандидатов на должность командира дивизиона или командира бригады).

В начале августа для выяснения того, насколько работа полевого отдела школы отвечает боевым требованиям, в школу по распоряжению военного министра командировалась особая комиссия из представителей от пехоты, кавалерии, артиллерии и генерального штаба. Комиссия должна была исполнять данное ей поручение путем посещения всех очередных занятий и стрельб школы, назначенных текущим расписанием.

Крепостной отдел офицерской артиллерийской школы [1]) имел назначением: 1) развитие искусства стрельбы в крепостной артиллерии, распространение в ней правильного взгляда на стрельбу при обороне крепости и установление общих однообразных правил производства стрельбы и обучения стрельбе, 2) подготовление теоретически и практически старших офицеров крепостной артиллерии к самостоятельному ведению стрельбы с крепостных верков.

В переменный состав крепостного отдела школы ежегодно командировались для прохождения курса на $7^1/_2$ месяцев, с 1/14 февраля: 5 штаб-офицеров и 20 капитанов крепостной и осадной (пока осадная существовала) артиллерии.

Крепостной отдел школы на летний период практических стрельб прикомандировывался к одной из крепостей (в последние годы, предшествующие войне, чаще всего к Осовцу).

---

[1]) Приложение к кн. XV св. В. П. 1869 г. Изд. 4.

Правильность ведения в школе учебного и строевого дела, постановки всех курсов преподавания и практических занятий проверялась генерал-инспектором артиллерии.

Офицерская артиллерийская школа непосредственно подчинялась начальнику ГАУ, а не генерал-инспектору. Подобное подчинение являлось одной из странных аномалий законоположений того времени, объясняющейся разве только теми соображениями не делового характера, что в должности генерал-инспектора состояло „высокое лицо“ [1]). Генерал-инспектор артиллерии по закону не имел права наблюдать или проверять деятельность ГАУ, начальник которого ни в каких отношениях ему не подчинялся. Поэтому формально генерал-инспектор не мог бы проводить непосредственно через школу никаких мер по усовершенствованию обучения и боевой подготовки артиллерии. С другой стороны, после реорганизации 1910 года в ГАУ не было специального органа, который мог бы ведать офицерской артиллерийской школой (см. главу V); сам же начальник ГАУ был настолько перегружен работой по административно-хозяйственной и технической части, что не имел возможности вникать еще в дело школы, и подчинение ему школы сводилось в действительности на нет.

Благодаря личным благожелательным отношениям между начальником ГАУ и генерал-инспектором артиллерии и благодаря персональному авторитету последнего, офицерская артиллерийская школа фактически работала под непосредственным руководством и контролем генерал-инспектора артиллерии, а не начальника ГАУ.

Офицерская артиллерийская школа систематически проводила в жизнь все достижения в области техники стрельбы и тактики артиллерии как твердо уже установившиеся, так и новейшие.

В 900-х годах существовало мнение, что французская артиллерия первая в мире. Мнение ложное, сложившееся из преувеличенного представления о могуществе французской 75 *мм* пушки и о кажущихся превосходных качествах вооруженной ею артиллерии.

Из отчетов известных русских артиллеристов Дельвига и Ханжина, командированных во Францию весною 1913 года, т.-е. всего лишь за год до начала мировой войны, возможно убедиться, что французская артиллерия в то время не только не опередила, но значительно отстала от русской полевой

---

[1]) В то же время офицерская стрелковая школа подчинялась инспектору стрелковой части в войсках, а офицерская кавалерийская школа состояла в непосредственном подчинении военного министра (вероятно, только потому, что военным министром был ген. Сухомлинов, который раньше был начальником офицерской кавалерийской школы и носил ее мундир). Св. Воен. Пост. 1869 г. Кн. I. Изд. 4.

артиллерии в отношении подготовки командного состава на курсах в Мальи и Шалонском лагере, соответствующих русской офицерской артиллерийской школе. В особенности отсталыми оказались французы в отношении тактической подготовки командиров своей артиллерии [1]).

После русско-японской войны, при посредстве офицерской артиллерийской школы, стремились поднять подготовку командного состава не только в отношении техники стрельбы, но и в тактическом отношении; школа стремилась перевоспитать командный состав артиллерии в смысле проявления личной инциативы, а также в смысле способности быстро ориентироваться в изменениях боевой обстановки и безбоязненно принимать самостоятельные решения для достижения успеха в бою артиллерийским огнем (см. главу II).

Ничего подобного во французской артиллерии не было, по крайней мере, в 1913 году [1]).

Штаб-офицерские курсы в Мальи задавались весьма скромной целью: показать командирам артиллерийских групп на практике способы выполнения ими задач, которые могут быть возложены на них в различных боевых положениях. Поэтому групповые стрельбы с маневрированием на курсах в Мальи более служили иллюстрацией на местности и с боевыми выстрелами избранных статей устава о бое артиллерии, чем практикой для командиров в управлении группами батарей. Каждое упражнение задавалось на какой-нибудь один определенный случай, предусмотренный уставом, и предпочтительно для действия отдельной небольшой артиллерийской группы (в составе 3 батарей), а не действующей в связи с другими группами. В большинстве случаев руководитель весьма искусно наводил упражняющегося на тот путь для решения, который казался верным самому руководителю; поэтому распоряжения командиров стреляющих групп если и бывали целесообразны, то по существу не самостоятельны. Обсуждение маневра обычно даже ему предшествовало, почему упражняющийся не мог проявлять самодеятельности. Во время хода маневра и стрельбы руководители постоянно вмешивались в распоряжения командиров стреляющих групп, желая то или иное подчеркнуть или исправить ошибку и т.п.

Продолжительность курсов 2—3 недели (в России 7 месяцев) была настолько краткой, что на артиллерийских курсах во Франции больше показывали и рассказывали, чем учили и вырабатывали практические навыки. Разборы стрельб с маневрированием на полигоне в Мальи сводились к подробным лекциям по тому или иному определенному вопросу устава, но читаемым на живой местности под свежим впечатлением стрельбы и маневра. При чем, по окончании раз-

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 179—057.

бора, руководитель прочитывал соответствующие §§ устава, на тему которых производилось упражнение как бы в подтверждение того, что он сам не уклонился от устава, а также с целью закрепить в памяти поучение от стрельбы.

Роль начальника отряда на стрельбах с маневрированием исполнял прикомандированный пехотный офицер. Офицеры переменного состава курсов упражнялись только в обязанностях, соответственных занимаемым ими должностям, тогда как в русской школе смотрели на это шире и практиковались, даже в артиллерийских частях, не только в обязанностях своей должности, но готовились и к следующей высшей должности.

Оборудование полигонов Мальи и Шалонского отсутствовало; не было никаких механических мишеней: ни подъемных, ни движущихся, ни вспышечных. Обыкновенные мишени ставились только для технических стрельб. Стрельбы же с тактическим заданием производились без всяких мишеней, поэтому для разведчиков и наблюдателей никакой работы не было. На полигонах поставлены были только столбы-вышки для пользования ими как ориентирами при указании воображаемых целей, границ участков и т. п., или цели обозначались условно разрывами своих снарядов; и то, и другое русскими безусловно не допускалось. Задачи ставились в таком роде: „обстрелять артиллерию за таким-то гребнем, левее южного знака на столько-то делений, фронт цели столько-то делений“. Конечно, командиру стреляющей батареи легко было найти такую цель. Не то было бы при действительной стрельбе в бою, где ориентиров не поставлено.

Французская артиллерия приучалась, таким образом, стрелять по местным предметам, не видя цели, т.-е. не видя неприятельских орудий, людей и проч. и не принимая никаких мер к розысканию, уяснению и изучению цели. В России, напротив, на разведку целей в расположении неприятеля обращалось серьезное внимание.

При стрельбе по воображаемым батареям французская артиллерия обычно обстреливала определенную правилами стрельбы полосу за прикрывающим гребнем, не считаясь с тем, находилась ли неприятельская артиллерия в районе этой полосы или нет. От такого способа стрельбы наудачу русская школа отказалась задолго до мировой войны.

Никакой передовой разведки не было, так как и некому было ее прозводить, и нечего было разведывать: не было никаких мишеней, изображающих противника, как это делалось в русской школе. Обычно сам командир стреляющей группы производил, в большинстве случаев открыто, разведку и выбор наблюдательных пунктов и для себя, и для командиров батарей; он же должен был выбрать позиции для всех батарей своей группы, указать даже способы их

занятия, интервалы между батареями, степень их укрытия и проч. Словом, на командире группы, лежало много самых разнообразных обязанностей, несомненно, в ущерб важнейшей из них,—тактического руководства огнем батарей группы.

В распределении батарей группы по целям было стремление обстреливать большое число целей меньшим числом орудий, что приводило к недопустимому рассеиванию огня; замечался даже шаблон: заранее две батареи группы назначались для предполагаемой борьбы с артиллерией противника и ставились на позицию вместе, почти рядом, а третья батарея для обстреливания пехоты и располагалась в стороне, имея в виду фланкирование неприятельской пехоты или фланкирование подступов к прикрывающему артиллерию гребню, с целью уменьшения мертвого пространства. Вообще у французов обращалось большое внимание на достижение косоприцельного огня, что являлось наиболее положительной стороной подготовки их артиллерии.

В 1913 году французские артиллеристы еще не имели командирского угломера и буссоли и в отношении целеуказаний и подготовки к открытию огня переживали период попыток, импровизаций и случайных способов, в русской артиллерии давно уже пройденный. Цели обыкновенно указывались руководителем, стоящим возле стреляющего командира. Изменений в тактической обстановке почти не практиковалось, так как упражнения в стрельбе с маневрированием сводились к какому-нибудь одному определенному случаю, предусмотренному уставом для боя. Поэтому командиры на курсах в Мальи и Шалонском лагере не упражнялись ни в целеуказании, ни в тактике огня.

Позиции для батарей избирались почти исключительно полузакрытые с весьма пологими скатами, т.-е. выбор их был весьма прост, что совершенно не отвечало принципу преимущественного расположения на закрытых позициях, проповедуемому самими французами.

Наблюдательные пункты допускались близко от батарей, при чем обыкновенно 2 командира батареи располагались вместе с командиром группы, а нередко при нем все 3 командира батарей, что в русской артиллерии признавалось крайне нежелательным. Стремление французской артиллерии жаться друг к другу и к прикрывающему гребню—батарея к батарее и командир к командиру—объяснялось крайней бедностью в средствах связи, что русская артиллерия испытывала в несравненно меньшей степени лишь в 1900—1908 гг., т.-е. за 5—6 лет до начала войны.

Но в русской офицерской артиллерийской школе не бывало упражнений в изучении действительных пехотных и кавалерийских целей (а не только мишеней), какие применялись французами. У них на полигоне в Мальи пехота, специально

командированная на полигон, проделывала показные упражнения в наступлении на совершенно открытой, полузакрытой или сильно пересеченной местности [1]). Артиллерийские офицеры курсов Мальи находились во время этих упражнений на наблюдательных пунктах со своими артиллерийскими и пехотными руководителями, откуда, следя за наступлением пехоты, оценивали случаи, когда по силе и продолжительности появления пехотной части выгодно было ее обстрелять артиллерийским огнем. При этом подчеркивалась трудность взять под артиллерийский огонь видимые части пехоты, появляющиеся мелкими группами и на ничтожные промежутки времени; подчеркивалось также стремление пехоты накапливаться и задерживаться на рубежах и за местными предметами, дающими укрытие от взоров и лишь мнимую безопасность от поражения артиллерийским огнем. Пехотными руководителями давались поучительные объяснения о тех признаках, по которым, видя появление и движение отдельных людей, возможно угадать присутствие за укрытием более крупных частей пехоты. Тут же артиллеристы указывали средства поражения, способы стрельбы, род снарядов и проч.

Старший командный состав русской полевой артиллерии, за немногими исключениями, к началу мировой войны был обучен искусству стрельбы с закрытых позиций в совершенстве и достаточно хорошо разбирался в тактических вопросах применения артиллерии в бою. В этом отношении русская полевая артиллерия в значительной мере превосходила французскую артиллерию, не говоря уже об артиллерии немцев (германской и австрийской), уровень подготовки командного состава которой был гораздо ниже не только русской, но и французской. Среди высшего же командного состава артиллерии (главным образом, среди генералитета), несмотря на принятые меры к улучшению подготовки [2]), оставалось к началу войны еще немало лиц, значительно отставших не только от современной тактики, но даже по своей специальности—по технике артиллерии.

Этим объясняются случаи применения артиллерии на войне, по распоряжению некоторых высших артиллерийских начальников, не в соответствии даже со свойствами орудий [3]).

В стрельбе на дальние дистанции с полузакрытых и укрытых позиций по прицелу и в стрельбе при помощи летчиков наблюдателей русская артиллерия практиковалась мало и в этом отношении подготовлена была несравненно слабее, чем в стрельбе по угломеру с закрытых позиций.

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 179—057.
[2]) См. главу II.
[3]) Несколько случаев указано в приложении 4-м.

Предполагая, что война будет исключительно маневренной, что участь войны разрешится молниеносными ударами в полевом бою, совершенно не предвидели, что она обратится в длительную позиционную войну. Поэтому полевая артиллерия к борьбе за укрепленные позиции не готовилась. Но по инициативе руководителей офицерской артиллерийской школы Шихлинского и Гобято, бывших участников обороны Порт-Артура в 1904 году, школа знакомила переменный свой состав с техникой стрельбы по укреплениям, по плану местности, разграфленному на квадраты, и потому русской артиллерии приемы стрельбы, применяемые в позиционной войне, были до некоторой степени известны.

Нельзя сказать того же про подготовку старшего командного состава тяжелой (осадной и крепостной) артиллерии. Генерал-инспектор артиллерии, будучи сам опытным и сведущим полевым артиллеристом, относительно мало уделял внимания крепостной и осадной артиллерии. Это обстоятельство, в связи с недостатком хороших руководителей в крепостном отделе школы (выдающиеся специалисты по крепостной артиллерии бывали довольно редким исключением в старой армии), послужило одной из главных причин относительно слабой подготовки старшего командного состава тяжелой (крепостной) артиллерии, в особенности в сухопутных крепостях как в отношении техники стрельбы, так и в отношении тактики (береговая артиллерия стреляла довольно хорошо). С целью повышения подготовки необходимо было, между прочим, преобразовать крепостной отдел в самостоятельную крепостную офицерскую артиллерийскую школу. На образование такой школы ГАУ испрашивало отпустить кредит еще в 1906 году (см. главу III), но мероприятие это не было в полной мере осуществлено до начала мировой войны, главным образом, по недостатку денежных средств.

Слабая подготовка командного состава крепостной артиллерии особенно ярко выразилась в 1912 году во время опытной мобилизации кр. Осовец (см. главу V) [1]. Позиции для батарей выбраны были неудачно, большинство из них были открытыми для противника или слабо маскированными, плохо примененными к местности. Выбору и оборудованию наблюдательного пункта, с чего, как с важнейшего, начинают полевые артиллеристы, в Осовецкой крепостной артиллерии не придавали должного значения. Наблюдательные пункты выбраны были, в общем, неудачно и плохо оборудованы. Имеющиеся в крепости оборудованные наблюдательные пункты не были заблаговременно распределены, вследствие чего не только некоторые командиры батарей, но даже и

---

[1]) Отчет по артиллерийской части опытной мобилизации кр. Осовец, произведенной 17—21 сентября 1912 г.

командиры групп до последнего дня опытной мобилизации не могли указать определенно свой наблюдательный пункт и место своего нахождения во время стрельбы в бою. Организация связи и наблюдения была не в достаточной степени разработана. Из намеченных всего лишь 5-ти пунктов для передовых наблюдателей два оказались в таком районе, что при искусственном наводнении, при запруде Рудского канала возле крепости, были бы окружены водою. Единственное средство — телефонная связь была так организована, что не только командиры групп между собою и своими командирами батарей, но и эти последние со своими батареями могли сообщаться лишь через центральную станцию командира крепостной артиллерии, что представляло большие неудобства. Практическая стрельба, произведенная во время опытной мобилизации, по обстановке была весьма проста и малопоучительна. Стрельба свелась к последовательному обстреливанию трех групп мишеней, открыто поставленных и хорошо видных с наблюдательного пункта, изображавших батареи противника.

Целеуказания, даваемые командиром группы, недостаточно хорошо воспринимались командирами батарей; делаемые им поправки направления выстрелов не всегда были удачны; сосредоточение огня нескольких батарей по одной цели, а также стрельба перекрестным огнем не производилась. Пристрелка и стрельба бомбами велась довольно правильно, стрельба шрапнелью была не так хороша.

Малая поучительность стрельбы объяснялась не только слабой подготовкой старшего командного состава, но и неудовлетворительностью полигона Осовецкой крепости, представляющего узкую полосу поросшего кустарником болота, ограниченную справа железной дорогой и слева—деревней Сосна, расстояние между которыми около 2 *клм*; при этом безопасная зона для стрельбы получалась в виде ленты шириною лишь около 200—300 сажен.

Вопрос о переселении д. Сосна в другое место, крайне необходимом не только для расширения полигона, но и по другим соображениям оперативного характера, был возбужден еще в 1906 году, но не получил разрешения в течение около 8 лет, до самого начала мировой войны.

В отношении полигонов, приблизительно, в таком же положении находились и другие русские сухопутные крепости. Между тем, крепостная артиллерия должна практиковаться в стрельбе со всех возможных боевых ее позиций и по всем направлениям, откуда может появиться перед крепостью противник. Только тогда может быть вполне обеспечена боевая подготовка крепостной артиллерии.

Слабая подготовка командного состава крепостной артиллерии, особенно в тактическом отношении, сказалась в начале

мировой войны в недостаточно удовлетворительных боевых действиях полевой тяжелой артиллерии, командный состав которой комплектовался из офицеров бывшей осадной или крепостной артиллерии. Пришлось во время войны заменить некоторых командиров полевой тяжелой артиллерии, с целью поднять ее боеспособность до уровня легкой полевой артиллерии, командирами из этой последней, а затем комплектование командного состава не только полевой тяжелой, но и тяжелой артиллерии особого назначения (позиционно-осадного типа) производить офицерами наравне с комплектованием полевой легкой артиллерии.

Артиллерийская академия имела общей целью предоставление офицерам специального высшего артиллерийского образования [1]). Академия состояла из двух классов и дополнительного курса. Классы предназначались для распространения высших знаний в войсковых частях артиллерии; дополнительный курс предназначался специально для офицеров, готовящихся к службе по технической, ученой и учебной частям.

Для строевых частей артиллерийская академия являлась полезной в смысле распространения среди них лишь специальных высших артиллерийских сведений по части стрельбы и техники; что же касается распространения чисто военных знаний тактического характера, по применению артиллерии в современном бою и проч., то в этом отношении артиллерийская академия почти ничего не давала. Преподавание в академии имело несомненный уклон в сторону техники, а не тактики. Военные науки, как-то: стратегия, тактика, фортификация, история военного искусства, военная администрация относились к вспомогательным предметам академического курса, тогда как все отделы артиллерии: технология, теоретическая и практическая механика, химия, принадлежали к главным предметам.

В летние месяцы офицеры академии командировались для практических занятий в технические артиллерийские заведения и на заводы, допускались к осмотру крепостей и других военных сооружений, а также к присутствованию при производстве разного рода опытов и работ по артиллерийской части. На полигоны же офицерской артиллерийской школы и другие, а также на учебные сборы артиллерийских частей и на маневры всех родов войск для усовершенствования в искусстве стрельбы и в боевом применении артиллерии слушатели артиллерийской академии не командировались.

Офицеры, успешно кончившие академию с дополнительным курсом, назначались к занятию мест, по технической, ученой и учебной части, в технические артиллерийские заведения,

---

[1]) Свод воен. постановл. 1869 г. Кн. XV, изд. 4 (по 1/14 января 1914 г.).

в ГАУ, в артиллерийский комитет, в главный и окружные артиллерийские полигоны, приемщиками на заводы, заведывающими практическими занятиями в крепостной артиллерии и в управление генерал-инспектора артиллерии. И только не более 4-х из них ежегодно имели право быть назначенными на службу в строевые части гвардейской артиллерии.

Офицеры, не окончившие или не проходившие дополнительного курса академии, перечислялись в строевые артиллерийские части, но таких бывало немного; кроме того, обыкновенно большинству из них предоставлялось право на перевод впоследствии в артиллерийское ведомство для службы по технической, ученой и учебной части, куда они и переводились.

В 1906 году ГАУ возбудило ходатайство об отпуске кредитов на улучшение материального обеспечения офицеров-академиков технической и ученой службы (см. главу III). Мера эта проведена была в жизнь через несколько лет, и после того офицеры, окончившие артиллерийскую академию, почти все переходили на службу по технической и ученой части. До осуществления этой меры, когда строевые офицеры артиллерии были материально обеспечены лучше ученых артиллерийских техников, многие из оканчивающих академию добровольно возвращались в строй. В большинстве случаев такие офицеры бывали из числа самых энергичных и способнейших, и, получив высшее артиллерийское образование, они являлись чрезвычайно полезными для строевых артиллерийских частей в смысле проведения специальных знаний по стрельбе и по материальной части артиллерии. Впоследствии многие из них стали руководителями офицерской артиллерийской школы или получили высшее назначение по административно-технической или учебной службе, и в строевых частях к началу мировой войны их осталось мало.

В общем, артиллерийская академия в той организации, какую она имела к 1914 году, подготавливала инженеров артиллерийской техники, из числа которых вышло немало известных ученых, но возлагаемая на академию другая задача-распространения высших знаний в войсках достигалась в весьма ограниченной степени.

б) Подготовка младшего командного состава.

Младший командный состав русской артиллерии комплектовался путем производства в офицеры юнкеров артиллерийских и военных училищ.

В артиллерийских училищах [1]) юнкера получали основательную специальную подготовку, вполне достаточную для того, чтобы быть полезными для службы в артиллерии на младших командных должностях. Не было только у них уменья в обращении с солдатами, но, беря пример с более

[1]) Св. Воен. Пост. 1869 г. Кн. XV. Изд. 4 (по 1/14 января 1914 г.).

опытных, старших по службе товарищей, они, в большинстве случаев, становились хорошими начальниками.

Офицеры, выпускаемые в артиллерию из военных училищ, не проходили специальной артиллерийской службы в своих училищах и потому были подготовлены значительно слабее как теоретически, так и, в особенности, практически. Положение этих офицеров в первое время службы в артиллерии бывало весьма тягостным. Им приходилось учиться практически не только у своих старших товарищей офицеров, но и у подчиненных фейерверкеров и даже у старослужащих бомбардиров и канониров. Благодаря только тому, что в артиллерию из военных училищ выпускались лучшие юнкера и что в артиллерии взаимные отношения между офицерами и солдатами бывали более доброжелательными, офицеры из военных училищ выходили из положения с честью и обыкновенно в знании строевой службы и практической стрельбы впоследствии нисколько не уступали своим товарищам из артиллерийских училищ. Но все же эти последние нередко давали первым чувствовать свое превосходство (см. о розни главу I).

Ненормальность подобного положения сознавалась и ГАУ с своей стороны принимало меры к созданию новых артиллерийских училищ, чтобы увеличить выпуск специально подготовленных офицеров и пополнять хронический некомплект офицеров в артиллерии, в особенности большой в частях крепостной артиллерии. Так, например, во время опытной мобилизации кр. Осовец обнаружилось, что даже в такой близкой к границе крепости офицеров было настолько мало, что многих не бывало в ротах почти круглый год, и подготовка нижних чинов лежала, главным образом, на фейерверкерах и подпрапорщиках; во время мобилизации большинство офицеров исполняло по 2—3 обязанности и более (один из ротных командиров был одновременно комендантом форта, командующим батальоном, начальником 2 отдела артиллерийской обороны, заведывающим хлебопечением при мобилизации и временно командиром батальона запасных, призванных в крепость для отбывания сборов, т.-е. одновременно должен был исполнять ответственные обязанности по 6 должностям [1]).

Служба в крепостной артиллерии была так плохо обставлена, была настолько безотрадна, что служить в крепостной артиллерии не желали юнкера не только артиллерийских училищ, но и военных, за редким исключением. Приходилось комплектовать крепостную артиллерию случайным элементом: юнкерами артиллерийских училищ, которые оказались

[1]) „Отчет по арт. части опытной мобилизациии кр. Осовец, произведенной 17—21 сентября 1912 года“.

по физическим качествам непригодными для службы в полевой артиллерии, менее способными юнкерами военных училищ, для которых не хватало вакансий в полевой артиллерии, переводом из пехоты офицеров, и, наконец, в последнее время перед войной, насильственным выпуском юнкеров из артиллерийских училищ (последнее представлялось крайне несправедливым и не достигало цели, так как более энергичные и способные из них всеравно находили для себя выход служить вне крепости).

Между тем, служба в тяжелой артиллерии осадно-крепостного типа, в виду большой сложности и чрезвычайного разнообразия материальной части, считалась более трудной и ответственной, требовавшей более серьезной специальной артиллерийской подготовки, чем служба в полевой артиллерии. Поэтому для подготовки офицеров на укомплектование тяжелой артиллерии признавалось необходимым иметь особое крепостное артиллерийское училище.

По плану мероприятий, составленному в ГАУ еще в 1906 году, намечалось улучшение быта крепостной артиллерии и устройство двух новых артиллерийских училищ,— одного для полевой, другого для крепостной артиллерии (см. главу III).

Мероприятия эти были проведены в жизнь лишь отчасти и в общем настолько запоздали, что до начала войны в 1914 году не произошло существенного улучшения в пополнении некомплекта тяжелой артилерии специально подготовленными офицерами. Докладчики по сметам ГАУ неоднократно обращали внимание государственной думы на медленность в работе по созданию крепостного артиллерийского училища. Между прочим, со времени утверждения окончательного проекта этого училища военным советом в продолжение 8 месяцев проект оставался без движения в канцелярии военного министерства, сначала для достижения соглашения с контролирующими министерствами, а затем для выяснения возможности занесения требуемых кредитов к условному отпуску. Только после личного доклада начальника ГАУ военному министру было разрешено не откладывать постройку крепостного училища, а необходимый кредит внести в ближайшую смету [1].

В строевых артиллерийских частях велись, по особой инструкции, артиллерийские и тактические занятия с офицерами под общим руководством командиров бригад и дивизионов и под непосредственным руководством командиров батарей.

Почти все эти командиры, за редким исключением, были из прошедших курс офицерской артиллерийской школы,

[1]) Показания начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева. Стр. 98 и 99.

достаточно знакомых с новейшими достижениями в области техники стрельбы и тактики артиллерии. Поэтому занятия с офицерами, носившие характер „отбывания номера" в период до русско-японской войны (см. главу I), постепенно в 1906—1910 гг. получили другой смысл и имели более серьезное значение для поднятия уровня образования артиллерийских офицеров в специальном техническом и отчасти в тактическом отношении; занятия эти, в большинстве случаев, стали интересными и поучительными.

в) Подготовка низшего командного состава и орудийной прислуги.

Низший командный состав,—фейерверкеры и орудийный расчет во всех родах русской артиллерии были, в общем, отлично обучены и хорошо знали свое специальное дело [1]). К сожалению, старое увлечение „словесностью", сводившееся к зазубриванию наизусть и автоматическим ответам на заранее составленные вопросы по разным отделам уставов и описаний материальной части, еще не было изжито в некоторых частях артиллерии и в особенности в крепостной.

Во время опытной мобилизации кр. Осовец в 1912 году кадровый состав крепостной артиллерии, несмотря на многие неблагоприятные условия—большой некомплект командного состава и солдат, перегруженность их разного рода работами и проч., оказался вполне удовлетворительно подготовленным как в отношении специального артиллерийского дела, так и в смысле ознакомления с другими разнообразными обязанностями крепостной службы. При этом обращено было внимание на излишнее увлечение стрельбой из винтовок и „словесностью". Признано было необходимым пересмотреть программы обучения крепостной артиллерии, отбросить все лишнее и понизить требования, которые тогда предъявлялись к стрельбе крепостной артиллерии из винтовок.

Программы обучения полевой артиллерии так же, как и крепостной, следовало пересмотреть и многое в них сократить.

Фейерверкеры артиллерии были основательно подготовлены и теоретически и, в особенности, практически для исполнения обязанностей непосредственного начальника орудия и для замещения взводного командира; они быстро и точно исполняли команды по наводке и стрельбе, отлично руководили и следили за исполнением обязанностей расчета при орудиях и зарядных ящиках. Фейерверкеры были незаменимыми помощниками офицеров и служили примером для всех солдат батареи в смысле практических знаний службы, сознания долга и самоотверженности. Орудийный расчет в особенности наводчики орудий, состояли в огром-

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 187—398.

ном большинстве из грамотных, отборных по умственному развитию и физической силе людей; они были хорошо практически подготовлены.

На всех практических занятиях мирного времени, и в особенности на практических стрельбах, замечалась дружная работа всего состава артиллерии.

г) Руководства и наставления для боевой подготовки артиллерии.

Наличие отвечающих современным требованиям уставов и наставлений, которыми могли бы руководствоваться войска при обучении и прохождении службы, является одним из основных условий, обеспечивающих успешность и однообразие их боевой подготовки.

В этом отношении вся царская армия, и в частности артиллерия, находилась в крайне неблагоприятном, ненормальном положении.

Жизнь армии почти всегда оказывалась далеко впереди тех положений, уставов и наставлений, которыми армия должна была бы руководствоваться; ей приходилось пользоваться устаревшими законоположениями или частными неофициальными изданиями, или теми сведениями, которые получил командный состав в училищах, школах и академиях. При таком порядке трудно было проводить „единство взглядов“ на тот или иной вопрос сложного военного дела. В особенности трудно было этого достигнуть в артиллерии с подчинением ее начальникам дивизий, большинство которых было недостаточно осведомлено со свойствами скорострельной артиллерии и условиями ее боевой службы, а за отсутствием официальных руководств лишено было возможности предъявлять к артиллерии соответственные требования

Благодаря только настойчивости генерал-инспектора артиллерии и работе руководимой им офицерской артиллерийской школы, в боевой подготовке артиллерии не было сколько-нибудь заметного разнобоя и она к началу войны оказалась на должной высоте.

Разработка и выход в свет официальных положений, наставлений и прочих руководств с крайним опозданием— обычное явление в старой царской армии. В данном случае, запоздание происходило не по вине контролирующих министерств, так как тут новых ежегодных расходов не требовалось. Задержки происходили, с одной стороны, вследствие неудовлетворительного способа разработки руководств в комиссиях, с другой—вследствие инертности и бюрократизма учреждений военного министерства, бумажных отписок, перекладывания работы друг на друга и проч.

До 1910 года разработкой и изданием всех руководств артиллерийской службы ведало одно ГАУ; с 1910 года, после реорганизации ГАУ (см. главу V) в этом деле явилось два хозяина: ГУГШ, дающее задание, окончательно согласовы-

вающее, редактирующее и проводящее руководство в жизнь, и ГАУ, разрабатывающее проекты руководств, а иногда дающее заключения по запросам ГУГШ.

После 1910 года вопрос с изданием наставлений и руководств для артиллерии поставлен был весьма неудовлетворительно. Примеров волокиты в этом вопросе много.

„Положение об обучении молодых солдат в артиллерии“, изданное до русско-японской войны—еще в 1901 году, признавалось устаревшим. Варшавский военный округ 31 октября 1912 года представил в ГУГШ проект нового положения, составленный по его инициативе, и просил разрешить применять проект в частях артиллерии округа. Военный министр разрешил применять этот проект в виде опыта на 1913 год не только в Варшавском, но и в Киевском округе. От испытания Киевский округ отказался, так как вел обучение молодых солдат в артиллерии по собственной ускоренной программе. Варшавский округ в 1912—13 году вел обучение также по своей программе, придерживаясь проекта лишь приблизительно, но нашел проект составленным последовательно и желательным к применению в будущем, однако, после испытания еще в 1913—14 учебном году.

В июне 1914 года, через $1^1/_2$ года после представления проекта, ГУГШ решило его издать для руководства в артиллерии. Новое положение об обучении молодых солдат в артиллерии „запоздало“; оно было напечатано после начало мировой войны [1]).

В 1909 году, по инициативе инспекции артиллерии, особая комиссия при ГАУ из представителей от строя, инспекции и офицерской артиллерийской школы разработала проект положения об учебных командах полевой артиллерии и программ для них взамен совершенно устаревшей „Инструкции учебным командам“ изд. 1897 года.

Проект был одобрен артиллерийским комитетом и в феврале 1910 года передан из ГАУ в ГУГШ для утверждения [2]).

В 1911 году командир 2 Кавказского корпуса просил ГАУ разрешить вверенной ему артиллерии руководствоваться проектом положения об учебных командах, составленным по его инициативе в 51 артиллерийской бригаде, так как существующая инструкция изд. 1897 года, не отвечала современным условиям.

Артиллерийский комитет, рассмотрев проект, нашел его удовлетворительным, но так как разрешение вопроса о допустимости пользования проектом не входило в компетенцию ГАУ, проект передан был по принадлежности в ГУГШ. При этом артиллерийский комитет указал, что проект положения

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 183—827.
[2]) Дело В.-Уч. Архива 183—827.

об учебных командах, разработанный в 1909 году, следовало бы объявить к руководству, в виду „крайней необходимости принятия решительных мер для того, чтобы вывести артиллерию из положения, совершенно не обеспечивающего удовлетворительную подготовку фейерверкеров“ [1]).

Но ГУГШ в апреле 1911 г., вместо утверждения проекта 1909 года, возвратило его в ГАУ для незначительных изменений, вызывавшихся новым строевым уставом при орудиях обр. 1902 г. Проект с изменениями был возвращен в ГУГШ 11 декабря 1911 г. Через несколько месяцев после того, в июле 1912 г. ГУГШ сообщило ГАУ, что проект положения передан на заключение Варшавского и Киевского военных округов и что с своей стороны ГУГШ встречает некоторые возражения против проекта. Возражения формального свойства и сводились к следующему: 1) „в целях объединения уставов и облегчения пользования ими“ проект положения должен быть согласован в редакционном отношении с редакцией положения об обучении пехоты, утвержденного 22 декабря 1911 г.; 2) нельзя производить в бомбардиры успешно окончивших учебную команду, если нет вакансий; 3) представлять к производству в бомбардиры должен не начальник учебной команды, а непосредственный начальник в батарее. Единственным более или менее существенным возражением являлось нежелание ГУГШ уделить 26 учебных часов на изучение в учебной команде „отчизноведения“ и „географии“, так как это при краткости времени для прохождения курса“ вредно отзовется на специальной подготовке“.

Варшавский и Киевский округа в своих заключениях по поводу проекта положения разошлись. ГУГШ предъявило еще два протеста: уменьшить число ежегодно обучающихся в учебной команде, что было бы явно в ущерб делу, и не выдавать более достойным ученикам наград в виде книг или денежных пособий.

В январе 1913 года артиллерийский комитет вновь пересмотрел проект положения об учебных командах со всем накопившимся за 3 года бумажным материалом. В результате, артиллерийский комитет, сделав кое-какие ничтожные уступки и самые незначительные изменения в редакции проекта, возвратил его в ГУГШ и высказал надежду, что артиллерия будет, наконец, иметь положение и программы к началу курса учебных команд в 1913 году.

Новое положение об учебных командах полевой артиллерии было утверждено 7 апреля 1913 года, в последней редакции артиллерийского комитета.

Как видно из доклада ГУГШ 5 апреля 1913 года, оно само признавало, что „установленный порядок подготовки

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 187—395.

унтер-офицеров полевой артиллерии в учебных командах не отвечает более ни организации, ни вооружению частей этой артиллерии, ни современным взглядам на артиллерийское дело" [1]).

Между тем, потребовалось почти $3^1/_2$ года на перебрасывание проекта из ГАУ в ГУГШ, в штабы округов и обратно, чтобы в результате проект увидел свет почти в том же виде, в каком он был разработан в 1909 году комиссией, несомненно в данном вопросе более компетентной, чем артиллерийский комитет, канцелярии штабов и управлений.

Одновременно в 1913 году артиллерийский комитет рассматривал проект положения об учебных командах конной артиллерии, разработанный в Варшавском военном округе в разных комиссиях из командиров конно-артиллерийских частей. ГУГШ сделало сводку работ этих комиссий и проект положения передало на заключение артиллерийского комитета. Характерно, что ГУГШ, делая сводку, не обратило внимания на увлечение конной артиллерии ездой и кавалерийским делом в ущерб артиллерийскому и на стремление ее обособиться от легкой или, как ее раньше называли, пешей артиллерии. По этому поводу артиллерийский комитет, при рассмотрении проекта положения об учебных командах, высказал следующее:

„Артиллерийский комитет никак не может стать на точку зрения, высказанную в проекте конных артиллеристов, что в конной артиллерии *лошадь такое же орудие, как пушка*, что в конной артиллерии есть особая конно-артиллерийская разведка, что *цель учебной команды—дать фейерверкера сознательно ездящего* и что, таким образом, считая верховую езду отделом особой важности, надлежит проходить еще и особый теоретический курс ее и в результате отнять от подготовки по артиллерийскому отделу в пользу верховой езды $^1/_3$ времени, а то и более". . . и что, наконец, начальник учебной команды должен избираться из старших офицеров, „*предпочтительно из окончивших кавалерийскую школу*" [2]).

Читая эти строки, можно подумать, что не без основания в то время иронизировали: „в конной артиллерии все было бы хорошо, да мешают ей пушки".

Впрочем, на деле было иначе. Стремление обратиться в конницу было далеко не общим явлением в конной артиллерии. В частных случаях подобного уклонения от прямого назначения конная артиллерия своевременно придерживалась в разумных границах высшей властью. Что же касается техники стрельбы, то ей конная артиллерия обучалась наравне с лег-

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 183—827.
[2]) Дело В.-Уч. Архива 183—827.

кой и, в общем, в искусстве стрельбы почти не уступала легкой артиллерии.

По инициативе генерал-инспектора, особая комиссия из тех же представителей от строя, инспекции и офицерской артиллерийской школы разработала в 1910 году новую „инструкцию для подготовки полевой артиллерии к стрельбе“ взамен устаревшей, изданной в 1907 году. Инструкция эта была крайне важна и необходима не только для артиллерии, но и для руководства старшим общевойсковым начальникам при поверке ими боевой подготовки подчиненных им артиллерийских частей.

Проект инструкции поступил на заключение артиллерийского комитета в феврале 1911 г., но рассмотрен им лишь в июне, т.-е. спустя 4 месяца, а затем отправлен из ГАУ на заключение ГУГШ в декабре 1911 г. с потерею еще около 5 месяцев времени. Затем, в 1912 году несколько раз ГАУ просило ГУГШ ускорить разрешение вопроса об инструкции (в мае, июле, октябре). Наконец, в ноябре 1912 г. генерал-инспектор артиллерии сообщил начальнику генерального штаба, что скорейшее объявление инструкции к руководству признается крайне необходимым. Только после этого, в первый раз по прошествии года, получен был ответ начальника генерального штаба генерала Жилинского, что „инструкция“ представляется на одобрение военного министра и будет объявлена в самом непродолжительном времени.

„Инструкция“, названная в ГУГШ „наставлением для подготовки полевой артиллерии к стрельбе“, была объявлена к руководству в приказе по военному ведомству 21 февраля 1913 года № 70, т.-е. ровно через 2 года после того, как она была составлена комиссией. Между тем, ни артиллерийский комитет, ни ГУГШ никаких существенных изменений в проект „инструкции“ не внесли, и со стороны ГУГШ возражения сводились лишь к формальностям,—как назвать и каким порядком издать „инструкцию“. Напротив ГУГШ даже одобряло „инструкцию“, так как в докладе ГУГШ 28/XII—1912 г. военному министру было, между прочим, сказано, что „инструкция заключает в себе достаточно полные указания для подготовки личного состава и целых артиллерийских частей, а также для производства практических стрельб“ и что начальник генералтного штаба „не встречает препятствий к принятию ее к руководству“. Но, по мнению ГУГШ, „инструкция“ должна быть издана им, а не ГАУ, так как она относится к обучению и подготовке войск и должна служить к руководству и начальникам дивизий, в виду подчинения им артиллерийских бригад, т.-е. является официальным изданием, которым по принятому порядку ведает ГУГШ [1]).

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 177—149.

„Наставление для подготовки полевой артиллерии к стрельбе", изд. в 1913 г., отражает в себе главнейшие основания, на которых зиждилась боевая подготовка полевой артиллерии. Проводилось оно в жизнь по указаниям инспекции артиллерии, не ожидая официального объявления, с 1910 года, а в некоторых частях артиллерии еще ранее.

„Наставление" содержало в себе общие указания и 5 отделов: 1) подготовка личного состава; 2) подготовка в составе частей; 3) практическая стрельба; 4) отчетность; 5) правила поверки подготовки к стрельбе полевой артиллерии.

В „Наставлении" обращалось внимание на следующее:

1) практическая стрельба должна дать всему личному составу полное представление о технических и тактических свойствах огня;

2) каждая артиллерийская часть должна ежегодно стрелять с позиций закрытых, полузакрытых и открытых по войскам и по местным предметам (по недостатку снарядов, отпускаемых на практику, это далеко не исполнялось и стреляли почти исключительно с закрытых позиций);

3) каждая стрельба выполняется в предположении какой-либо боевой задачи. Лишь отдельные упражнения в данной стрельбе допускались без тактического задания, но число таких упражнений ограничивалось пределами крайней необходимости.

4) каждой стрельбе предшествует выполнение маневра;

5) обстановка стрельб должна приближаться к обстановке действительного боя;

6) боевая задача не ограничивается лишь ведением огня. Каждый стреляющий должен, в силу условий задания, организовать разведку, выбрать наблюдательный пункт и позицию, организовать наблюдение, установить связь между наблюдательным пунктом и батареей, батареи с тылом, подготовить в определенное условиями задачи время данные для открытия огня, организовать управление тылом и проч.;

7) каждое упражнение проводится с самым строгим контролем техники стрельбы;

8) все артиллерийские части, по возможности, должны проходить часть своих стрельб с пехотой и кавалерией;

9) все свободные от службы офицеры должны присутствовать на всех стрельбах и записывать результаты своих наблюдений, для сравнения их по окончании стрельбы с данными, полученными с наблюдательных пунктов;

10) стрельбы продолжаются круглый год как на артиллерийских полигонах, так и вне их. Должно практиковаться также в стрельбах: зимних, ночных, по летательным машинам, при помощи показаний летчиков-наблюдателей, по планам и проч.;

11) поверку подготовки к стрельбе командующие войсками в округах должны производить преимущественно на незнакомой местности, так как только при этом условии может быть вполне проверена как техническая, так и тактическая подготовка артиллерийских частей.

Командиры корпусов и начальники дивизий должны делать поверку боевой подготовки артиллерии при очередных занятиях и стрельбах.

Производится поверка подготовки артиллерии в связи с действиями своей пехоты, положение которой должно быть обозначено возможно более наглядно; при малейшей возможности пехотные части должны привлекаться к совместной артиллерийской стрельбе.

Командиры корпусов и начальники дивизий должны организовать совместные занятия, маневры и стрельбы пехоты, артиллерии и кавалерии и тем способствовать взаимному пониманию и сближению всех родов войск. Они прежде всего должны поверять и давать указания в целях усовершенствования тактической подготовки артиллерии и затем уже обращать внимание на технику при содействии начальников (инспекторов) артиллерии корпусов, начальников артиллерийских сборов и начальников учебных артиллерийских полигонов;

12) при поверке артиллерийских сборов генерал-инспектором артиллерии от соответствующих штабов округов, корпусов и дивизий должны быть командированы представители, обязанные докладывать своим начальникам все замечания и указания, какие будут сделаны генерал-инспектором в отношении подготовки артиллерии.

Приведенных основных положений „Наставления“ вполне достаточно, чтобы судить о том серьезном значении, какое получало своевременное проведение его в жизнь для боевой подготовки артиллерии совместно с другими родами войск. Но „Наставление“ запоздало, так как в продолжение одного летнего периода занятий 1913 года, когда войска и высшие их начальники могли им руководствоваться, нельзя было многого достигнуть. Потеря двух годов 1911 и 1912, в течение которых „Наставление“ (инструкция) пролежало без движения в канцелярских недрах ГАУ и ГУГШ, явилось одной из главных причин недостаточного знакомства общевойсковых начальников со свойствами артиллерии и не редко отсутствия внутренней связи артиллерии с другими родами войск.

Инспекция артиллерии желала осуществить еще следующие мероприятия для поднятия боевой подготовки артиллерии и укрепления органической связи ее с другими родами войск, а именно:

1) командирование пехотных и кавалерийских частей на все специальные артиллерийские сборы для участия в групповых стрельбах артиллерии;

2) прикомандирование офицеров генерального штаба к начальникам специальных артиллерийских сборов на все время этих сборов;

3) командирование артиллерийских офицеров на более или менее продолжительные сроки в войска других родов;

4) перевозку за счет казны на учебные полигоны для практических стрельб полного числа орудий с зарядными ящиками для каждой батареи.

По этому поводу ГАУ просило заключения и распоряжения ГУГШ в конце 1911 года. Просьба ГАУ осталась без ответа [1]). Указанные мероприятия не получили ни осуществления, ни достаточно полного отражения „в Наставлении для подготовки полевой артиллерии к стрельбе" изд. 1913 года.

Руководящие основания для применения артиллерии в бою в связи с другими войсками должны быть в общих уставах или наставлениях для боевой службы, которыми могли бы пользоваться войска всех родов. Таким уставом служил в царской армии почти до 1913 года „устав полевой службы" с приложенным к нему „Наставлением для действия в бою отрядов из всех родов оружия", утвержденный 10 апреля 1904 года [2]).

„Полевой устав 1904 года" не вполне отвечал современным требованиям и считался устаревшим, почему им мало руководствовались, предпочитая разные официальные, чаще неофициальные инструкции и наставления, в большинстве случаев значительно даже уступавшие уставу 1904 года и в основной мысли и в изложении. Благодаря этому, в армии проявилось шатание мысли в важнейшей области тактики— в вопросе о применении войск в бою, в особенности в области тактики артиллерии.

В полевом уставе 1904 года было мало указаний относительно артиллерии; но, в общем, указания эти были правильны, за исключением некоторых, не отвечающих условиям боя при современной скорострельной артиллерии, как-то: оставление части артиллерии в общем резерве, требование быстрых переездов артиллерии за атакующими войсками на ближайшие к противнику позиции, требование избегать стрельбы через головы своих и проч.

Полевой устав 1904 года следовало переработать на основании опыта русско-японской войны непосредственно по ее

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива 177—149.

[2]) В дальнейшем изложении устав этот и наставление будут для сокращения называться: „полевой устав 1904 года".

окончании. Это лежало на обязанности генерального штаба. С целью составления нового полевого устава, при ГУГШ образовывались совещания и комиссии, но работа сколько-нибудь заметно не подвигалась до конца 1911 года, несмотря на то, что вопрос о необходимости скорейшей переработки полевого устава поднимался даже в государственной думе еще в 1909 году [1].

Медленность в работе объяснялась отчасти тем, что составление устава комиссией дело трудно выполнимое, вследствие разнообразия и подчас противоречивости мнений ее членов; комиссии хороши для обсуждения готовой работы, но не для ее исполнения. По мнению профессора французской военной академии Гаскуэна, в комиссиях (вырабатывавших французские уставы перед мировой войной) легко возникали „многочисленные коллективные заблуждения", которые „никогда не имели столь дорогих последствий, как в великой войне" (1914—18 гг.) [2].

В 1910—11 гг. составление нового устава полевой службы поручено было профессорам военной академии; по приказанию военного министра, составление устава следовало закончить к 1 января 1911 года, но указанный срок не был выполнен.

В продолжении около 7 лет после окончания русско-японской войны генеральный штаб не предпринял решительных шагов, чтобы рассеять туман тактических воззрений, сгустившийся в армии. Правда, в военной академии (генерального штаба) на тактику артиллерии было обращено серьезное внимание. Она была выделена, по примеру артиллерийских учебных заведений, в особый предмет; в академию приглашены были лекторами известные артиллеристы с ученым и боевым стажем, работавшие рука об руку с профессорами тактики в академии. Некоторые профессора и руководители академии специально занялись тактикой артиллерии и с целью практического ее изучения прикомандировывались по собственному желанию для прохождения курса к офицерской артиллерийской школе; многие из них писали статьи по вопросам тактики артиллерии, издавали даже учебники и руководства. Но определенного начала, объединяющего различные взгляды в области тактики артиллерии, в трудах офицеров генерального штаба не замечалось.

Несколько лучше обстоял вопрос с тактикой артиллерии в офицерской артиллерийской школе. После неизбежных колебаний в установлении окончательных выводов в вопросе о боевом применении артиллерии по опыту русско-японской войны и после урегулирования неопределенности мысли

---

[1] Мемуары А. А. Поливанова.

[2] Гаскуэн. „Эволюция артиллерии во время мировой войны". Стр. 24.

в предположениях о войне будущего, офицерская артиллерийская школа, приблизительно с 1908 года, пошла по одному намеченному ею пути в отношени тактической подготовки командного состава. Верен был избранный путь или нет,—это другой вопрос, но, благодаря удачному подбору руководителей, школа до самого начала мировой войны шла неуклонно в одном определенном направлении, зная куда, зачем и к чему необходимо стремиться, чтобы достигнуть поставленной цели,— поднять боевую подготовку артиллерии не только в техническом, но и в тактическом отношении.

В ожидании нового полевого устава от генерального штаба офицерская артиллерийская школа не считала удобным выпускать от себя какие-либо полуофициальные наставления по применению артиллерии в бою и ограничивалась разными записками и лекциями по данному вопросу, не выходившими из стен школы, служившими лишь в виде пособий для слушателей.

Такое серьезное наставление, как „наставление для боя артиллерии в связи с другими родами войск", должно было служить развитием общих тактических положений полевого устава, обязательного для всех родов войск. Боевое наставление артиллерии, изданное помимо полевого устава, не могло быть самодавлеющим, не было бы обязательным для других родов войск, без которых артиллерия в бою не действует, и могло бы вызвать трения, если бы оно оказалось не согласованным с полевым уставом. Единственно правильным путем представлялось следующее: прежде всего генеральный штаб должен был издать устав полевой службы, предъявив в нем определенные тактические требования к артиллерии; затем уже, сообразно этим требованиям, разработать специальное наставление для действия в бою артиллерии в строгом соответствии с теми тактическими положениями полевого устава, которые являются общими для всех войск. Тогда только, и только таким путем разработанное наставление для боя артиллерии могло быть принято для руководства в войсках.

Между тем, в конце 1910 года на заключение артиллерийского комитета поступил отредактированный членом комитета ген. С. Т. Беляевым проект „Наставления для действия полевой артиллерии в бою", разработанный комиссией при ГАУ под председательством ген. Слюсаренко, получившего известность удачными боевыми действиями подчиненной ему артиллерии в русско-японскую войну. В виду долгих тщетных ожиданий нового полевого устава от генерального штаба, желание артиллерийского комитета дать артиллерии главнейший для нее боевой устав являлось естественным. Но во всяком случае проект „Наставления" следовало предварительно согласовать с теми основаниями тактической подготовки, какие

проводились в жизнь офицерской артиллерийской школой, а главное с теми положениями, которые приняты были в основание проекта нового полевого устава, разрабатываемого профессорами военной академии.

Офицерская артиллерийская школа, отдавая должное трудам знаменитого французского артиллериста ген. Ланглуа, относилась с осторожностью к начинаниям французской артиллерии и не была о ней столь высокого мнения, как многие артиллеристы и генштабисты того времени (см. стр. 153—157).

В проекте „Наставления", составленном в 1910 году, сказалось сильное влияние доктрины французской артиллерии. Проект сравнительно немногим отличался от французского „Наставления" для действия артиллерии в бою, изд. 1910 года. В проекте, как и во французском „наставлении", с одной стороны, было не мало отвлеченных рассуждений, главным образом, по поводу необходимости проявления инициативы, с другой стороны сквозило желание все объяснить, все предусмотреть, преподать правила чуть ни на все случаи, что могло бы связать артиллерийских начальников в проявлении личной инициативы, к чему и без того не были они склонны.

Это обстоятельство являлось слабой стороной проектируемого „Наставления" и в этом в особенности, а в частности и во многом другом, оно расходилось с теми началами, которые настойчиво проводились в жизнь офицерской артиллерийской школой при подготовке ею командного состава в тактическом отношении.

Проект „Наставления" рассматривался в артиллерийском комитете при участии генерал-инспектора артиллерии, нескольких строевых артиллерийских начальников с боевым стажем, начальника и некоторых руководителей офицерской артиллерийской школы и двух профессоров академии генерального штаба.

Рассмотрение боевого „Наставления" в ученом техническом артиллерийском комитете, большинство членов которого были довольно чужды искусству тактики и отстали от строевой артиллерийской службы, являлось ошибкой, в результате которой проект „Наставления" с некоторыми незначительными изменениями был принят подавляющим большинством голосов членов комитета, несмотря на серьезные возражения против проекта приглашенных в заседание комитета некоторых строевых артиллеристов, более известных участников русско-японской войны [1]), всех представителей офицерской артиллерийской школы и обоих профессоров академии генерального штаба.

---

[1]) Все они, в особенности Л. Н. Гобято и С. Н. Дельвиг, были против проекта „Наставления", за исключением одного ген. Слюсаренко.

Кроме некоторых изменений в проекте „Наставления", артиллерийскому комитету ГАУ поручено было согласовать проект с новым уставом полевой службы, составляемым в генеральном штабе.

На согласование требовалось много времени, так как разработка полевого устава тогда еще далеко не была закончена.

Проект „Наставления", несколько расходившийся с теми основаниями, которые проводились в жизнь офицерской артиллерийской школой при подготовке командного состава, мог повести к недоразумениям в вопросах боевого применения артиллерии. Во избежание этого, с согласия генерал-инспектора артиллерии, несколько строевых артиллеристов и руководителей офицерской артиллерийской школы (под руководством известного в свое время артиллериста ген. М. М. Краевского) составили и весною 1911 года выпустили „Пособие по стрельбе полевой артиллерии" в виде частного руководства (впредь до издания официального). „Пособие" включало в себе почти весь курс офицерской артиллерийской школы и по технике стрельбы и по тактике артиллерии; кроме того, в „Пособии" был помещен весьма важный отдел: „Обучение стрельбе", в котором имелись крайне необходимые для общевойсковых начальников сведения, заимствованные из проекта „Наставления для подготовки артиллерии к стрельбе", тогда еще не утвержденного [1]).

Потребность армии в руководствах для службы была настолько велика, что все 3.000 экземпляров „Пособия", изданного в начале апреля 1911 г., были распроданы в течение 2—3 месяцев, и уже в июне 1911 года, вероятно, не было артиллерийской части, даже из числа расположенных в самых отдаленных углах России, которая не имела бы и не руководствовалась „Пособием". Кроме того, „Пособие" было выписано многими старшими общевойсковыми начальниками и большинством начальников дивизий, в подчинение которым тогда только что перешла полевая артиллерия. Это обстоятельство имело серьезное значение, так как начальники дивизий, пользуясь „Пособием", в своих требованиях, предъявляемых подчиненным им частям артиллерии, не расходились с офицерской артиллерийской школой и могли надлежащим образом оценивать свойства современной артиллерии и условия боевого ее применения.

Согласование „Наставления для действия полевой артиллерии в бою", одобренного артиллерийским комитетом, с проектом нового полевого устава потребовало почти год времени, и только 28 февраля 1912 года оно было утверждено. Попало оно в войсковые части к осени 1912 года, и войска

---

[1]) См выше.

руководствовались им лишь около одного 1913—14 учебного года, предшествующего войне.

Несколько позже „Наставления для действия полевой артиллерии в бою“, а именно 27 апреля 1912 года был утвержден новый „Устав полевой службы“. По существу этот новый „Устав“ мало чем отличался от полевого устава изд. 1904 года. В новом полевом уставе проведены те же бесспорные истины, что „наилучшим способом достижения поставленной цели служат действия наступательные“, так как только они „дают возможность захватить почин в свои руки“, что для достижения успеха необходимо единство цели, взаимодействие всех частей и родов войск, самоотверженное исполнение всеми своего долга и взаимной выручки, самостоятельность каждого начальника и рядового бойца в исполнении данной ему задачи и проч.

Но новый полевой устав 1912 года, как и прежний 1904 года, также не учитывал в достаточной степени могущества современного огня, давшего большие преимущества обороне.

Относительно боевого применения артиллерии в полевом уставе 1912 года имелось гораздо больше указаний, чем в уставе 1904 года. Некоторые указания устава были весьма ценными, как-то: „взаимная ориентировка“ в положении неприятеля и в своих действиях и предположениях между общевойсковыми начальниками и подчиненными им артиллерийскими начальниками; введение артиллерии в бой сразу в таких силах, чтобы „достигнуть перевеса в огне“; образование самостоятельных боевых артиллерийских участков (почему-то лишь в „небольших отдельно действующих отрядах“); важность в бою не массирования орудий, а возможности сосредоточения огня, с раздельным расположением артиллерии для этой цели на боевом участке (однако, считалось полезным для облегчения управления огнем дивизионы без надобности не разделять); „охватывающее расположение артиллерии для получения флангового или косого огня“; выдвижение к авангарду артиллерии главных сил, не ожидая развертывания их в боевой порядок, чтобы быстрее достигнуть перевеса в артиллерийском огне над противником, и проч. В полевом уставе 1912 года имелись весьма краткие, но в общем совершенно правильные указания о применении в бою полевой тяжелой артиллерии, каких не было даже в специальном „Наставлении для действия полевой артиллерии в бою“.

На ряду с этими вполне целесообразными указаниями в уставе 1912 года сохранились некоторые и несоответствующие для современной артиллерии указания устава 1904 года, не вполне согласованные с „Наставлением для действия полевой артиллерии в бою“ и могущие вызвать недоразумения среди исполнителей, а именно: оставление части артиллерии в общем резерве в крупных отрядах; но понятие „крупный

отряд“ относительное, и артиллерию могли оставлять в резерве в ущерб необходимости введения ее в бой сразу в таких силах, чтобы достигнуть перевеса в огне; расположение артиллерии „возможно ближе к неприятелю“ (§ 495 Устава), а по „Наставлению“(§ 133) удаление „не может быть очень мало“ [1]); при продвижении своей пехоты вперед действие артиллерии „преимущественно с полузакрытых и открытых позиций, допускающих более быстрое открытие огня“ (§ 495 Устава), а по „Наставлению“ (§ 134) артиллерии в этом случае, может быть, „придется действовать с полузакрытых и открытых позиций“ и проч.

В полевом уставе 1912 года главным недостатком общего характера некоторые критики устава считали стремление к излишней аргументации и подробностям, что создает условия, при которых крайне затрудняется проявление частной инициативы, с другой стороны, вызывает смешение понятий, что делать и как делать. Первое—что делать—должно быть в уставе, а второе—как делать—в „Наставлении“ [2]).

Устав полевой службы изд. 1912 г. войска получили, как и „Наставление для действия полевой артиллерии в бою,“ осенью 1912 года и руководствовались им не более $1\frac{1}{2}$ лет до начала мировой войны.

Основные начала боевого применения артиллерии, настойчиво проводимые в жизнь офицерской артиллерийской школой с 1908 года, в общем получили отражение в полевом уставе 1912 года.

Издание официального устава и наставления для действия полевой артиллерии в бою настолько запоздало, что артиллерия выступила на мировую войну, подготовленной в тактическом отношении, главным образом, на началах, выработанных школой.

д) Общие основания подготовки артиллерии в тактическом отношении.

Подготовка русской полевой артиллерии старой армии в тактическом отношении (тактике огня) зиждилась на следующих главнейших основаниях [3]):

артиллерия назначается для содействия пехоте и коннице; своим огнем она подготовляет успех в выполнении общих задач боя.

Собственных конечных целей артиллерия в бою не имеет; лишь в исключительных случаях непосредственной самообороны она может временно направлять свои выстрелы против угрожающего ей неприятеля.

---

[1]) Наивыгоднейшими, в смысле достижения взаимной огневой поддержки и наибольшей площади поражения, являются дистанции: для 3 дм. полевой пушки не ближе 3-х и не дальше 4-х верст, для 42 лин. пушки 4—5 верст и т. д. („Пособие по стрельбе полевов артиллерии“, изд. 1911 г., стр. 153—154).

[2]) Дело В.-Уч. Архива 187—279.

[3]) „Пособие по стрельбе полевой артиллерии“. Изд. 1911 г., стр. 129—140.

Роль артиллерии в бою сводится к огню по тем войскам противника, которые при данной обстановке имеют наибольшее значение для своей пехоты или конницы.

Общевойсковой начальник ставит артиллерии задачи, которые распределяются старшим артиллерийским начальником между подчиненными ему частями артиллерии.

В пределах поставленной задачи каждому артиллерийскому командиру предоставляется самостоятельность в выборе целей для стрельбы.

При современных условиях ведения боя, когда обстановка создает самые разнообразные и непредвиденные заранее положения, а управление боем настолько затруднено, что приказания свыше часто будет ждать некогда и подчас и неоткуда, артиллеристу нельзя оставаться узким исполнителем первоначально поставленной ему задачи и в ожидании распоряжений не избирать самому цели для стрельбы.

Артиллерийский начальник, как и всякий другой, обязан проявить почин и принять самостоятельное решение в тех случаях, когда требуется немедленная помощь соседним войскам или когда обстановка боя быстро изменилась, а новых приказаний не получено.

В артиллерии проявление частного разумного почина при неполучении приказаний имеет не меньшее значение, чем в других войсках, так как случаи выгодного действия батарей представляются минутами, а свойства огня полевой артиллерии позволяют наносить поражения в самый короткий срок.

Только при совершенно выяснившейся обстановке может быть уверенность в правильности поставленной задачи и сделанного распределения огня батарей, например, в бою с неподвижным противником, пассивно обороняющимся на укрепленной позиции; в бою на ровной открытой местности, допускающей полный кругозор и обстрел для всех батарей дивизиона, притом настолько сосредоточенно расположенных, что управление ими просто и легко. Подобные благоприятные условия представляются в исключительных случаях. Напротив, в бою приходится обыкновенно действовать в крайне изменчивой обстановке (на разнообразной местности, рассчитывая на разрыв связи и выбытие из строя начальников). Поэтому, несмотря на желательность объединения тактического управления огнем артиллерии в руках старших начальников, необходимо допустить инициативу в выборе целей и для командиров батарей.

При выборе целей для стрельбы по личному почину необходимо руководствоваться прежде всего долгом взаимной поддержки и выручки войск, не зарываясь, в ущерб общей задаче боя, для преследования личных целей и помня, что в бою усилия всех войск должны быть направляемы к до-

стижению одной общей задачи. Затем следует соблюдать правила: 1) доносить непосредственному начальнику о принятом решении стрельбы по личному почину и 2) не обстреливать по собственной инициативе фронтальным огнем ту цель, против которой уже рвутся свои снаряды.

В противном случае проявление артиллеристами частного почина в выборе целей может привести к вредным последствиям: к раздробленному и хаотическому, а следовательно, и слабому огню, куда каждый хочет, вместо сосредоточенных усилий массового огня орудий, или к бесполезному нагромождению огня многих батарей по одной цели.

Для боя нельзя дать правил, пригодных на все случаи, так как в бою большею частью приходится действовать в условиях непредвиденной обстановки. По той же причине не может быть неизменных определенных правил выбора целей для стрельбы артиллерии в бою. Общими руководящими основаниями могут служить следующие положения: необходимо избирать цели, важнейшие в тактическом отношении при данной обстановке; при трудности решить сразу, какая цель важнее, избирается цель, опаснейшая для своих войск или для себя и, наконец, удобнейшая для поражения. Прочно организованная в бою связь артиллерии с другими войсками облегчает оценку целей, имеющих для них наибольшее значение.

Но вернейшим залогом правильного выбора целей служит высокая тактическая подготовка артиллерийских начальников и способность их принимать безбоязненно решения для достижения общей задачи боя, не ожидая приказаний свыше.

Боевые задачи полевой артиллерии в зависимости от различия в характере боевых столкновений крайне разнообразны.

В наступательном бою полевая артиллерия обязана обеспечить движение вперед пехоты.

Огонь артиллерии должен быть так направлен, чтобы поражать и разрушать все, что при данной обстановке наиболее вредит и мешает наступлению пехоты.

Эта задача сводится к следующим главным обязанностям артиллерии в наступательном бою:

1) заставить замолчать артиллерию противника, чтобы она не мешала движению своей пехоты и огню своей артиллерии;

2) уничтожить или во всяком случае заставить обороняющуюся пехоту приткнуться к земле, чтобы лишить ее возможности препятствовать движению своей пехоты ружейным и пулеметным огнем;

3) разрушать сооружения, которые, защищая противника, преграждают наступление;

4) препятствовать передвижению резервов обороняющегося.

По существу вся сила атаки состоит в движении пехоты вперед. Наступление пехоты замедляет не только тот огонь, который она выдерживает, но и тот, который она сама ведет. Пехота должна стрелять только тогда, когда безусловно не может идти. Огонь и движение несовместимы: при желании выполнить их одновременно лучшая пехота теряет и свой порыв и свои пули.

Артиллерия, как могущественная помощница пехоты, должна позволить последней подойти к противнику возможно ближе без ружейного огня. Огонь артиллерии и наступление пехоты должны быть одновременны: первая, стоя на месте, стреляет, вторая идет без стрельбы. В таком разделении труда, требующем искусного согласования, заключается, в сущности, внутренняя связь между пехотой и артиллерией.

Действия артиллерии наступающего в бою против неподвижного противника и в бою встречном различны, в особенности при завязке боя.

В бою с неподвижным противником, занявшим оборонительную позицию и тем ограничившим себе свободу действий, наступающий имеет время и возможность выяснить обстановку с достаточной полнотой; артиллерия атакующего может получить более определенную задачу, действия ее могут быть более объединенными, планомерными и более осторожными.

При завязке такого боя наступление пехоты авангарда, при содействии огня его батарей, должно заставить противника показать свою артиллерию и до некоторой степени раскрыть свое расположение. Первыми целями для стрельбы авангардных батарей могут быть неприятельские войска, занимающие передовые опорные пункты и остановившие наше движение. Затем, когда противник откроет свою артиллерию и очистит передовые пункты, но наступающая пехота еще не войдет в сферу ружейного и пулеметного огня, батареи авангарда, поддержанные артиллериею главных сил, должны обрушиться на батареи обороняющегося, стремясь сразу получить перевес над огнем противника. Борьба с батареями противника не должна быть, однако, самостоятельною целью для артиллерии атакующего и служит лишь средством облегчить движение вперед своей пехоты.

Со вступлением пехоты в сферу ружейного и пулеметного огня обороны артиллерия, в целях поддержки наступления и атаки, обязана: удерживать пехоту противника лицом к земле, чтобы она вовсе не стреляла или плохо стреляла и заставить молчать ту артиллерию противника, которая или непосредственно останавливает пехоту или мешает батареям пролагать путь своей пехоте.

Атака требует чрезвычайного превосходства в артиллерии, чтобы она была способна для обеспечения движения вперед

своей пехоты одновременно привести к молчанию батареи противника и затушить его ружейный и пулеметный огонь. Всегда возможно достичь необходимого превосходства, искусно сосредоточивая огонь лишь в одном районе, намеченном для нанесения противнику главного удара, и прибегая, в случае надобности, к обороне на всем остальном фронте.

Сосредоточивая самый сильный огонь по атакуюемому району, артиллерия должна обстреливать и смежные с ним участки, а также ближайшие тыловые и фланговые подступы, чтобы воспрепятствовать подаче помощи атакуемым войскам.

Артиллерия должна как можно дольше поражать войска противника, избранные для нанесения решительного удара, принимая меры к сокращению той полосы перед противником, в которой ее огонь опасен для своих; с этою целью предпочтительно вести огонь по атакуемым войскам теми батареями, которые занимают фланкирующие позиции (или хотя бы охватывающее положение).

При успехе атаки обязанность артиллерии его закрепить; она должна, пользуясь своей дальнобойностью и подвижностью, во-первых, помогать пехоте опрокидывать того противника, который еще упирается или пытается вернуть утраченные пункты, и во-вторых, добивать преследуемого противника, начиная обстреливать более удаленные части отступающего, где легче возникает паника.

При неудачной атаке артиллерия встречает огнем неприятеля, перешедшего в наступление, и прикрывает отступление своих войск, ведя огонь до последней крайности и жертвуя собою для их выручки.

Во встречном бою главнейшей задачей является захват почина в свои руки.

Авангарды должны обеспечить главным силам наивыгоднейшие условия для развертывания и успешного ведения боя, что можно достигнуть, заставив противника возможно скорее остановиться и обратиться к обороне. Быстрота и решительность действий приобретают преобладающее значение.

Артиллерия, в особенности авангардная, не должна терять времени на производство детальной разведки и ожидать сколько-нибудь полного выяснения обстановки.

Батареи авангарда должны занимать позиции и действовать без колебаний и потери времени, чтобы захватить противника огнем возможно раньше и вынудить к развертыванию в неблагоприятных для него условиях.

В дальнейшем, по развертывании главных сил, действия артиллерии во встречных столкновениях не могут быть достаточно объединенными и будут происходить в большинстве случаев по частной инициативе артиллерийских начальников, которые должны уметь быстро оценивать обстановку, принимать решения и энергично приводить их в исполнение.

При обороне главная роль принадлежит огню. Огонь должен остановить наступающего, поколебать его и расстроить настолько, чтобы обороняющийся мог перейти в наступление и разбить противника.

Стрельба артиллерии обороняющегося по умело наступающей пехоте (одиночными людьми, искусно применяясь к местности) трудна, требует большого расхода боевых припасов и едва ли нанесет больше вреда, чем ружейный и пулеметный огонь.

Огонь артиллерии по наступающей пехоте бывает выгоден, если возможно обстреливать уже накопившуюся пехоту. Пехота обороняющегося, если она избавлена от меткого артиллерийского огня противника, своим огнем вполне способна остановить и расстроить атакующего, так как пехота обороны лучше артиллерии обстреливает все складки местности.

Поэтому при выборе целей для стрельбы артиллерии при обороне нужно стремиться прежде всего облегчить огонь своей пехоте, а так как мешать этому огню будут, главным образом, батареи атакующего, то против них преимущественно должен быть направлен артиллерийский огонь обороны. По наступающей пехоте, и почти исключительно по направленной для нанесения главного удара, артиллерия должна стрелять, но в тех случаях, когда пехота обнаруживает себя в положениях, удобных для нанесения ей поражения артиллерийским огнем. При этом артиллерия обороняющегося не должна оставлять безнаказанными батареи противника, всегда помня, что главной ее задачей при обороне является обеспечение своей пехоте полной возможности отразить атаку ружейным и пулеметным огнем [1]).

Артиллерия обороны не должна торопиться открытием огня по передовым войскам противника и по дальним целям, чтобы не обнаруживать своего расположения слишком рано. Стрельба на дальние дистанции с желанием заставить противника развернуться возможно раньше выгодна лишь при открытии огня небольшим количеством артиллерии. Но если артиллерия обороняет передовые опорные пункты, то она может открыть огонь издалека, чтобы заставить противника раньше развернуться и тем обнаружить свои силы и направление наступления.

Огонь артиллерии на дальние дистанции может быть выгоден также при действии в арьергардах или в боковых авангардах и вообще в тех случаях, когда требуется лишь замедлить или на некоторое время приостановить наступающего противника.

---

[1]) В этом отношении офицерская артиллерийская школа несколько отступила от официального устава полевой службы изд. 1912 г., требовавшего (§ 525), чтобы артиллерия сосредоточивала огонь большей своей части по войскам неприятеля, наступающим в направлении главной атаки.

В кавалерийском бою задача конной артиллерии,— содействовать атаке своей конницы.

Огонь конной артиллерии должен обеспечить развертывание конницы и поддержать ее атаку. В виду скоротечности кавалерийского боя, всякие соображения о предварительной подготовке позиции и огня конной артиллерии не могут иметь места. Решительность и быстрота являются вернейшими залогами успеха боевых действий конной артиллерии.

Огонь конной артиллерии направляется первоначально против ближайших частей неприятельской конницы, а когда стрельба по передним ее линиям становится опасной для своей конницы, огонь переносится на последующие тыловые линии.

Только при невозможности поражать конницу конные батареи направляют огонь на артиллерию или на пулеметы противника.

Общие основания боевого применения артиллерии, осуществляемые офицерской артиллерийской школой при подготовке ею старшего командного состава, признавались до начала мировой войны, в общем, правильными и не противоречащими уставу полевой службы и наставлению для действия полевой артиллерии в бою, утвержденным в 1912 году.

В приведенных выше основаниях ясна, между прочим, руководящая мысль,—необходимость для артиллеристов самого широкого проявления инициативы, в соответствии с изменениями боевой обстановки и свойствами других родов оружия. Школа сообщала и объясняла знания главнейших начал тактики, не занимаясь мелочами и не стремясь преподать правила на все случаи с тем, чтобы не стеснять волю офицеров своего переменного состава и пробудить в них самую широкую самодеятельность при разрешении тех или иных задач. Школа сознавала, что стремление к излишней классификации и детальному изучению тактики по пунктам может даже сбить с толку „рядовых“ командиров, так как при применении тактики к частным случаям они всегда могут натолкнуться на противоречия. М И. Драгомиров по этому поводу говорил: „принимать в области форм (тактики) правила и исключения — значит добровольно вистовать в руку вредной рутине; нельзя безнаказанно устанавливать правила и исключения там, где все волнуется, все течет; где на каждом шагу правило обращается в исключение, и наоборот“.

Офицерская артиллерийская школа требовала, чтобы теория применялась на практике *по духу*, а *не по форме*.

Основы боевого применения артиллерии, проводимые в жизнь офицерской артиллерийской школой, оправдались в маневренный период мировой войны во многом; для позиционной войны основы эти оказались в значительной степени не соответствующими.

Главнейшим общим заблуждением не только офицерской артиллерийской школы, но выразившимся также в официальном уставе полевой службы и в наставлении для действий полевой артиллерии в бою изд. 1912 года, являлось то, что в старой армии, как и во французской [1]), не в достаточной степени считались с прогрессом огнестрельного оружия, переоценили могущество полевой 3-дм. (75 *мм*) пушки и не учли значения гаубиц и тяжелых орудий при наступлении.

Обучение царской армии, как и армий всех прочих государств, велось в духе решительных наступательных действий, поддержанных огнем. Нет сомнений, что „наилучшим способом достижения цели служат действия наступательные“ [2]) и что необходимо всемерно развивать в армии инициативу и активность. Но при этом не следовало закрывать глаза на действительность, на неизбежность огромных потерь атакующего от огня обороны, столь могущественного в условиях современной техники.

Проводя в армии доктрину решительного наступления, необходимо было дать армии и решительные средства, чтобы не только поддержать атаку огнем, но ее обеспечить, уничтожив силу обороны.

В полевом уставе, в официальном наставлении для действия полевой артиллерии в бою и в офицерской артиллерийской школе—везде проводилась мысль, что артиллерия должна облегчить наступление пехоты (устав), проложить ей путь (наставление), содействовать пехоте и обеспечить ей движение вперед (школа). Словом, от артиллерии требовали только поддержку, а не подготовку атаки. Во французском полевом уставе изд. 1913 г. прямо говорилось: „артиллерия не подготовляет атаку, она ее поддерживает“.

Поддержка атаки понималась у французов по старому учению ген. Ланглуа в смысле направления артиллерийского огня исключительно на живую силу, на защитников позиции, не считая нужным разрушать закрытия. Французы полагали достаточным для поддержки пехотной атаки засыпать шрапнельными пулями окоп или рубеж, подлежащий захвату, пока линия атаки не подойдет на несколько сот метров к своей цели.

Приблизительно так же представляли себе поддержку атаки и русские артиллеристы. Они думали, что артиллерийский огонь должен загнать обороняющегося за закрытия, и тем дать возможность атакующей пехоте безопасно продвигаться вперед, пока укрывшаяся пехота противника не

---

[1]) Гаскуен. „Эволюция артиллерии во время мировой войны“, изд. 1921 г., стр. 25, 28—33, 132—140.

Эрр. „Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем“, изд. 1925 г., стр. 11—14, 21—24, 205—208.

[2]) „Устав полевой службы“, изд. 1912 г.

может стрелять. При этом рассчитывали, что противник, прятавшийся во время артиллерийского обстрела, подавленный морально и отчасти материально, едва ли будет в состоянии приподняться из-за закрытия и отбить атаку ружейным и пулеметным огнем, когда пехота, подойдя к нему на 200—300 шагов, останется без покрова своей артиллерии (вынужденной, во избежание поражения своих, перенести огонь на тылы противника, на его резервы и проч.). Расчеты эти далеко не подтвердились даже в маневренный период войны и оказались совершенно ошибочными для позиционной войны.

Исходя из того, что война будет исключительно маневренной, как будто только и думали, что придется атаковать врага, который сам будет обязательно наступать, будет в постоянном движении и никогда не прибегнет хотя бы временно к закрытиям.

Правда, при обучении наступательному бою артиллерии ставились, между прочим, и такие задачи, как уничтожение обороняющейся пехоты, разрушение сооружений, защищающих противника или преграждающих наступление [1]), а по французскому уставу (§ 98) предполагалось, что „артиллерия будет уничтожать все, что мешает успешному продвижению пехоты“. Но было иллюзией обольщать себя надеждой, что 3-дм. или 75 *мм* полевыми пушками возможно, да еще и быстро, уничтожить укрывшуюся пехоту или разрушить сооружения (хотя бы полевые окопы самой слабой профили). Тут необходима продолжительная предварительная подготовка артиллерийским огнем и не только из легких мелкокалиберных пушек, а из мощных гаубиц возможно большего калибра.

В самом начале мировой войны пехота потребовала от артиллерии не только поддержки, но и подготовки атаки— подготовки длительной, истощающей и могущественной [2]).

е) Подготовка в артиллерийском отношении общевойсковых начальников. Взаимное ознакомление с артиллерией других войск.

Теоретические сведения по артиллерии общевойсковые начальники получали при прохождении ими курсов в военных училищах, в офицерских школах и академиях. В зависимости от того, когда и где проходили они курс, уровень артиллерийских знаний среди общевойсковых начальников был крайне разнообразен и, в общем, не высок; главным образом потому не высок, что техника артиллерии быстро двигалась вперед и от нее отставало большинство даже артиллерийских начальников, не говоря уже о других.

---

[1]) См. выше стр. 202. „Пособие по стрельбе полевой артиллерии“, изд. 1911 г. стр. 137.

[2]) Подробное исследование по архивным материалам, этого вопроса, равно и других вопросов тактики артиллерии в целом, предполагается в последующем труде: „Эволюция русской артиллерии в мировую и гражданскую войну“.

Практическое ознакомление общевойсковых начальников с артиллерией могло происходить путем совместной службы, при общности ее интересов; путем подчинения им артиллерии с возложением на них ответственности за ее боевую подготовку; путем прикомандирования их для временной службы к артиллерии или для прохождения курса офицерской артиллерийской школы; наконец, путем командирования на более поучительные артиллерийские полигоны на время групповых стрельб и проч.

В деле артиллерийской подготовки общевойсковых начальников за 8 лет 1905—1914 гг., после русско-японской войны, в старой армии было сделано относительно немного; не так велики были достижения в области взаимного знакомства и установления органической связи с артиллерией других родов войск. В этом отношении царская армия к 1914 году не особенно далеко ушла вперед по сравнению с тем состоянием, в каком она была в период русско-японской войны (см. главу I и II).

На теоретическую подготовку по тактике артиллерии было обращено более серьезное внимание в военных училищах, в офицерских школах и, в особенности, в военной академии (см. выше), но подготовка эта не имела прочных устоев в виду той неопределенности тактической мысли, какая замечалась почти до самого начала мировой войны (см. там же).

Хотя полевая артиллерия была подчинена начальникам дивизий, но большинство из них почти не вмешивалось в специальную службу подчиненных им артиллерийских частей, считая себя не достаточно в ней компетентными. Общность интересов в совместной службе артиллерии с другими войсками была мало заметна; обособленность артиллерии, за немногими исключениями, продолжалась.

С 1910—11 гг., в особенности после издания „Пособия по стрельбе полевой артиллерии" (см. выше), замечается некоторый сдвиг в смысле проявления бо́льшего интереса к артиллерии со стороны старших общевойсковых начальников.

Объяснялось это тем, что в „Пособии", кроме сведений о стрельбе артиллерии и о применении ее в бою, имелся отдел „обучение стрельбе"; при составлении этого отдела за основание был принят еще не утвержденный проект инструкции (наставления) для подготовки полевой артиллерии к стрельбе, в котором имелись указания весьма ценные для общевойсковых начальников, в чем именно заключается подготовка артиллерии и поверка подготовки ее личного состава, как производить практическую стрельбу артиллерии с маневрированием в составе других родов войск и проч. [1]).

[1]) См. выше.

Наконец, в 1913 году с изданием официального „Наставления для подготовки полевой артиллерии к стрельбе", в котором имелись определенные указания, по каким правилам обязаны проверять боевую подготовку артиллерии общевойсковые начальники, эти последние вынуждены были вплотную подойти к руководству в тактическом и строевом отношении подчиненной им артиллерией и вместе с тем ближе познакомиться со свойствами и особенностями ее службы. Но в течение немного более года времени до начала мировой войны нельзя было достигнуть заметных результатов. При этом нужно иметь в виду, что общевойсковые начальники находились в довольно затруднительном положении, став перед вопросом, чем же руководствоваться при подготовке артиллерии, так как кроме „Пособия по стрельбе полевой артиллерии", изданного частным порядком в 1911 году, они долгое время не имели никаких официальных артиллерийских наставлений, ни уставов и положений, определяющих их отношение к подчиненной им артиллерии.

Прикомандирование к артиллерийским сборам офицеров генерального штаба и старших общевойсковых начальников производилось с 1906 года, но приносило мало пользы в смысле поднятия их подготовки в артиллерийском отношении. Несомненно, полезнее было бы их прикомандирование к офицерской артиллерийской школе, но оно не практиковалось, за исключением единичных случаев прикомандирования к школе офицеров генерального штаба, по личному их желанию.

Ознакомление общевойсковых начальников с артиллерией во время специальных артиллерийских сборов производилось по особому наставлению для офицерских занятий, изд. 1909 г. Ознакомление это носило довольно случайный и не редко безрезультатный характер. Обыкновенно ознакомление производилось в течение лишь нескольких дней и в большинстве случаев сводилось к рассказу и показу технических элементов артиллерийского дела вместо основательного знакомства с тактическими свойствами современной артиллерии и ее применением в бою.

Неоднократно возбуждались вопросы о необходимости изменения принятого порядка ознакомления с артиллерией. В 1912 году особенно настаивали на изменении „Наставления для офицерских занятий", изд. 1909 г. штабы Петроградского и Киевского округов [1]). Киевский округ признавал необходимым для практического ознакомления с условиями боевой стрельбы и маневрирования артиллерии командировать на полигоны не только генералов, но и командиров полков, хотя бы из числа не бывших в генеральном штабе, а также

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива. 185—935.

командиров отдельных частей инженерных войск. Срок командирования на полигоны генералов Киевский округ желал сократить до 10—14 дней. На время производства маневрирования со стрельбой артиллерии совместно с другими родами войск Киевский округ считал полезным в помощь старшим начальникам не назначать офицеров генерального штаба, так как они из роли помощников в большинстве случаев обращались в замаскированных руководителей маневра в ущерб практике командиров частей. Таким образом, Киевский округ был в этом вопросе несколько иного мнения, чем генерал-инспектор артиллерии, который, наоборот, признавал необходимым командирование офицеров генерального штаба в помощь начальникам специальных артиллерийских сборов на все время этих сборов (см. выше).

ГУГШ по этому поводу реагировало очень медленно. Лишь 28 марта 1914 года было утверждено „Наставление для занятий войск во время общего и подвижного сборов", т. е. настолько поздно, что им вовсе не пришлось руководствоваться в войсках, так как вместо летних сборов началась война. Этим „Наставлением" предусматривались: а) показные учения для взаимного ознакомления разных родов войск; б) односторонние и двухсторонние тактические занятия (маневры) частями полка, бригады и дивизии с придачей артиллерии; в) односторонние тактические занятия с боевою стрельбою из всех родов войск; г) двухсторонние маневры крупными частями войск всех родов оружия с придачей всякого рода вспомогательных технических средств.

Но и в этом „Наставлении", оставшимся только на бумаге, не предусматривалось командирование частей пехоты и конницы на все артиллерийские сборы для участия в групповых стрельбах, на чем в течение нескольких лет настаивал генерал-инспектор артиллерии (см. выше). И не только он один.

Из отчетов о практической стрельбе полевой артиллерии в 1912 году и из отчетов командующих войсками военных округов за 1913 год о подготовке полевой артиллерии к стрельбе [1]) видно, что строевые начальники, с своей стороны, признавали необходимым установить, как обязательное правило, выполнение групповых стрельб артиллерии при участии других родов войск. Групповые стрельбы артиллерии совместно и в связи с пехотой имели огромное значение в смысле правильности и согласованности взаимных действий различных родов войск и в смысле масштаба времени, который на групповых стрельбах одной артиллерии, без участия пехоты или конницы, обыкновенно отсутствовал.

---

[1]) Дела В.-Уч. Архива. 177—149 и 187—398.

За исключением окраин: Дальнего Востока и Туркестана и пограничных военных округов, совместные стрельбы артиллерии с другими войсками производились довольно редко.

Например, даже в офицерской артиллерийской школе подобная стрельба производилась лишь однажды за период 1908—1914 гг., несмотря на то, что полигон школы по своим размерам давал возможность производить с полной безопасностью маневрирование с боевой стрельбой отряда в составе около дивизии пехоты с артиллерией и конницей.

Как видно из отчетов о стрельбе полевой артиллерии [1]), после русско-японской войны и почти до 1913 года ежегодно строевые начальники указывали, как на недочет боевой подготовки, на непривлечение к участию в групповых стрельбах артиллерии частей других родов войск.

Во избежание несчастных случаев поражения пехоты от преждевременных разрывов снарядов или при ошибочном направлении орудийных выстрелов, совместные стрельбы артиллерии с пехотой производились по особым, даже излишне осторожным, правилам в условиях, совершенно не похожих на боевую обстановку. Поэтому поучительность таких стрельб была весьма сомнительной. Это были не совместные стрельбы с маневрированием в смысле практики в согласованности и связи взаимных боевых действий пехоты с артиллерией, а одновременная практика в боевой стрельбе пехоты и артиллерии, при чем каждая вела свою стрельбу сама по себе, почти независимо от другой, хотя и рядом друг с другом.

Только к 1912 году, и то в одном Варшавском военном округе [2]), привлечение пехоты к маневрированию и совместным стрельбам с артиллерией получило довольно широкое распространение, особых затруднений в производстве таких стрельб уже не встречалось, и в общем в этом отношении был достигнут значительный успех.

Русская артиллерия единственно в чем отставала от французской, так это в недостаточно настойчивом осуществлении мысли о необходимости совместного маневрирования и стрельбы артиллерии с другими родами войск. Отсутствие на групповых артиллерийских стрельбах других родов войск, в особенности пехоты, неблагоприятно отражалось на тактической и даже на технической стороне боевой подготовки артиллерии [3]).

Тактическая часть решения задачи на групповых стрельбах являлась как бы поверкой на словах начальника отряда (в действительности не существующего) в знании устава полевой службы и наставления для действия артиллерии в бою,

---

[1]) Дело В.-Уч. Архива, 177—149.

[2]) Дело В.-Уч. Архива. 177—149. „Журнал Артил. Комитета“ 3 (16) мая 1913 г. № 464.

[3]) Дело В.-Уч. Архива 177—149.

а также знакомства его с уставами других родов войск, но не практикой в управлении войсками в бою. Распоряжения начальника отряда, хотя бы и правильные теоретически, являлись фиктивными и для личного состава стреляющих частей мало поучительными. Руководитель постепенно рисовал начальнику отряда боевую обстановку, слабо иллюстрируемую мишенями, которую, в сущности, только один он и переживал, так как для прочих, участвующих на стрельбе, обстановка была почти совершенно не известна и не наглядна.

В техническом отношении, при отсутствии пехоты, нельзя было организовать и проверить связь артиллерии с пехотой, организовать стрельбу при помощи передовых наблюдателей, находящихся в передовых частях пехоты, и изучить вопрос о той пользе, какую могут оказать для артиллерии передовые наблюдатели, урегулировать и прочно обосновать некоторые вопросы артиллерийской разведки, которая не может в бою работать впереди своей пехоты; выяснить вопросы подчиненности артиллерии начальникам боевых участков пехоты и многие другие.

Между прочим, артиллерийский комитет и строевые части артиллерии возлагали надежды на офицерскую артиллерийскую школу, которая могла, по их мнению, дать указания по вопросу применения передовых наблюдателей, основанные на большом опыте. В школе, действительно, велись стрельбы с передовыми наблюдателями, которые заблаговременно размещались в прочных блиндажах, построенных в районе передовых линий предполагаемой своей пехоты, связанных подземными телефонными кабелями со стреляющими батареями. Но в школе пехоты не было, никаких передвижений с пехотой не приходилось делать передовым наблюдателям, никаких переживаний с пехотой у них не было, никаких запросов от пехоты к ним и к артиллерии не поступало.

Передовые наблюдатели должны были только воображать действия своей пехоты. В результате роль их сводилась к обычному техническому корректированию стрельбы батарей с передового наблюдательного пункта.

Такой опыт не мог дать школе сколько-нибудь ценных данных для разработки правил для действия артиллерии с помощью передовых наблюдателей, находящихся при пехоте.

Пехота была крайне необходима для офицерской артиллерийской школы и не только для указанной цели, а для целесообразности всей ее работы по подготовке старшего командного состава артиллерии, для устранения предвзятости и односторонности в этой подготовке, почти неизбежной при отсутствии пехоты и конницы—тех родов войск, для боевого обслуживания которых артиллерия предназначается. Между тем, пехота не придавалась школе ни для совместных занятий,

как это делалось у французов, ни для совместных стрельб с маневрированием [1]).

Генерал-инспектор артиллерии обращал внимание на необходимость устранения столь серьезного недочета в боевой подготовке артиллерии, как обособленность этой подготовки от пехоты и конницы (сношение артиллерийского комитета с ГУГШ) [2]). Обособленность вела к недостаточному взаимному пониманию между артиллерией и другими родами войск, что вредно отражалось на общей боевой подготовке всей армии в артиллерийском отношении, не исключая общевойсковых начальников.

А. А. Свечин в своей „Истории военного искусства" обращает внимание на указанную отрицательную сторону подготовки старой армии. Он говорит [3]), что среди специальных родов войск (в том числе артиллерии) проявлялось „стремление выделиться из общевойсковой организации в особые ведомства, что облегчает специальные достижения, но демилитаризует род войск, лишает знакомства с ним армию и затрудняет ее боевое применение".

Несомненно, такое стремление было. Оно было весьма сильно до русско-японской войны, когда действительно артиллерия составляла особое артиллерийское ведомство, находившееся под „высоким" покровительством своего специального начальства, большей частью возглавляемого безответственными лицами царской фамилии, непосредственно подчинявшимися „высочайшей" власти. Но с 1906 года положение значительно изменилось, и со стороны генерал-инспектора артиллерии принимались все меры к сближению артиллерии с другими родами войск, к слиянию артиллерии в общую семью армии. Среди этих мер важнейшими являлись осуществленные в 1910 году: подчинение артиллерии начальникам дивизий и подчинение генерал-инспектора артиллерии военному министру [4]). Затем хотя и не достаточно энергично, но неоднократно и по инспекции артиллерии и по артиллерийскому комитету возбуждались вопросы через ГУГШ о необходимости совместных занятий и стрельбы артиллерии с другими родами войск, об издании официальных инструкций, наставлений и уставов, которые служили бы к общему руководству для всех частей войск, а не только для артиллерии. Но высшая военная власть реагировала на это довольно слабо и с большим запозданием [5]).

За год до начала мировой войны взаимная подготовка артиллерии с другими родами войск признавалась еще на-

---

[1]) См. выше.
[2]) Дело В.-Уч. Архива 177—149.
[3]) А. Свечин „История военного искусства", ч. III, изд. 1924 г. стр. 22.
[4]) См. выше гл. III и V.
[5]) См. выше.

столько неудовлетворительной, что артиллерийский комитет, в целях улучшения подготовки, просил ГУГШ обратить внимание на крайнюю необходимость более широкого применения двухсторонних артиллерийских маневров с холостыми патронами, при участии всех родов войск, с полным воспроизводством всех действий артиллерии в различные периоды боя при различной обстановке и с маневрированием артиллерии во время боя (перемена позиций вперед и назад), что было весьма затруднительно выполнять на дивизионных стрельбах артиллерии без пехоты и по полигонным условиям. При этом артиллерийский комитет просил ГУГШ ускорить издание официальной инструкции для маневрирования с боевою стрельбою отрядов из трех родов оружия [1]).

На многие отрицательные стороны подготовки армии в артиллерийском отношении указывали в своих отчетах и старшие общевойсковые начальники [2]). В приложении 3-м приведены некоторые замечания по этому поводу, сделанные за 1913 год, последний перед войной, командующими войсками Варшавского военного округа, в котором боевая подготовка войск стояла вообще выше, чем в других округах, и отдаленных Приамурского и Иркутского военных округов [3]).

В общем, в русской армии сделано было далеко не все возможное и необходимое для установления прочной тесной связи артиллерии с другими родами войск и для взаимного понимания друг друга.

Непрочность связи и взаимной поддержки в мировую войну не давала себя так больно чувствовать, как это случалось в русско-японскую войну, а затем и вовсе была изжита путем долгой совместной боевой жизни.

Что же касается нецелесообразного использования артиллерии старшими общевойсковыми начальниками, то оно бывало далеко не редким исключением в продолжение всей мировой войны.

В маневренный период войны в октябре и ноябре 1914 года был командирован на Юго-Западный фронт бывший помощник начальника офицерской артиллерийской школы ген. Карачан для исследования причин огромного расхода 3-дм. пушечных патронов. По заключению этого серьезного артиллериста главнейшей причиной большого расхода выстрелов являлось: „неумелое применение в бою современной полевой артиллерии в тактическом и в техническом отношениях со стороны войсковых

[1]) Дело В. Уч. Архива 177—149.

[2]) Как видно из журнала артиллерийского комитета 3 (16) мая 1913 г. (Дело В.-Уч. Архива 177—149), от строевых начальников поступали жалобы на „не привлечение к участию в групповых стрельбах артиллерии частей других родов войск“.

[3]) Дело В.-Уч. Архива 187—398.

начальников и отсутствие сведующего руководства в боевой работе артиллерии" [1]).

Для ознакомления с совместными действиями пехоты и артиллерии (в позиционный период войны) во время операции на Западном фронте 5 (18)—15 (28) марта 1916 года, штабом главнокомандующего был командирован на фронт бывший руководитель и начальник учебной части и полигона офицерской артиллерийской школы, ген. Майдель. Затем с тою же целью командирован был на Западный фронт полевой генерал-инспектор артиллерии с несколькими другими артиллеристами.

Командировка обнаружила, что многие основные положения в отношении боевого использования артиллерии, проводимые в жизнь еще в мирное время и подтвержденные боевой жизнью, а также многие ценные указания, добытые опытом войны, далеко не всегда принимались во внимание на Западном фронте [2]). Выяснилось, что разработка операции общевойсковыми начальниками производилась далеко не в полном единении с соответствующими артиллерийскими начальниками, что задачи артиллерии ставились не в соответствии с силами, средствами и свойствами артиллерии; позиции для артиллерии указывались до получения ею боевой задачи; требовалось сосредоточенное расположение массы артиллерии на одной позиции, а не сосредоточенный на заданном неприятельском фронте огонь артиллерии, хотя бы и расбросанно расположенной; войсковые начальники ставили артиллерии не достаточно ясные и определенные задачи; необходимая связь между артиллерией и пехотой отсутствовала, и „артиллерийские группы не редко являлись чуждыми атакующим частям"; общевойсковые начальники назначали по часам продолжительность подготовки и даже способ подготовки атаки вместо того, чтобы только указать, что именно нужно сделать артиллерии, предоставив ей самой решить, как исполнить задание, и проч. [3]).

---

[1]) А. А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг. Часть III, изд. 1923 г., стр 110.

[2]) Записка по поводу действий нашей артиллерiи во время операции на Западном фронте 5—15 марта 1916 г. Изд. штаба главнокоманд. стр. 33—47.

[3]) Более подробные данные о недочетах в использовании артиллерии, обнаружившихся в указанные периоды мировой войны, приведены в приложении 4-м.

Всестороннее исследование этого вопроса по другим, более исчерпывающим, материалам, предполагается в последующем труде: „Эволюция русской артиллерии в мировую войну".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Неустойчивость мысли, обнаружившаяся при разработке плана войны в период 1900—1914 гг., несомненно, сказалась на подготовке России к мировой войне и в артиллерийском отношении.

Артиллерийскому ведомству не было поставлено твердой ясно выраженной задачи, к выполнению которой оно должно было бы неуклонно стремиться.

В общем, оно предоставлено было самому себе, шло нередко ощупью и часто не встречало поддержки в своих начинаниях, иногда действительно не совсем удачных, а иногда не вполне справлялось с поставленными ему задачами.

В работе разных ведомств одного и того же министерства и разных министерств царского правительства не было никакого контакта, никакого определенного общего плана, никакого единения с законодательными учреждениями. Все работали вразброд, стремясь к сепаратизму и к присвоению себе возможно больших привилегий в ущерб другим. Так называемые, контролирующие ведомства,—министерство финансов и государственный контроль, единственные работавшие в трогательном единодушии, считали своей первой обязанностью сократить расходы во что бы то ни стало, совершенно не вникая в сущность тех мероприятий, на осуществление которых испрашивались кредиты.

Только с 1908 года, по требованию государственной думы началось ассигнование кредитов, также урезываемое контролирующими ведомствами. Отпуская денежные средства, государственная дума, приблизительно с 1910 года, значительно уклонилась в своей работе на путь контроля и улавливания министерств в незакономерных действиях вместо того, чтобы прорегулировать государственную работу и поддерживать проведение в жизнь необходимых мероприятий.

В особенности она ополчилась против артиллерийского ведомства. Во всех почти случаях, иногда кстати, а большею частью без всякого основания, государственная дума в лице одного из своих членов Гучкова и его сподвижников старалась найти преступно-корыстные побуждения в деятельности артиллерийского ведомства.

Со стороны государственной думы, а затем следственной комиссии на долю бывшего артиллерийского ведомства выпало много обвинений в слабом обеспечении русской армии артиллерией.

Сделанный очерк развития русской артиллерии с 1900 по 1914 год дает достаточный материал для суждения о том, что само по себе ни бывшее артиллерийское ведомство, ни даже вообще военное ведомство царского правительства далеко не властно было своевременно усилить артиллерию.

Государственная дума обладала всеми данными о неудовлетворительном состоянии русской артиллерии, она знала все трудности получения кредитов на оборону от министерства финансов и все междуведомственные трения. Но она не поступила подобно французскому парламенту, принявшему закон об усилении артиллерии в 1909 году даже вопреки мнению военных, а сосредоточила главное внимание на обвинениях ГАУ.

Несомненно, в деятельности артиллерийского ведомства и всего военного министерства было много отрицательного, крайне неблагоприятно отражавшегося на подготовке России к войне во всех отношениях, в том числе и в артиллерийской.

Достаточно припомнить: ставку на молниеносность войны, ошибочность расчета мобилизационных запасов вооружения, нецелесообразность организационных мероприятий, крайнюю медленность производства опытов при выборе образцов новейших орудий, еще большую медленность заготовления материальной части, полную неустойчивость в крепостном вопросе и связанном с ним вопросе вооружения крепостей, канцелярское отношение ко многим серьезным вопросам, требующим углубления по существу, вредную канцелярскую волокиту, отсутствие инициативы и живого отношения к делу, рутину и бюрократизм во всем.

Громадные успехи артиллерийской техники на западе, в особенности в Германии, отражались на русской армии далеко не в такой степени, как это требовал урок русско-японской войны. Происходило это, главным образом, вследствие недостаточного проникновения в руководящие круги царской армии значения техники на войне.

В результате к началу мировой войны русская армия по части артиллерии как по абсолютному числу орудий, так и в организационном отношении значительно уступала армиям своих противников. В особенности слабой, по количеству и качеству, оказалась полевая тяжелая артиллерия, а тяжелая артиллерия осадного типа почти вовсе отсутствовала.

Не предвидя огромного масштаба войны и ее технического характера, рассчитывая на скоротечность войны, верхи царской армии установили ничтожную норму артиллерийских запасов, не учли слабость пополнения этих запасов и допу-

стили глубокую ошибку в том, что большую современную войну возможно вести только на запасы военного времени.

Никаких запасов, как бы нормы их велики ни были, не хватит для ведения продолжительной войны. В мирное время было бы, кроме того, крайне невыгодно и рисковано заготавливать большие запасы, в виду порчи некоторых из них (огнестрельные припасы) от продолжительного хранения, а также в виду быстро прогрессирующей артиллерийской техники.

Из сопоставления данных следующей таблицы можно прийти к заключению, что потребность в предметах вооружения, определившаяся во время войны, настолько превосходила предполагаемую, что заблаговременно учесть ее представлялось совершенно невозможным. По словам начальника ГАУ ген. Кузьмина - Караваева, „если бы накануне войны 1914 года была высказана кем-либо из ответственных чинов военного ведомства мысль о предстоящей потребности в предметах артиллерийского довольствия, близкой к определившейся к 1916 году, то подобное заявление было бы признано не серьезным, не подлежащим обсуждению“.

	Потребность военного времени до июля 1914 года.		Потребность военного времени с 1 января 1916 года.	
	В месяц.	В год.	В месяц.	В год.
3-дм. пушек . . .	73	875	325	3.900
3-дм. выстрелов .	510.000	6.120.000	2.600.000	31.200.000
3-лин. винтовок .	52.000	624.000	200.000	2.400.000
3-лин. патронов .	50.000.000	600.000.000	200.000.000	2.400.000.000

Колоссальные потребности современной войны нельзя покрыть никакими запасами, заготовленными в мирное время. Запасы эти нужны только для начала войны, а затем война будет вестись на те средства, какие ей будут предоставлены производительными силами своей страны.

Это не предусмотрели верхи царской армии, не подготовили промышленность к войне и не учли громадного значения экономики для современной войны.

Подготовка в артиллерийском отношении общевойсковых начальников оставляла желать довольно многого.

С передачей артиллерии в подчинение общевойсковых начальников замечается проявление интереса к артиллерии с их стороны. В 1913 году с изданием „Наставления для подготовки полевой артиллерии к стрельбе“ общевойсковые начальники уже все, а не в виде исключения, переходят к руководству подчиненной им артиллерией в строевом и тактическом отношении. Но к началу мировой войны оно не успело сказаться в должной степени, тем более, что общего высшего объединяющего руководства в подготовке артиллерии совместно с другими родами войск почти не замечалось.

В мирное время, за исключением некоторых военных округов, не было должного единения и связи артиллерии с другими родами войск.

Специальная подготовка полевой артиллерии в отношении техники стрельбы доведена была до совершенства. Стреляла она отлично и в достаточной степени хорошо умела использовать свой огонь, что подтвердилось опытом мировой войны.

Действия русской артиллерии во время мировой войны получили должную высокую оценку даже со стороны противников.

Проводя необходимую в армии доктрину активности, руководители старой царской армии не подготовили соответственно состав армии в духе безбоязненного проявления инициативы.

Рассчитывая вести молниеносную наступательную войну, они не дали армии ни достаточно сильной артиллерии, ни других артиллерийских средств, обеспечивающих успех наступления.

Приложение 1-е.

ТАБЛИЦА I [1]).

Местные легкие парки.

№№ по порядку.	Означения по категориям и типам.	Пункты расположения. В мирное время.	Пункты расположения. В военное время.	По каким армиям расписаны.	К какому дню мобилиз. должны быть снаряжены.
	А. Расписанные по армиям				
	I. Легкие типа А.				
1	а) С кадрами мирного времени.	Олита.	Олита.	I	—
2	"	Гродно.	Гродно.	II	—
3	"	Ровно.	Ровно.	III	—
4	"	Винница.	Винница.	III	—
5	"	Тирасполь.	Тирасполь.	VII	—
	б) Без кадров мирного времени.				
6		Ковна.	Ковна.	I	—
7	"	Осовец.	Осовец.	II	—
8	"	Кр. Ново-Георгиевск.	Кр. Ново-Георгиевск.	II	—
9	"	Брест-Литовск.	Брест-Литовск.	V	—
10	"	Киев.	Киев.	III	—
11	"	Выборг.	Выборг.	VI	—
12	"	Тифлис.	Тифлис.	Кавк.	—
13	"	Карс.	Карс.	"	—
14	"	Александроп.	Александроп.	"	—
15	"	Ташкент.	Ташкент.	Турк.	—
16	"	"	"	"	—
17	"	Асхабад [2]).	Асхабад [2]).	"	—
18	"	Владивосток.	Владивосток.	Прим.	—
19	"	Хабаровск.	Хабаровск.	"	—
	Всего типа А—19	—	—	—	—
	II. Легкие типа Б.				
20	Без кадров	Ковно.	Ковно.	I	12
21	" "	Двинск.	Двинск.	I	12
22	" "	"	"	I	19
23	" "	"	"	I	26
24	" "	"	"	I	33
25	" "	Кр. Ново-Георгиевск.	Кр. Ново-Георгиевск.	II	12

[1]) Дело В.-Уч. Архива 187—896 и 182—090.

[2]) Переименован в Полторацк.

№№ по порядку.	Означения по категориям и типам.	Пункты расположения.		По каким армиям расписаны.	К какому дню мобилиз. должны быть снаряжены.
		В мирное время.	В военное время.		
26	Без кадров	Брест-Литовск.	Брест-Литовск	II	12
27	" "	"	"	II	19
28	" "	"	"	II	26
29	" "	Киев.	Киев.	III	19
30	" "	"	"	III	26
31	" "	"	"	III	33
32	" "	Бобруйск.	Бобруйск.	IV	12
33	" "	"	"	IV	40
34	" "	"	"	IV	61
35	" "	"	"	IV	19
36	" "	"	"	V	47
37	" "	"	"	V	68
38	" "	Петербург [1]).	Петербург [1]).	VI	12
39	" "	Кременчуг.	Кременчуг.	VII	19
40	" "	"	"	VII	26
41	" "	Иркутск.	Иркутск.	Заб.	19
42	" "	Чита.	Чита.	"	12
43	" "	"	"	"	26
44	" "	Благовещенск.	Благовещенск.	Прим.	12
	Итого типа Б—25	—	—	—	—
	III. Легкие типа В.				
45	Без кадров.	Петербург [1].)	Петербург [1]).	VI	30
46	" "	"	"	VI	60
47	" "	"	"	VI	90
48	" "	"	"	VI	120
49	" "	"	"	VI	150
50	" "	"	"	VI	180
51	" "	Георгиевск.	Георгиевск.	Кавк.	60
52	" "	"	"	"	90
53	" "	"	"	"	120
54	" "	"	"	"	150
55	" "	Хабаровск.	Хабаровск.	Прим.	60
56	" "	"	"	"	90
	Итого типа В—12	—	—	—	—
	Всего легких—56	—	—	—	—

[1]) Переименован в Ленинград.

№№ по порядку.	Означение по категориям и типам.	Пункты расположения. В мирное время.	Пункты расположения. В военное время.	По каким армиям расписаны.	К какому дню мобилиз. должны быть снаряжены.
	Б. Не расписанные по армиям.				
	Легкие типа В.				
57	Без кадров.	Курск.	Курск.	—	60
58	„ „	„	„	—	90
59	„ „	„	„	—	120
60	„ „	„	„	—	150
61	„ „	„	„	—	180
62	„ „	„	„	—	210
63	„ „	„	„	—	240
64	„ „	„	„	—	270
65	„ „	„	„	—	300
66	„ „	„	„	—	330
67	„ „	„	„	—	360
68	„ „	Луганск.	Луганск.	—	30
69	„ „	„	„	—	60
70	„ „	„	„	—	90
71	„ „	„	„	—	120
72	„ „	„	„	—	150
73	„ „	„	„	—	180
74	„ „	„	„	—	210
75	„ „	„	„	—	240
76	„ „	„	„	—	270
77	„ „	„	„	—	300
78	„ „	„	„	—	330
79	„ „	„	„	—	360
80	„ „	„	„	—	390
81	„ „	„	„	—	420
82	„ „	„	„	—	450
83	„ „	Москва или Раево.	Москва или Раево.	—	60
84	„ „	„	„	—	90
85	„ „	„	„	—	120
86	„ „	„	„	—	150
87	„ „	„	„	—	180
88	„ „	„	„	—	210
89	„ „	„	„	—	240
90	„ „	Самара—Томылово.	Самара—Томылово.	—	60
91	„ „	„	„	—	90
92	„ „	„	„	—	120
93	„ „	„	„	—	150
94	„ „	„	„	—	180
95	„ „	„	„	—	210
96	„ „	„	„	—	240

№№ по порядку.	Означение по категориям и типам.	Пункты расположения. В мирное время.	Пункты расположения. В военное время.	По каким армиям расписаны.	К какому дню мобилиз. должны быть снаряжены.
97	Без кадров	Самара—Томылово.	Самара—Томылово.	—	270
98	„ „	„	„	—	300
99	„ „	„	„	—	330
100	„ „	„	„	—	360
101	„ „	„	„	—	390
102	„ „	„	„	—	420
103	„ „	„	„	—	450
104	„ „	„	„	—	480
105	„ „	Омск.	Омск.	—	60
106	„ „	„	„	—	90
107	„ „	„	„	—	120
108	„ „	„	„	—	150
109	„ „	„	„	—	180
110	„ „	„	„	—	210
111	„ „	„	„	—	240
112	„ „	„	„	—	270
	Итого—56.	—	—	—	—
	Всего легких—112.	—	—	—	—

Приложение 2-е.

ТАБЛИЦА II [1]).

Сравнительная ведомость мобилизационной готовности и распределения по армиям местных артиллерийских парков по распоряжениям до войны и после объявления ее.

№№ парков.	Тип парка.	Готовность парка по распоряжен.		Распределение по армиям парков по распоряжен.		Были ли изменения в мобилиз. предполож.
		До войны.	После ее объявл.	До войны.	После ее объявления.	
1	А	—	—	I	I	Не было.
2	„	—	—	II	II	„
3	„	—	12	III	III и VIII	Было.
4	„	—	19	III	III и VIII	„
5	„	—	26	VII	VII	„
6	„	—	—	I	I	Нет.
7	„	—	—	II	II	„
8	„	—	—	II	II	„
9	„	—	—	V	V	„
10	„	—	26	III	III и VIII	Было.
11	„	—	—	VI	VI	Нет.
12	„	—	—	Кавк.	III и VIII	Да.
13	„	—	—	„	Кавк.	Нет.
14	„	—	—	„	„	„
15	„	—	—	Туркест.	С.-Зап.	Да.
16	„	—	—	„	„	„
17	„	—	—	„	Туркест.	Нет.
18	„	—	—	Приморск.	Приморск.	„
19	„	—	—	„	„	„
20	Б	12	12	I	I	„
21	Б—А	12	—	I	I	Да.
22	Б	19	12	I	I	„
23	„	26	19	I	V	„
24	„	33	26	I	IV	„
25	„	12	12	II	II	Нет.
26	„	12	12	II	IV	Да.
27	„	19	19	II	V	„
28	„	26	26	II	IV	„
29	Б—А	19	—	III	III и VIII	„
30	Б	26	26	III	III и VIII	„
31	„	33	10	III	III и VIII	„
32	Б—А	12	—	IV	II	„
33	Б	40	—	IV	Мин. В. О.	„
34	„	61	12	IV	„	„
35	„	19	12	V	II	„
36	„	47	19	V	Мин. В. О.	„

[1]) А. А. Маниковский: „Боев. снабж. русской армии в 1914—1918 г.“. Ч. III.

№№ парков.	Тип парка.	Готовность парка по распоряжен.		Распределение по армиям парков по распоряжен.		Были ли изменения в мобилиз. предполож.
		До войны.	После ее объявл.	До войны.	После ее объявления.	
37	Б—А	68	33	V	Мин. В. О.	Да.
38	Б	12	—	VI	С.-Зап.	"
39	"	19	19	VII	"	"
40	"	26	26	VII	Ю.-Зап.	"
41	"	19	26	Забайк.	К. В. О.	"
42	"	12	12	"	"	"
43	"	26	26	"	"	"
44	"	12	12	Приам.	"	"
45	"	30	12	VI	Дв. В. О.	"
46	"	60	19	VI	VI	"
47	"	90	33	VI	Дв. В. О.	"
48	"	120	47	VI	VI	"
49	"	150	54	VI	VI	"
50	"	180	61	VI	VI	"
51	"	60	12	Кавк.	С.-Зап.	"
52	"	90	33	"	"	"
53	"	120	40	"	"	"
54	"	150	47	"	Кавк.	"
55	"	60	26	Приамур.	"	"
56	"	90	47	"	"	"
57	В—А	60	—	В. Мин.	Ю.-Зап.	"
58	"	90	—	"	"	"
59	"	120	—	"	"	"
60	"	150	—	"	В. М.	"
61	В	180	33	"	"	"
62	"	210	40	"	"	"
63	"	240	54	"	"	"
64	"	270	68	"	"	"
65	"	300	75	"	"	"
66	"	330	82	"	"	"
67	"	360	89	"	"	"
68	"	30	26	"	Ю.-Зап.	"
69	"	60	26	"	"	"
70	"	90	33	"	"	"
71	"	120	33	"	В. М.	"
72	"	150	40	"	"	"
73	"	180	40	"	"	"
74	"	210	47	"	"	"
75	"	240	47	"	"	"
76	"	270	54	"	"	"
77	"	300	54	"	"	"
78	"	330	61	"	"	"
79	"	360	61	"	"	"
80	"	390	68	"	"	"
81	"	420	68	"	"	"
82	"	450	75	"	"	"
83	"	60	26	"	С.-Зап.	"
84	"	90	33	"	"	"

№№ парков.	Тип парка.	Готовность парка по распоряжен.		Распределение по армиям парков по распоряжен.		Были ли [redacted] в мобилиз. предполож.
		До войны.	После ее объявл.	До войны.	После ее объявления.	
85	В	120	40	В.-Мин.	С.-Зап.	Да.
86	”	150	54	”	В. М.	”
87	”	180	61	”	”	”
88	”	210	75	”	”	”
89	В—А	240	82	”	”	”
90	”	60	—	”	Ю.-Зап.	”
91	”	90	—	”	С.-Зап.	”
92	”	120	—	”	”	”
93	”	150	—	”	”	”
94	”	180	—	”	В.-М.	”
95	”	210	—	”	”	”
96	”	240	—	”	”	”
97	”	270	—	”	”	”
98	”	300	—	”	”	”
99	”	330	—	”	”	”
100	”	360	—	”	”	”
101	В	390	40	”	”	”
102	”	420	47	”	”	”
103	”	450	54	”	”	”
104	”	480	61	”	”	”
105	”	60	19	”	С.-Зап.	”
106	”	90	26	”	В.-М.	”
107	”	120	33	”	”	”
108	”	150	40	”	”	”
109	”	180	47	”	”	”
110	”	210	54	”	”	”
111	”	240	61	”	”	”
112	”	270	68	”	”	”

Примечание. Таким образом, из 112 парков только 14 или около 12% не претерпели изменений ни в сроке готовности, ни в первоначальном назначении. Остальные же 98 парков получили либо новые сроки готовности, либо новые маршруты.

Приложение III.

В отчетах командующих войсками военных округов за 1913 год имелись следующие замечания по поводу боевой подготовки русской армии в артиллерийском отношении [1]).

Варшавский военный округ.

1) Совместная боевая стрельба дивизиона 2-й артил. бригады с пехотой—неопределенность тактического задания и ход маневра необоснованный, действия маневрирующего отряда являются как бы решенными заблаговременно. В действиях пехоты и артиллерии нет связи для достижения общей цели: каждая производит свою стрельбу самостоятельно, и пехота не могла познать, какое же огневое содействие она может ожидать от артиллерии. Батареи заняли позицию в одну линию рядом и могли стрелять строго перед собою или только рассеивать огонь, а не сосредоточивать или охватывать своим огнем части противника; батареи не могли ни подготовить атаку, ни защитить свою пехоту, ни вообще маневрировать своим огнем. Словом, артиллерия не могла бы принять действительного участия в бою. Маневр был проведен без ясно выраженного руководства и по результатам не мог быть поучителен как в тактическом, так и в техническом отношениях.

2) В VI арм. корпусе при маневрировании артиллерии с другими родами войск замечается отсутствие личной инициативы в ожидании обязательных указаний со стороны начальников отрядов; в тактических занятиях офицеров артиллерии в большинстве случаев нет надлежащего опыта и необходимой постановки.

3) В 6-й пех. дивизии—в наступательном бою связь артиллерии с начальником отряда, а следовательно, и управление огнем хромает, так как на полигонах артиллерии негде научиться держать связь с начальником, находящимся в движении, а на кратковременных подвижных сборах приходится главное внимание уделять пехоте; артиллеристы не охотно занимают открытые позиции и применять их на практике почти утеряли способность.

4) В 6-й кав. дивизии—отсутствие кавалерийских частей при движении, маневрировании и занятии позиций на боевых стрельбах конной артиллерии не дает должной боевой картины, а масштабы времени и пространства являются до крайности условными; вся тактическая часть является не практикой в обучении управлению войсками в бою, а как бы поверкой на словах артиллерийских начальников в знании устава полевой службы и знакомства их с уставами других родов войск.

5) Что же касается специальной подготовки артиллерии по стрельбе, то по этому поводу в приказе командующего войсками Варшавского военного округа 3/16 августа 1913 г. № 193 говорилось: „Вся стрельба велась умело, живо и уверенно, с отличными результатами“ [2]).

Приамурский военный округ [3]).

Правильной системы в обучении и подготовке артиллерии не видно, руководство старших начальников (командиров корпусов, начальников дивизий, инспекторов артиллерии, командиров артиллерийских бригад) в боль-

[1]) Дело В.-Уч. Архива 187—398.
[2]) Дело В.-Уч. Архива 187—398.
[3]) Приказ командующего войсками Приамурского военного округа ген. Лечицкого от 15/28 декабря 1913 г. № 814. Дело В.-Уч. Архива 187—398.

шинстве случаев отсутствует. Инспекторы артиллерии корпусов, увлекаясь строевой подготовкой (за что ответственны начальники дивизий), допускали пробелы и недочеты в специальной артиллерийской и технической подготовке.

Артиллерия Приамурского округа, как говорилось в приказе командующего войсками 1913 г. № 814, „не дает уверенности в том, что она может нанести своим огнем действительное поражение противнику при различных условиях обстановки".

В устранение недочетов командующий войсками округа, между прочим, приказал: 1) вести занятия строго согласно уставов, наставлений, инструкций; 2) стрельбы вести, как это требовалось „Наставлением для подготовки полевой артиллерии к стрельбе"[1]), при обстановке, близкой к действительному бою, чтобы каждой стрельбе предшествовал маневр; на стрельбах требовать не только технического, но также, главным образом и тактического исполнения, учитывая цель, обстановку, положение своей пехоты, что почти всегда упускается из вида артиллерией; 3) стрельбы на поражение сообразовывать с тактическим положением своей пехоты и с данной артиллерии задачей, допуская ударный и шрапнельный огонь на предельные дистанции, но для батарей сопровождения пехоты шрапнельный огонь на дистанции 1.000—300 саж. и ближе и, в большинстве случаев, с позиций открытых или полузакрытых с минимумом времени для пристрелки.

Иркутский военный округ.

Стрельба артиллерии в общем хороша.

В тактическом отношении на произведенной стрельбе с маневрированием замечено много недочетов, как-то: боевой участок, указанный для артиллерии начальником отряда, крайне стеснял действие артиллерии, но начальник артиллерии о неудобствах указанного ему участка не доложил старшему начальнику; связь начальника отряда со своей артиллерией отсутствовала, за все время боя начальник отряда не дал своевременно ни одной задачи артиллерии; артиллерийские начальники выезжали на рекогносцировку далеко вперед, не имея прикрытия и не считаясь с расположением своей пехоты, и т. д.[2]).

---

[1]) Это „Наставление" утверждено было и выдано войскам к руководству лишь в 1913 г., за несколько месяцев до начала мировой войны. Основные положения из проекта „Наставления" были напечатаны в неофициальном „Пособии по стрельбе полевой артиллерии" изд. 1911 г. (см. выше).

[2]) Дело В.-Уч. Архива 187—398.

Приложение IV.

А. Маневренный период.

В отчете ген. Карачана, командированного осенью 1914 года на юго-западный фронт для выяснения причин огромного расхода выстрелов из 3-дм. полевых пушек, приведены, между прочим, следующие данные в доказательство неумелого использования артиллерии в маневренный период мировой войны [1].

Полевая артиллерия действовала преимущественно побатарейно. Батареи подчинялись командирам полков и другим войсковым начальникам, которые были не достаточно ознакомлены со свойствами артиллерии и ее боевым применением и ставили ей несоответствующие задачи, результатом чего являлась чрезмерная трата снарядов.

Начальники боевых участков не редко заставляли свою артиллерию открывать огонь по целям, не имеющим тактического значения,—небольшие группы людей, разъезды, местные предметы, не занятые противником, и проч.; артиллерии приходилось стрелять по невидимым для нее целям, существование которых в данном месте сообщалось пехотой, при чем сообщения эти часто грешили нервностью и неточностью. Артиллерию заставляли стрелять по целям, существование которых лишь подозревалось (в лесу, за гребнем и проч.), или в условиях невозможности получения реального результата, как-то: обстреливание шрапнелью из полевых 3-*дм* пушек глубоких окопов, снабженных козырьками, стрельба ночью без предварительной пристрелки данных для стрельбы днем и т. п.

По требованию пехоты, получила широкое применение стрельба с целью подготовки атаки, а не только поддержки, как учились в мирное время, при чем пехота, обещая по окончании подготовки перейти в наступление, не редко оставалась в пассивном состоянии; совместные одновременные действия артиллерии и пехоты часто отсутствовали.

Со стороны общевойсковых начальников проводились довольно настойчивые требования о, так называемой, артиллерийской дуэли; артиллерию заставляли вступить в артиллерийское состязание с артиллерией противника, при чем пехота бывала лишь зрительницей этой борьбы, или заставляли „нащупывать" невидимые неприятельские батареи и тщетно пытаться привести их к молчанию. Наконец, войсковые начальники иногда требовали стрельбы артиллерии лишь для морального впечатления, для звукового и зрительного эффектов, не считаясь с тем, имеются ли цели для стрельбы и могут ли быть получены какие-либо результаты.

К артиллерии не редко предъявлялись исключительные повышенные требования и довольно рельефно сказывалось желание пехоты „выехать" на артиллерии; известны, например, многочисленные случаи отбития неприятельских атак, проведенные всецело одной артиллерией, не только днем, но и ночью (все 30 ночных атак, произведенные в осенний период войны в 1914 г. на 44 пех. дивизию, были отбиты только огнем артиллерии).

Командиры артиллерийских дивизионов, не имея в первое время войны в подчинении своих батарей, розданных в боевые участки пехотным полкам, не могли управлять в бою своей артиллерией. Только после четырех первых месяцев войны положение несколько изменилось, и командиры дивизионов стали получать возможность управлять боевой работой своей артиллерии. Что же касается командиров артиллерийских бригад, то они вообще не принимали почти никакого участия в этой работе. В еще большей мере

---

[1] А. А. Маниковский „Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг. Ч. III стр. 108—115.

устранены были от руководства боевой службой артиллерии инспектора артиллерии корпусов, главной и чуть ли не единственной обязанностью которых оставалось забота о питании огнеприпасами и об артиллерийском снабжении войск своего корпуса.

При штабах высщих войсковых начальников в 1914 году вовсе не было артиллеристов, которые могли бы быть помощниками по артиллерийской части.

Артиллерия должна была многое забыть, чему учили ее в мирное время артиллерийские начальники, и действовать по приказанию своих новых, иногда случайных, начальников, мало знакомых с основными свойствами современной артиллерии.

По мнению ген. Карачана, блестящие действия русской артиллерии в техническом (стрелковом) отношении заслуживали полное одобрение; тактическое же применение артиллерии, находившееся в руках войсковых начальников, оставляло желать очень многого.

Единственное, что ген. Карачан справедливо ставит в упрек самой артиллерии—это недостаточно энергичное противодействие с ее стороны получению от войсковых начальников задач, не отвечающих ее свойствам; артиллерия, повидимому, забыла в этом отношении уроки мирного времени, что ее всегда обучали именно так не поступать.

Б. Позиционный период.

В записке по поводу действий русской артиллерии во время операции на Западном фронте 5 (18) — 15 (28) марта 1916 года имеется много указаний на нецелесообразное использование артиллерии в позиционный период мировой войны — и не только общевойсковыми начальниками, но и старшими артиллерийскими начальниками. По существу указания эти сводились к следующему [1]).

Разработка плана и подготовка операции, начатая с средины февраля 1916 г., в артиллерийском отношении свелась к расчету общего количества требующихся огнестрельных припасов. Расчет произведен не в зависимости от того, сколько снарядов потребуется для разрушения препятствий атакуемой позиции и для обеспечения операции, а механически—в том предположении, что бои будут продолжаться в одних войсковых частях 10 дней, в других — от 2 до 5 дней и что ежедневный расход выразится: на 3-дм. пушку 200 выстрелов, на 48-лин. гаубицу — 100, на 42-лин. пушку и на 6-дм. гаубицу по 50 и на 3-лин. винтовку — 10 — 25. При составлении расчета не принималось во внимание, сколько боевых припасов фронт мог получить из тыловых запасов и по этому поводу не было предварительных сношений.

В результате, расчет оказался не сообразованным с имевшимися средствами и ошибочным: по отношению к винтовочным и 3-дм. пушечным патронам преувеличенным, а в отношении выстрелов к тяжелым орудиям — преуменьшенным.

В группе войск ген. Плешкова подготовительные работы для расстановки артиллерии начаты были в средине февраля, а задача артиллерии поставлена только 22 февраля (7 марта) приказом № 598 [2]).

По заявлению начальника артиллерии группы, ген. Закутовского, его не привлекали к участию в разработке штабом ген. Плешкова даже той части приказа № 598, коей определялись задачи для его артиллерии (в то время расставленной уже большей частью на позициях).

Таким образом, выбор позиций для артиллерии ген. Закутовского не мог быть сделан в соответствии с теми задачами, которые потом были ей

---

[1]) „Записка по поводу действий русской артиллерии во время операции на Западном фронте 5 — 15 марта 1916 г." изд. Штаба Верховного Главнокомандующего 1916 г.

[2]) Предписанием ген. Плешкова от 15 (28) февраля № 424 указывалось начать работы по подготовке, но исполнителям разрешалось задавать только частные задачи без разъяснения общей обстановки. Впрочем, и сам ген. Плешков получил 14 февраля предписание командующего 2-й армией о сформировании группы без указания наступательных задач.

поставлены. Позиции были выбраны 15 — 20 февраля, задачу артиллерия получила 22 февраля, но, мало того, 28 февраля (13 марта) задачу изменили — и в то время, когда артиллерийская подготовка уже началась.

По объяснению начальника штаба группы ген. Плешкова (записка начальника штаба 1 Сибирского корпуса от 31 марта (13 апреля) 1916 г. № 1.600), задача была изменена в виду того, что в действительности атака велась на район 2 верстами южнее того участка неприятельской позиции, разгром которого намечался по первоначальной идее ген. Плешкова, согласно чего ставилась задача артиллерии 22 февраля (7 марта).

Расстановка артиллерии на указанных ей позициях встречала большие затруднения вследствие лесисто-болотистой местности, в особенности в 1 армейском корпусе: батареи пришлось ставить на случайных лесных полянках, устраивая для орудий помосты из бревен; наблюдательные пункты приходилось артиллеристам избирать на опушке леса в непосредственной близости к противнику под сильным ружейным и пулеметным обстрелом, что крайне затрудняло управление артиллерийским огнем.

Атакуемый участок неприятельской позиции был мало исследован; воздушной фотографии атакуемого участка предварительно сделано не было; поэтому более или менее известна была только первая линия, прочие лишь „предполагались“ (приказ № 598) [1]). За неимением фотографий, артиллерия не только не могла разрушать фланкирующие участки позиции противника, но не могла даже обстреливать ни эти участки, ни вторую линию обороны, ни ходы сообщений, ни пути движения резервов противника.

Задачи для артиллерии ставились, в большинстве случаев, не соответствующие ее основным свойствам, не учитывающие сил артиллерии и не выполнимые или неопределенные.

Задача артиллерийской группе ген. Закутовского [2]) — содействовать прорыву корпусов, обратив особое внимание на: а) интенсивный обстрел узлов: Ковальтишки — Мотишки, Голатыльцы — Вилейты, Микулишки — Бугулишки [3]); б) подавление артиллерии противника на участках Лоси — Лодзеи, Свилели — Ловкишки — Рудзеи и Дашки — Дворчаны — Ананичи и Зогач [4]); в) фланкирование участков Вилейты — Ковальтишки и Мужейки — Задевье — Соловьи [5]); г) образование достаточного числа проходов в проволочных заграждениях к пунктам атаки [6]); д) подготовку к атаке второй линии противника Лодзеи — Ляховичи, Интока — Свилели — Яржево [7]); е) непосредственную поддержку атаки 1-й и 2-й линии противника [8]).

Задача поставлена была весьма широко, но довольно неопределенно и без надлежащего учета сил и свойств своей артиллерии. Задачей предусмотрен только „обстрел узлов“, но не разрушение окопов. Приказано подавить артиллерию, но это не значит еще избавить себя от ее огня, так как опыт предшествующих боев мировой войны 1914 и 1915 гг. привел к заключению, что в большинстве случаев как русская, так и артиллерия противника оставались почти не уязвимыми. Для образования проходов в проволоке и для подготовки атаки необходимо достаточное время и соответствующие артиллерийские средства. Ген. Плешков, как видно из его рапорта командующему 2-й армией от 21 февраля (7 марта) 1916 г. № 456, предполагал, что артиллерийский огонь будет продолжаться непрерывно до 2 — 2½ суток, усиливаясь моментами до „барабанного“; в действительности же, артиллерийская подготовка 5 (18) марта продолжалась только 5 часов. Артиллерийские силы и средства, имевшиеся в распоряжении ген. Заку-

---

[1]) Фотографирование было выполнено только 7 и 13 марта, т. е. тогда, когда уже не могло принести существенной пользы; кроме того, сделанные фотографии к артиллерии вовсе не попали.

[2]) Указание местных пунктов для данной работы особого значения не имеет; поэтому 3-вер. карта, на которой их возможно найти, не прилагается.

[3]) Сумма фронтов этих узлов около 2 верст.

[4]) Общее протяжение участков 16 верст.

[5]) Протяжение первого 3½ вер. и второго участка 9 верст.

[6]) Приказание неопределенное; последующим приказом (14) марта 1916 г. предписывалось сделать 4 прохода по 20 саж. шириной каждый.

[7]) Фронт 7 верст.

[8]) Задача, возможная только после выдвижения артиллерии вперед.

товского, не соответствовали поставленной задаче и были весьма недостаточны для выполнения этой задачи (3-дм. пушек — 72, старых 42-лин. пушек — 12 и 6-дм. пушек в 120 пуд. — 12, полевых 48-лин. гаубиц — 60, 6-дм. гаубиц — 32); для заданного широкого фронта позиции противника указанного количества орудий было мало, по дальнобойности и мощности огня орудия были слабы для разрушения укрепленной позиции и для подавления артиллерии противника, расположенной в глубоком тылу.

Приказом ген. Плешкова 28 февраля (13 марта) 1916 г. № 723/2 [1]) задача была изменена так: „артиллерийской группе ген. Закутовского развить наиболее мощный огонь преимущественно по неприятельской позиции д. Вилейты — д. Можейки (фронт $5^1/_2$ верст), по артиллерийским группам неприятеля и по тылу его позиции".

Опять задача широкая, но еще более неопределенная, чем первая.

Наконец, 3 (16) марта начальником штаба ген. Плешкова была дана инструкция ген. Закутовскому, в которой указывалось: „при подготовке 5 (18) марта сначала демонстративно обстреливать в течение 3 часов фронт оз. Можейское — д. Зацевье (район этот южнее фронта атаки), а затем перенести сразу огонь на ударный участок (шириной 7 верст) по линии д. д. Матишки — Бучалишки — Лапинский лес, оставив наблюдение за первым фронтом (протяжение 5 верст)" [2]). Дальнейшие указания инструкции были общими местами.

Ген. Закутовский поставленную ему несоответственную задачу выполнил в артиллерийском отношении совершенно неудовлетворительно. Разделив подчиненную ему артиллерию на пять групп, он каждой группе дал следующие задачи:

1 группе (36 легких 3-дм. пушек на позиции в районе Волохи — Поставы, растянутой на 4 версты): „обстреливать фронтальным, фланговым и косым огнем участок от Можейки до леса у Лапина".

Наименьшая дистанция до окопов несколько больше 3 верст, до Можейки 6 верст, до Лапинского леса 6 — $8^1/_2$ верст. На таких дистанциях, несомненно, подготовка атаки из 3-дм. пушек, да еще по укрепленной позиции, невозможна, почему „участие этой группы в общем ударе свелось к нулю".

Дальнейшие задачи той же группе, поставленные ген. Закутовским, нельзя серьезно рассматривать, а именно: обстрел выходов из окопов, тыловых дорог, резервов, образование дымовых завес, оборона от аэропланов. В особенности странным было „образование дымных завес" и к тому же на участке, который атаковать даже не предполагали.

2 группе (36 легких 3-дм. пушек на позиции Поставы—Кашицы, на фронте в 2 версты): „подавление огня неприятельской артиллерии на участке Дашки — Зогач — Дворчаны — Соловьи — Ананичи; фронтальный и косой огонь по окопам на участке Новый Двор — Зогач; обстрел тыловых подступов подхода резервов; образование на участке дымовых завес; оборона позиции от воздушных налетов".

До артиллерии противника, огонь которой требовалось подавить, было около 6 — 7 верст. На этой дистанции она сама не могла противодействовать атаке на главном направлении (д. Микулишки — д. Бучелишки — Лапинский лес); поэтому борьба с нею не имела значения. До окопов было $3^1/_2$ — $4^1/_2$ версты, до тыловых подступов — еще дальше.

Совершенно непонятным является подчинение этой группы ген. Закутовскому, так как она находилась в 10 верстах от участка неприятельской позиции, куда направлялся главный удар войск ген. Плешкова и по дальнобойности 3-дм. пушек (предельная дальность гранаты 7 — 8 верст) в поддержке атаки участия принять не могла [3]).

---

[1]) „Записка по поводу действий нашей артиллерии во время операции на Западном фронте 5 — 15 марта 1916 г." изд. Штаба верх. главнокоманд., стр. 18.

[2]) То же, стр. 18—23, 42, 43.

[3]) Поддержать атаку на главном направлении не могла и 1 группа; ее также не следовало подчинять ген. Закутовскому. Напротив, 1-я и 2-я сибирские артиллерийские бригады, работавшие по району главной атаки с довольно близких расстояний, не были подчинены ген. Закутовскому, вследствие чего работа легкой и тяжелой артиллерии, на месте главного удара, не была объединена.

3 группе (48-лин. гаубиц — 12, 6-дм. гаубиц — 8 и 6-дм. пушек в 120 пуд. — 12 на позиции от железно-дорожной станции Поставы до д. Кашицы, растянутой до 8 вер.): „обстрел неприятельской артиллерии в районе Зогач — Дашки — Литвинки — Соловьи — Ананичи — Новый Двор — Горы; обстрел фронтальным, фланговым и косым огнем участка Можейки — Зогач; обстрел тыловых позиций".

До вероятного района немецкой артиллерии дистанция была 5, и большею частью 6 — 7 верст. Фронт окопов Можейки — Зогач — около 8 верст; если бы все 32 гаубицы 3 группы обрушились на этот участок, то на гаубицу пришлось бы по 120 саж., и чтобы огонь был действителен, потребовалось бы много времени и колоссальное количество снарядов (их было мало).

Непонятно соединение в одну группу разных батарей, разбросанных на фронте 8 верст и не способных работать по общим участкам.

4 группе (48-лин. гаубиц—24, 6-дм. гаубиц — 12 и 42 лин. пушек обр. 77 г.—12 на позиции М. Волоцки — Сивцы, на фронте 7 верст): „а) подавление огня неприятельской артиллерии в районе Свилели — Родзе — Ловкишки, б) стрельба по тыловым подступам и резервам; в) обстрел тыловых позиций в районе Свилели — Яржево — Большая и Малая Олься; г) обстрел участка на фронте Микулишки — Лапин; д) фланкирование участка Задевье — Новый Двор; е) образование проходов в проволоке между Бучилишки и Лапин (2 прохода по 20 саж. в левой половине участка); ж) стрельба по змейковым шарам".

Для 48 орудий семь ответственных задач! При этом, до района неприятельской артиллерии, до тыловых позиций, до тыловых подступов и резервов дистанция 6 — 7 верст; до атакуемого фронта Микулишки — Лапин $4^1/_2$ — 6 верст; до фланкируемого участка Задевье — Новый Двор 4 — 6 верст (совершенно непонятно, зачем требовалась фланкировка этого второстепенного участка, прикрытого озером Задевье, и в то время, когда своя пехота гибла на главном участке на проволоке под огнем из неразрушенных окопов). Разрушение проволоки приходилось делать с дистанций 5 — 6 верст, что совершенно не допустимо; в результате—гибель пехоты. До змейкового аэростата достать не могли.

5 группе (48-лин. гаубиц — 24 и 6-дм. гаубиц — 12 на позиции Мал. Волоцки и лес к востоку от д. Курты, фронтом 6 в.): к а) обстрел участка Микулишки—Лапин, особенно Бучилишки — Лапин; б) образование проходов в проволоке между Бучилишки и Лапин — 2 прохода в правой половине участка и в) обстрел тыловых позиций в районе Интока — Свилели — Яржево".

Фронт всего участка обстрела (правильнее разрушения) $2^1/_2$ версты а Бучилишки — Лапин — около $1^1/_2$ верст; для такого длинного участка (на него ген. Плешковым направлялся главный удар) всех 36 орудий 5 группы было недостаточно, если бы даже отбросить все прочие задачи группы. Проходы в проволоке делались гаубицами с 4 — $4^1/_2$ верст (следует их делать полевыми 3-дм. пушками с дистанций не более 2 верст). Обстрел Лапинского леса, при площади его около 2 кв. верст, является задачей, не обещающей серьезного результата.

В общем, для подготовки и поддержки атаки 5/18 марта на участке главного удара 1 Сибирского корпуса д. Бучилишки — Лапин из всей артиллерии ген. Закутовского — легкой 3-дм. артиллерии вовсе не привлечено, полевых 48-лин. гаубиц привлечено для обстрела окопов 6 батарей или 46% и для разрушения проволочных заграждений 2 батареи (дистан. 4 — $4^1/_2$ вер.), тяжелых 6-дм. гаубиц привлечено для обстрела окопов одна батарея или лишь 10% и для разрушения проволоки одна батарея (дистанц. 5 — 6 вер.).

На каждую гаубицу приходился для разрушения фронт окопов около 30 саж. Это слишком широкий фронт, и при той большой дистанции (около 5 верст) и той серьезной профили окопов, какая была в данном случае, разрушение, произведенное при подготовке 5/18 марта, не могло быть доста-

точным; результат разрушения проволоки с дистанций 5 — 6 верст должен был оказаться сомнительным [1]).

Подготовка атаки 5/18 марта в 1-м Сибирском корпусе началась в 8 час. 15 мин.; в 11 час. артиллерийский огонь стал напряженным; немцы отвечали слабо. В 12 час. „без ведома и предупреждения артиллеристов, несмотря на то, что подготовка закончена не была, пехота пошла в атаку". По этому поводу в записке, 31 марта (13 апреля) 1916 г. за № 1600, начальник штаба 1 Сибирского корпуса, ген. Зиборов пишет: „для атаки точного срока не определялось, а предполагалось переход в наступление пехоты приурочить к тому моменту, когда обозначатся реальные результаты огня, — во всяком случае не ранее двух (14), а, может быть, и четырех (16) ч. дня. Никаких указаний ни из штаба группы (ген. Плешкова), ни от инспектора артиллерии группы (ген. Закутовского) о том, что артиллерийская подготовка будет закончена к 12 часам дня, не исходило. Поэтому начатая 22 пех. и 1-Сибирск. дивизиями атака в первом (13) часу дня произошла, очевидно, по какому-то недоразумению".

В результате этого преступного недоразумения, доказывающего полное отсутствие связи между пехотой и артиллерией [2]), а также в результате неправильного использования артиллерии в тактическом и техническом отношениях — неудача с тяжкими потерями.

Особенно пострадал Вильманстрандский полк, единственный из целого 1 армейского корпуса, пошедший в атаку. Полк начал атаку, когда артиллерийская подготовка далеко не была закончена, не предупредив командовавшего артиллерийской группой. Полк был встречен с фронта ружейным и пулеметным огнем, а с фланга — огнем артиллерии, до того времени бездействовавшей. Полк залег и был уничтожен неприятельским огнем [3]).

Операция продолжалась до 15/28 марта, атаки повторялись неоднократно, имея лишь временный частичный успех.

Дальнейшие приказы ген. Плешкова ставили артиллерии попрежнему широкие и неопределенные задачи с усилением огня до возможного предела и урагана при ночной обстановке, при чем атаки перекладывались со дня на день.

Напр., вечером 11/24 марта ставилась задача: „всей артиллерии усилить огонь до возможного в два часа ночи, а к трем часам ночи довести огонь до урагана, перенеся его на ближайший тыл неприятеля; в три часа ночи, под прикрытием ураганного огня артиллерии, корпусам стремительно и безудержно атаковать неприятеля".

Ночью того же 11/24 марта приказано было отложить атаку на сутки, но артиллерии продолжать обстрел всю ночь и весь день 12/25 марта.

Для выполнения задач, которые непрерывно ставились и постоянно изменялись, артиллерия не имела времени ни на перегруппировку, ни на переустройство связи, ни на пристрелку.

Артиллерийский огонь почти не прекращался в течение 10 суток, переходя временами, по указаниям штабов, в „ураганный огонь". По свидетельству пехотных начальников, огнем артиллерии к концу операции проволочные заграждения и окопы 1 линии были достаточно разрушены для беспрепятственного прохождения пехоты.

Начальник штаба 1 арм. корпуса, ген. Новицкий доносил 11/24 марта: „проволочные заграждения разрушены настолько, что пехота прошла свободно. Окопы были повреждены сильно".

---

[1]) Нельзя промолчать еще об одной технической детали, чреватой последствиями. Пристрелка батарей группы ген. Закутовского была начата за три дня до начала операции, при чем на избранном для прорыва участке неприятельской позиции было пристреляно 237 целей. Такая пристрелка давала ясные указания немцам на то, где именно готовится для них удар.

[2]) Организовать связь в условиях позиционной войны, при заблаговременной подготовке прорыва неприятельской укрепленной полосы, было безусловно необходимо и вполне возможно.

[3]) Фронт главной атаки 1 арм. корпуса был около $3^1/_2$ верст. На этом фронте для подготовки и поддержки атаки действовала артиллерия ген. Масальского из 54 легких 3-дм. пушек и 12 полевых 48-лин. гаубиц, при чем на каждую гаубицу для разрушения приходилось около 150 саж. фронта атакуемого участка, т.-е. о разрушении не приходилось и думать.

Артиллерия это сделала с огромной затратой снарядов.

Но артиллерия противника в течение всей операции не была обнаружена, и подавить ее огонь не удалось. Главная причина — отсутствие хороших наблюдательных пунктов и воздушной разведки [1].

Не удалось, кроме того, артиллерии уничтожить пулеметную оборону Лапинского леса и некоторых других фланкирующих построек, а также уничтожить оборону тыловых линий неприятельской позиции.

Вследствие этого, пехота не была в состоянии удерживаться в захваченных ею первых двух линиях окопов противника, попадая под фланговый пулеметный и сосредоточенный огонь германской артиллерии, расположенной кольцеобразно вокруг атакуемого участка.

Использование артиллерии в операции 5/18 — 15/28 марта в других группах 2-й армии (ген. Балуева и ген. Сирелиуса) оказалось столь же нецелесообразным, как и в группе ген. Плешкова, обнаружив слабую подготовку в артиллерийском отношении старших начальников и недостаточную связь в боевых действиях пехоты с артиллерией.

Как и в группе ген. Плешкова, частая отмена и откладывание атак, тогда как артиллерийская подготовка ведется, по распоряжению войскового начальства, почти без перерывов; подготовка атак огнем артиллерии ночью (ночная стрельба артиллерии вообще не достигает успешных результатов, она может иметь лишь психологическое значение); только в V арм. корпусе артиллерийские и пехотные начальники сговорились об атаке, при чем артиллерии были указаны по местности (а не по карте) участки для прорывов проволоки и разрушения окопов, но все же некоторые атакующие части были направлены на участки, не разрушенные артиллерией, и попадали на цельную проволоку под огонь; на мортирные и тяжелые батареи возлагаются задачи борьбы с артиллерией противника и разрушение проволоки, на легкие батареи — обстрел окопов (следовало наоборот); 8 сибирская артил. бригада оставлена в резерве, а 38 легких 3-дм. орудий использованы для стрельбы по аэропланам (почти за 2 года войны, предшествующие операции, начальники могли убедиться в безрезультатности стрельбы по аэропланам из 3-дм. пушек), т.-е. в общем около 40 легких пушек остаются неиспользованными и проч.

Артиллерии XXXVI корпуса и всей артиллерии группы ген. Сирелиуса было приказано подготовить данные для стрельбы по своим же окопам на случай занятия их противником; подобное приказание деморализующе действует на войска, вселяя в них недоверие к своим силам, и уверенность в превосходстве противника, не наступательный порыв, а мысль об отступлении.

В группе войск ген. Сирелиуса все знали, что задача группе поставлена пассивная, а потому и артиллерия не добивалась достичь результатов; ген. Сирелиус, в виде особой задачи для артиллерии, требовал: „периодически возобновлять беглый огонь на всем фронте, чтобы тревожить противника"; с этой целью делались „ураганные вспышки" артиллерийского огня два раза днем и один раз ночью, но для атаки войска не посылались [2].

---

[1]) Артиллерия немцев также не могла обнаружить русские батареи.

[2]) „Записка по поводу действий нашей артиллерии во время операции на Западном фронте 5—15 марта 1916 г.". Изд. штаба верховн. главнокомандующего, стр. 7 — 14, 32, 33.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВ.

1. Дела военно-ученого архива (дела 1904—1914 гг. бывш. главного управления генерального штаба):

№№ 124—985, 124—996, 130—669, 177—149, 177—959, 178—011, 179—057, 179—489, 180—181, 180—269, 180—518, 181—685, 182—077, 182—090, 183—536, 183—674, 183—827, 184—866, 185—854, 185—935, 186—038, 186—049, 186—050, 186—447, 186—650, 186—922, 187—029, 187—128, 187—279, 187—395, 187—398, 169—836, 172—327.

2. Показания бывш. начальника ГАУ ген. Кузьмина-Караваева и его бывшего помощника ген. Смысловского комиссии для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии.

3. Свод сведений той же комиссии об оружии и об огнестрельных припасах.

4. „Очерк вооруженных сил Германии, Австро-Венгрии и Румынии к 1 января 1914 г.", изд. ГУГШ.

5. „Германская армия", изд. 1917 г. штаба главнокомандующего армиями Западного фронта.

6. „Свойства орудий и краткие указания для их применения", изд. 1916 г. штаба верховного главнокомандующего.

7. „Положение о полевом управлении войск в военное время", утвержд. 16 июля 1914 г.

8. „Свод военных постановлений" 1869 г., кн. кн. I, V, XIII и XV.

9. „Приказы по военному ведомству" 1910 г. № 664 и 1911 г. № 133.

10. „Пособие по стрельбе полевой артиллерии", изд. 1911 г. под редакцией ген. Краевского.

11. Л. Гобято „Артиллерия полевых армий", изд. 1913 г.

12. С. Т. Беляев „Артиллерия", изд. 1910 г.

13. А. А. Маниковский „Боевое снабжение русской армии в 1914—1918 гг.", части I, II и III.

14. Драгомиров „14 лет".

15. А. Свечин „История военного искусства", ч. III.

16. А. Геруа „После войны о нашей армии", изд. 1906 г.

17. Эрр. „Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем", изд. 1925 г.

18. Гаскуэн „Эволюция артиллерии во время мировой войны, изд. 1921 г.

19. „Русский инвалид" за 1905 год, Статьи о русско-японской войне.

20. „Устав полевой службы", изд. 1904 и 1912 г.

21. Инструкции и наставления для артиллерийской службы и проч.

22. A. Broussaud „Instruction russe pour l'emploi de l'artillerie de compagne au combat". Paris. 1912.

23. Записка (секр.) по поводу действий русской артиллерии во время операции на Западном фронте 5 (18) — 15 (28) марта 1916 года. Изд. штаба верховного главнокомандующего 1916 г.

24. „Красный Архив". Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем.

25. „Красный Архив". Мемуары ген. Поливанова.

26. „Воспоминания ген. Лукомского". Изд. за границей.

27. „Военно-Статистический Ежегодник армии за 1912 год".

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 1 р. 15 к.

10666